

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Серая Наталья Александровна

**ПРАВОВОЙ СТАТУС САМОРЕГУЛИРУЕМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА
КАК СУБЪЕКТА ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Лескова Юлия Геннадьевна
доктор юридических наук, профессор

Москва – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Общая характеристика правового статуса саморегулируемой организации в области строительства как частно-правовой формы.....	23
1.1. Нормативные источники правового статуса саморегулируемой организации в области строительства.....	23
1.2. Содержание правового статуса саморегулируемой организации в области строительства в частно-правовых правоотношениях	47
1.3. Возникновение и прекращение правового статуса саморегулируемой организации в области строительства	72
ГЛАВА 2. Корпоративно-правовые формы реализации статуса саморегулируемой организации в области строительства в частно-правовых отношениях.....	93
2.1. Корпоративный акт саморегулируемой организации как правовая форма саморегулирования	93
2.3. Органы саморегулируемой организации в области строительства.....	104
ГЛАВА 3. Имущество и ответственность саморегулируемой организации в области строительства в частно-правовых отношениях.....	120
3.1. Правовой режим имущества саморегулируемой организации в области строительства.....	120
3.2. Гражданско-правовая ответственность саморегулируемой организации в сфере строительства по своим обязательствам.....	149
3.3. Гражданско-правовая ответственность саморегулируемой организации в сфере строительства по обязательствам своих членов.....	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	181
БИБЛИОГРАФИЯ.....	196

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Развитие саморегулирования как формы децентрализованного регулирования экономических отношений есть объективный процесс, обусловленный, с одной стороны, усложнением взаимодействия удовлетворяемых посредством экономической деятельности совокупности публичных и частных интересов, а, с другой, политико-правовыми факторами, определяющими партнерский характер взаимоотношений современного социального государства и субъектов предпринимательской деятельности в процессе решения социально значимых задач развития материальной основы существования общества. Интеграция саморегулирования в систему правового регулирования посредством признания юридического действия выработанных предпринимательскими сообществами правил поведения, в том числе, сопровождающееся обеспечением их реализации характерными для классического права средствами, позволяет выстраивать сбалансированное правовое регулирование соответствующих сфер, отражающее сбалансированное взаимодействие различных частных и публичных интересов.

Социальная институализация саморегулирования предполагает нормативную регламентацию опосредующих его форм, которыми обеспечивается, в том числе, организационно-правовое структурирование тех общественных отношений, посредством которых предпринимательские сообщества создают и реализуют образующие саморегулирование правила поведения. Заданный политико-правовыми факторами тренд на сокращение административного вмешательства государства в экономическую деятельность обусловил выбор для решения указанной задачи частно-правовой формы – юридического лица; раскрываемая посредством функций социальная сущность саморегулирования определила выбор конкретного его (юридического лица) вида – некоммерческая корпорация в организационно-

правовой форме ассоциации. Находящийся в очевидной причинно-следственной связи с формированием правовой системы саморегулирования предпринимательской деятельности в сфере строительства отказ государства от такой формы ее управления как лицензирование создал впечатление делегирования соответствующих публично-правовых полномочий частно-правовым субъектам, что было воспринято научным сообществом как вызов обоснования допустимости интеграции публично-правовых элементов в частно-правовой статус. Подобная постановка вопроса, на наш взгляд, уводит дискуссию в неправильном направлении, ибо ответ на этот вопрос надо искать в области потенциала частно-правовых форм саморегулирования, а не в обосновании интеграции в эти формы таких публично-правовых элементов, которые приведут к его (саморегулирования) качественной трансформации, что неизбежно отражается на уровне правовой защищенности субъектов экономической деятельности. Сейчас это можно наблюдать на примере ряда правоограничительных по своей природе мер (таких как исключение члена саморегулируемой организации, приостановление права осуществлять определенные виды деятельности), которые саморегулируемая организация в области строительства может применять к своим членам «под маской» корпоративных мер. Показателен, на наш взгляд, тот факт, что правовая регламентация саморегулирования в строительной сфере в настоящее время сконцентрирована в Градостроительном кодексе Российской Федерации – нормативном акте преимущественно публично-правового содержания.

Поскольку саморегулирование есть система частно-правовых отношений, постольку конструкция саморегулируемой организации представляет собой известный набор частно-правовых форм, посредством которых может быть осуществлена гармонизация частных и публичных интересов в сфере строительства. Статус саморегулируемой организации дополняет организационно-правовую форму ассоциации такими элементами, которые проявляются, прежде всего, в плоскости саморегулятивного потенциала, однако эти изменения неизбежно проявляются во влиянии на все

ее составляющие, опосредующие участие такого субъекта как во внутренних (корпоративных), так и во внешних отношениях. Эти элементы, подчеркнем, оставаясь частно-правовыми по своей природе, призваны системно решать более сложный круг задач, нежели характерные для «обычной» ассоциации согласование и реализация общего интереса ее членов; саморегулирование в области строительства призвано обеспечивать, в том числе, публичный интерес; последний при этом не должен подавлять частные интересы членов саморегулируемой организации, ибо в противном случае это приведет к элиминированию корпоративной природы саморегулирования и превратит такие организации в малоэффективный (в качестве инструмента саморегулирования) «придаток» системы государственного управления в этой сфере.

На сегодняшний день система правового регулирования строительной деятельности с применением корпоративных правовых форм самоуправления сформирована и функционирует достаточно долго, чтобы дать эмпирический материал для оценки ее эффективности и научном обосновании направлений совершенствования. По состоянию на декабрь 2022 года в Российской Федерации действует 225 саморегулируемых организаций в области строительства, которые объединяют в качестве членов 97 715 субъектов строительной деятельности¹. С учетом того, что доля строительства в общем ВВП России составляет более 13%², очевидно, что даже незначительные просчеты в правовом регулировании в данной сфере могут вызвать значительный негативный социальный и экономический эффект.

Сказанное подтверждает актуальность исследования правового статуса саморегулируемых организаций в области строительства с точки зрения специфики обеспечения реализации функций саморегулирования частно-правовыми средствами.

¹ Официальный сайт Национального объединения строителей (НОСТРОЙ). - URL: <https://nostroy.ru/> (Дата обращения 01.12.2022).

² Официальный сайт Росстата России. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-06-2022.pdf> (Дата обращения 01.12.2022).

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. В силу своей актуальности проблематика, которой посвящена настоящая работа, не могла быть не затронута в трудах отечественных ученых, исследующих вопросы саморегулирования предпринимательской и иной профессиональной деятельности в правовом механизме регулирования общественных отношений (С.В. Васильева, М.А. Егорова, И.В. Ершова, С.А. Зинченко, В.В. Кванина, Ю.Г. Лескова, Е.И. Спектор, Э.В. Талапина и др.). В ряде научных трудов затрагиваются отдельные аспекты правового, в том числе корпоративного, статуса саморегулируемых организаций (А.А. Байтенова, О.В. Белая, О.А. Серова, О.А. Васючкова, О.А. Т.В. Даутия, В.В. Долинская и др.).

Имеющиеся комплексные исследования собственно правового статуса саморегулируемых организаций рассматривают его через призму административно-правовых подходов (А.Ф. Алгазина, З.М. Баймуратова и др.) либо выполнены применительно к иным правовым позициям и условиям (А.В. Басова, А.А. Герасимов, Д.О. Грачев, И.Г. Журина, Д.А. Петров, Ю.А. Романов и др.).

Названными и многими другими исследователями (О.А. Тарасенко, О. Н. Максимович, А.А. Мохов, О.В. Сушкова и др.) внесен огромный вклад в доктринальную разработку правового механизма саморегулирования на уровне явления в целом, так и отдельных его элементов, однако потребность в комплексном исследовании правового статуса саморегулируемой организации в области строительства применительно к современным правовым условиям вряд ли можно признать исчерпанной; развитие законодательства и правоприменительной практики обозначает новые проблемы, которые настоятельно требуют своего научного осмысления и разрешения.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в научном обосновании правового статуса саморегулируемой организации в области строительства как совокупности частно-правовых

форм, системно обеспечивающих возможность ее участия в частно-правовых отношениях с целью реализации функций саморегулирования.

Цель исследования достигается посредством решения следующих задач:

- оценить современное состояние нормативного регулирования правового статуса саморегулируемой организации в области строительства с точки зрения его системности и полноты;

- исследовать содержание правового статуса саморегулируемой организации в области строительства с точки зрения правовой природы образующих его правовых форм, обеспечивающих возможность участия в частно-правовых отношениях с целью реализации функций саморегулирования;

- исследовать правовой механизм возникновения и прекращения правового статуса саморегулируемой организации в области строительства;

- исследовать свойства корпоративных актов как частно-правовой формы, посредством которой реализуются функции саморегулирования в области строительства;

- выявить особенности структуры органов саморегулируемой организации в области строительства, обусловленной дифференциацией функций корпоративного управления и саморегулирования;

- выявить особенности правового режима имущества саморегулируемой организации в области строительства, обусловленные целями ее участия в частно-правовых отношениях;

- исследовать ответственность саморегулируемой организации в области строительства по своим обязательствам как элемент ее правового статуса, обусловленный целями ее участия в частно-правовых отношениях;

- исследовать ответственность саморегулируемой организации в области строительства по обязательствам своих членов как элемент ее правового статуса, обеспечивающий реализацию функции саморегулирования.

Объект диссертационного исследования представлен системой общественных отношений, возникающих в связи с участием

саморегулируемой организацией в области строительства в частно-правовых отношениях посредством реализации образующих ее правовой статус частно-правовых форм, опосредующих функции саморегулирования.

Предметом диссертационного исследования являются правовые нормы, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с участием саморегулируемой организации в области строительства в частно-правовых отношениях посредством реализации образующих ее правовой статус частно-правовых форм, опосредующих функции саморегулирования, правоприменительная практика, доктринальные источники, посвященные проблемам правового статуса саморегулируемых организаций.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные труды представителей науки гражданского и предпринимательского права, таких как М.М. Агарков, С.С. Алексеев, В.А. Белов, Н.С. Бондарь, М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, С.В. Васильева, О.А. Васючкова, Я.Р. Веберс, А.В. Венедиктов, В.В. Витрянский, А.В. Габов, В.П. Грибанов, Т.В. Даутия, В.В. Долинская, М.А. Егорова, И.В. Ершова, А.В. Забелин, О.С. Иоффе, Т.В. Кашанина, В.В. Кванина, Н.В. Козлова, О.А. Красавчиков, В.А. Лаптев, Ю.Г. Лескова, С.Д. Могилевский, В.А. Мусин, И.Б. Новицкий, Л.А. Новоселова, В.А. Ойгензихт, Д.А. Петров, В.А. Потапов, Ю.А. Романов, О.А. Серова, А.Ф. Суров, Е.А. Суханов, О.А. Тарасенко, Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина, Б.Б. Черепашин, И.С. Шиткина и др. Воздействие на настоящее исследование оказали работы таких зарубежных ученых как Breuer W., Ferri G.B., Gierke O. v., Talbot L.E., Tommasini R., Годэмэ Е., Морандьер Л.-Ж., Саватье Р. и др.

Методологическая основа диссертационного исследования обусловлена объектом и предметом исследования; в основе методологии исследования лежит метод диалектического познания; также были использованы следующие методы: формально-логические методы (абстрагирование, анализ, аналогия, дедукция и индукция, синтез, обобщение); специальные методы правовых исследований (конкретно-социологический, методы грамматического, логического, системного

толкования). Применялись также статистические методы с целью оценки эффективности того или иного правового явления в количественном (численном) выражении.

Информационная база исследования представлена прежде всего нормативными актами, среди которых федеральные законы, постановления Правительства Российской Федерации, приказы Ростехнадзора России, уставы и иные корпоративные акты не только саморегулируемых организаций, основанных на членстве лиц, осуществляющих строительство, но и Национального объединения, объединяющего названные организации.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили постановления Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, содержащие толкование норм гражданского права, материалы судебно-арбитражной практики, включая определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам, судебные акты арбитражных судов округов, апелляционных судов и судов первой инстанции, статистические данные. Весь процесс сбора, обработки и анализа информации осуществлялся на основе соблюдения требований репрезентативности, предъявляемых к социальным исследованиям.

Научная новизна работы состоит в научном обосновании правового статуса саморегулируемой организации в области строительства и образующих его элементов как частно-правовых форм, обеспечивающих реализацию функций саморегулирования как правовой формы децентрализованного регулирования, на основе чего определены подходы к совершенствованию условий возникновения и прекращения такого статуса, его организационной и имущественной составляющих, ответственности саморегулируемой организации, а также правового регулирования реализации компенсационной функции. Научная новизна работы определяется как самой

постановкой проблемы, так и подходом к ее исследованию с учетом недостаточной на сегодняшний день степени ее разработанности.

Диссертантом сформулированы новые научные и практические подходы к решению задач диссертационного исследования, которые нашли отражение **в положениях, выносимых на защиту:**

1. Поскольку саморегулирование есть форма децентрализованного правового регулирования общественных отношений, сущностной основой которой является воля частно-правовых субъектов, постольку посредством саморегулирования субъекты могут быть ограничены в правах лишь в той мере, в которой это возможно на основе их свободного волеизъявления. В отношении саморегулируемых организаций в области строительства, основанных на обязательном членстве, сфера автономии воли субъектов строительной деятельности сужается, а потому сужаются пределы, в рамках которых в правовой статус саморегулируемой организации могут быть включены такие правоограничительные правомочия в отношении своих членов, которые могли бы рассматриваться как допустимые в условиях их свободного волеизъявления. Включение в правовой статус саморегулируемой организации скрытых «маской» корпоративно-правовой формы мер публично-правового воздействия, правовой результат которых проявляется в уменьшении объема правоспособности члена саморегулируемой организации, недопустимо. Обосновано, что в отношении таких мер саморегулируемая организация в области строительства может быть наделена только правом инициировать их применение уполномоченным государственным органом.

2. Запрет наличия в структуре саморегулируемой организации в области строительства филиалов и представительств является чрезмерным с точки зрения правового механизма реализации регионального принципа организации саморегулирования в этой сфере и ведет к ограничению возможностей последней в осуществлении своей уставной деятельности. Предлагается расширить границы действия регионального принципа организации и функционирования саморегулируемой организации в области

строительства, исключив запрет на создание названной организацией указанных структурных подразделений.

3. Обосновано, что включенные в реестр саморегулируемых организаций в области строительства сведения обладают свойством публичной достоверности, в силу чего любое лицо, добросовестно полагавшееся при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей на запись в таком реестре о правовом статусе саморегулируемой организации, не должно испытывать негативных юридических последствий от последующего признания этой записи недействительной.

4. Поскольку исключение ассоциации из реестра саморегулируемых организаций в области строительства прекращает возможность осуществления ею деятельности по достижению уставных целей, постольку это означает необходимость конструирования материально-правового основания последнего по модели основания принудительной ликвидации юридического лица. Сущность такой санкции исключает допустимость ее формального применения: данная мера подлежит применению в качестве исключительной, в случаях, когда прекращение противоправной деятельности возможно лишь посредством прекращения соответствующего правового статуса субъекта. Применительно к исключению ассоциации из реестра саморегулируемых организаций в области строительства реализация этого подхода требует, во-первых, включение в материально-правовое основание критерия существенности нарушений законодательства, во-вторых, закрепление судебного порядка применения данной санкции во всех случаях.

5. Обосновано, что правовые режимы имущества, образующего компенсационный фонд возмещения вреда и компенсационный фонд обеспечения договорных обязательств саморегулируемой организации в области строительства, не имеют сущностных отличий: цели каждого из них определяются единой компенсационной функцией, реализация которой не зависит от вида обеспечиваемого права третьего лица (из деликта или из договора). Подход к обязательству саморегулируемой организации в области

строительства как самостоятельному обязательству перед третьим лицом, природа которого не зависит от вида охранительного обязательства с участием на пассивной стороне члена саморегулируемой организации, нивелирует отличия в правовых режимах имущества обоих компенсационных фондов. Из этого следует отсутствие необходимости существования в саморегулируемой организации в области строительства двух компенсационных фондов как относительно обособленных имущественных комплексов, тождественных по всем элементам их правовых режимов.

6. Ограничение круга правовых средств, устраняющих негативные последствия нецелевого использования средств компенсационных фондов, недействительностью сделок по их распоряжению и корпоративной ответственностью контролирующих ассоциацию лиц снижает уровень правовой защищенности членов саморегулируемой организации в области строительства, а также не учитывает интересы иных субъектов – потерпевших в деликтных обязательствах и кредиторов в договорных обязательствах с участием членов саморегулируемой организации, которые (потерпевшие и договорные кредиторы) с учетом назначения компенсационных фондов являются основными интересантами сохранения объявленных их размеров. Предлагается наделить членов саморегулируемых организаций в области строительства и/или потерпевших в деликтных обязательствах и кредиторов в договорных обязательствах с участием членов саморегулируемой организации в области строительства правом от имени саморегулируемой организации требовать от банка, в котором открыт специальный счет, нарушившего вытекающие из правового режима последнего ограничения по перечислению средств компенсационных фондов, возмещения убытков в пределах сумм, необходимых для восстановления размеров компенсационных фондов до установленных законом минимальных размеров.

7. Обеспечение интересов кредиторов саморегулируемой организации в области строительства по ее собственным обязательствам необходимо связывать с наличием у саморегулируемой организации в области

строительства минимального размера имущества. Выполнение таким имуществом гарантийной функции, аналогичной уставному капиталу в хозяйственных обществах, не означает потребности в этой правовой конструкции для саморегулируемой организации в силу равного объема корпоративных прав ее членов, а потому указанная задача может быть решена посредством минимального размера чистых активов саморегулируемой организации. Исполнение требования к минимальному размеру чистых активов должно обеспечиваться принудительной ликвидацией саморегулируемой организации в судебном порядке, которой должно предшествовать предоставление ей возможности восполнить недостающий размер имущества за счет членских взносов либо иных источников.

8. Обоснован правовой механизм реализации компенсационной функции саморегулируемой организации в области строительства, основанный на самостоятельном денежном обязательстве между саморегулируемой организацией и потерпевшим/кредитором члена саморегулируемой организации, наделенным правом по своему выбору предъявить требование к саморегулируемой организации по такому обязательству либо к ее члену в рамках существующего с последним деликтного или договорного обязательства. Восстановление компенсационного фонда, за счет средств которого исполнена обязанность саморегулируемой организации в области строительства, с учетом необходимости реализации, с одной стороны, компенсационной функции саморегулируемой организации, а с другой – функций гражданско-правовой ответственности, должно включать два способа: корпоративный, основанный на внесении всеми членами саморегулируемой организации дополнительных взносов (оперативное восстановление компенсационного фонда), и суброгации, в результате которой саморегулируемая организация как суброгат приобретает право требования к члену, противоправные действия которого послужили основанием соответствующей выплаты (реализация функций гражданско-правовой ответственности).

На основе результатов исследования и на основании положений, выносимых на защиту, сформулированы следующие предложения по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство.

1. Изложить часть 6 статьи 55.2 Градостроительного кодекса Российской Федерации в следующей редакции:

«6. Исключение сведений о саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций осуществляется на основании решения суда, принятого по заявлению Национального объединения саморегулируемых организаций, членом которого являлась такая саморегулируемая организация, органа надзора за саморегулируемыми организациями, а также иных лиц, уполномоченных законом. Право потребовать исключения саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций по основанию нарушения пункта 4¹ части 3 статьи 55.4 настоящего кодекса принадлежит также кредиторам саморегулируемой организации, требования которых к саморегулируемой организации, подлежащие удовлетворению за счет иного нежели компенсационные фонды имущества, не были удовлетворены по причине недостаточности имущества саморегулируемой организации».

2. Исключить из части 3 статьи 55.4 Градостроительного кодекса Российской Федерации пункт 2; пункты 3 и 4 указанной части считать пунктами 2 и 3 соответственно.

3. Дополнить часть 3 статьи 55.4 Градостроительного кодекса Российской Федерации пунктом 4 (с учетом предыдущего предложения) следующего содержания:

«4) наличие у некоммерческой организации чистых активов в размере не менее трехсот тысяч рублей».

4. Часть 10 статьи 55.13 Градостроительного кодекса Российской Федерации изложить в следующей редакции:

¹ Имеется в виду пункт 4, редакция которого предлагается в пункте 3 настоящих предложений.

«10. Саморегулируемая организация вправе обратиться в суд с иском в защиту прав и законных интересов своих членов по делам из гражданских правоотношений, возникших в связи с выполнением членом саморегулируемой организации работ на выполнение инженерных изысканий, подготовку проектной документации, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт, снос объектов капитального строительства, а также с административным иском (заявлением) по делам из административных и иных публичных правоотношений с участием члена саморегулируемой организации в качестве субъекта деятельности по выполнению инженерных изысканий, подготовке проектной документации, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объектов капитального строительства».

5. Дополнить часть 1 статьи 55.15 Градостроительного кодекса Российской Федерации вторым предложением следующего содержания: «Приостановление права члена саморегулируемой организации выполнять инженерные изыскания, осуществлять подготовку проектной документации, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт, снос объектов капитального строительства, а также исключение лица из членов саморегулируемой организации осуществляется в судебном порядке по иску саморегулируемой организации».

6. Исключить из первого предложения части 3 статьи 55.16 Градостроительного кодекса Российской Федерации слова «в том числе за счет его требований к саморегулируемой организации». Дополнить указанную часть третьим предложением следующего содержания: «Допускается внесение взноса в компенсационный фонд путем зачета требования члена саморегулируемой организации, которое подлежит удовлетворению за счет средств соответствующего компенсационного фонда при условии, что на момента зачета размер компенсационного фонда достаточен для удовлетворения всех заявленных требований кредиторов, подлежащих удовлетворению за счет этого фонда, включая прекращаемое зачетом требование».

7. Исключить из второго предложения части 3 статьи 55.16 Градостроительного кодекса Российской Федерации слова «а также уплата взноса (взносов) третьими лицами, не являющимися членами такой саморегулируемой организации, за исключением случаев, предусмотренных частью 16 настоящей статьи и частью 10 статьи 55.7 настоящего Кодекса».

8. Дополнить статью 55.16 Градостроительного кодекса Российской Федерации частью 5.1 следующего содержания:

«5.1. В случае перечисления кредитной организацией денежных средств со специального счета в нарушение частей 4, 5 настоящей статьи, саморегулируемая организация, а также член саморегулируемой организации вправе потребовать от кредитной организации возмещения убытков в пользу саморегулируемой организации. С таким требованием вправе также обратиться лица, требования которых подлежат удовлетворению за счет средств компенсационного фонда и не удовлетворены вследствие перечисления кредитной организацией денежных средств со специального счета в нарушение частей 4, 5 настоящей статьи».

9. Часть 12 статьи 55.19 Градостроительного кодекса Российской Федерации изложить в следующей редакции:

«12. При поступлении в орган надзора за саморегулируемыми организациями заключения Национального объединения саморегулируемых организаций о возможности исключения сведений о саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций либо об отсутствии оснований для исключения сведений о саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций, а также в случае, если решение об исключении саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций не было принято в установленный частью 12 настоящей статьи срок, при наличии обстоятельств, свидетельствующих о наличии установленных настоящим кодексом оснований для исключения саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций орган надзора за

саморегулируемыми организациями обязан обратиться в суд с требованием об исключении сведений о саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций. С указанным требованием в суд вправе обратиться также Национальное объединение саморегулируемых организаций».

Часть 13 статьи 55.19 Градостроительного кодекса Российской Федерации исключить.

Обоснованность и достоверность научных положений, сформулированных по итогам диссертационного исследования и выносимых на защиту, обусловлены соблюдением существующих требований методологии теоретико-правового исследования, обобщением опыта правоприменительной деятельности, тщательным отбором эмпирического материала.

Научно-теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что она представляет собой комплексное исследование проблем правового статуса саморегулируемой организации в области строительства как системы частно-правовых форм, опосредующих ее участие в частно-правовых отношениях, позволившее сформулировать выводы и положения, которые могут быть использованы при дальнейшем изучении проблем саморегулирования. Практическая значимость исследования заключается в разработке достаточно конкретных рекомендаций, которые могут быть использованы для совершенствования гражданского законодательства о саморегулируемых организациях в области строительства и правоприменительной практики; результаты исследования, наряду с использованием в научно-исследовательской и практической деятельности, могут найти свое применение в образовательных учреждениях юридического профиля в процессе преподавания курсов гражданского права, предпринимательского права и специализированных учебных курсов.

Апробация результатов исследования. Диссертация была выполнена, проходила обсуждение и одобрена на кафедре предпринимательского,

трудового и корпоративного права Юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Отдельные вопросы, отраженные в диссертации, раскрыты в докладах на восьми научно-практических конференциях, среди которых V Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (г. Москва, РАНХиГС, 2018 г.); XV Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) (г. Москва, МГЮА, 2019 г.); IX Международная научно-практическая конференция «Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России» (г. Москва, РАНХиГС, МГУ, МГЮА, 2020). Научные доклады диссертанта, сделанные на конференциях, опубликованы в сборниках материалов участников, и перечислены ниже в списке трудов соискателя.

В 2018 - 2019 гг. Н. А. Серая являлась исполнителем по гранту «Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства в строительной сфере» № 18-011-00974, который проводился при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Ряд положений диссертации опубликованы в статьях автора, размещенных в научных печатных изданиях, в том числе рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии (далее – ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации, общим объемом 3,1 п. л.

Публикации автора диссертации, освещающие некоторые вопросы, проанализированные в ходе диссертационного исследования:

**I. Научные статьи, опубликованные в изданиях, входящих
в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ**

1. Серая, Н. А. К вопросу о защите саморегулируемой организацией сфере строительства прав и законных интересов своих членов: доктрина и актуальная арбитражная практика / Н. А. Серая // Власть закона. 2022. № 4. С. 187 - 198 (0,6 п. л.)

2. Серая, Н. А. К вопросу о правовом режиме компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств саморегулируемой организации в сфере строительства / Н. А. Серая // Гражданское право. 2019. № 4. С. 24 - 27. (0,5 п. л.).

3. Серая, Н. А. О возможности и пределах применения главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в спорах с участием саморегулируемых организаций / Н. А. Серая // Власть закона. 2019. № 2(38). С. 174 - 182. (0,5 п. л.).

4. Серая, Н. А. К вопросу о конкурентоспособности членов саморегулируемых организаций (СРО) при заключении договоров строительного подряда с использованием конкурентных способов заключения договоров / Н. А. Серая // Гражданское право. 2018. № 3. С. 40 - 42. (0,5 п. л.).

5. Серая, Н. А. К вопросу о видах гражданско-правовой ответственности саморегулируемых организаций в сфере строительства: проблемы теории и практики / Н. А. Серая // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 127 - 134 (1 п. л.).

II. Научные статьи, опубликованные в научных изданиях, входящих в международную реферативную базу данных Scopus

1. Seraya, N. A. Self-Regulation in the Field of Environmental Safety During Construction: Assessment of Environmental Sustainability and Safety of the Regions of the North–West of the Russian Federation N. A. Seraya, D. D. Filyakina, O. S. Struzhinskaya // Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives. 2020. Vol. 111. P. 841-853 (1,1 п. л. / 0,3 п. л.).

III. Доклады, опубликованные в сборниках и коллективных монографиях, изданных по итогам научно-практических международных конференций

1. Серая, Н. А. К вопросу о гражданско-правовой ответственности саморегулируемых организаций в сфере строительства / Н. А. Серая // Актуальные проблемы современного частного права. Сборник научно-практических статей Всероссийской научно-практической студенческой конференции/ Краснодар, 2016. С. 165 -167 (0,4 п. л.).

2. Серая, Н. А. К вопросу о способах сохранности средств компенсационного фонда саморегулируемой организации в градостроительной сфере / Н. А. Серая // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития / Сборник научно-практических статей Всероссийской научно-практической конференции/ Краснодар, 2016. С. 99 - 102 (0,5 п. л.).

3. Серая, Н. А. Договор строительного подряда в градостроительной сфере в системе гражданско-правовых договоров / Н. А. Серая // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: Сборник научно-практических статей II Международной научно-практической конференции / Краснодар, 2017. С. 158 - 161 (0,3 п. л.).

4. Серая, Н. А. К вопросу о социальных функциях саморегулируемых организаций в строительной сфере / Н. А. Серая // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность: сборник научно-практических статей III Международной научно-практической конференции (симпозиума) молодых ученых / Краснодар, 2018. С. 263 - 266 (0,5 п. л.).

5. Серая, Н. А. К вопросу о гражданско-правовой ответственности СРО в сфере строительства по обязательствам ее членов / Н. А. Серая // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за

рубежом: сборник статей V Международной научно-практической конференции / отв. ред. С. Д. Могилевский, О. А. Золотова, М., 2018. С. 848-853 (0,8 п. л.).

6. Серая, Н. А. Актуальные проблемы регулирования гражданско-правового статуса саморегулируемых организаций в строительной сфере на основе анализа судебной практики (2015 - 2018 гг.) / Н. А. Серая // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок: труды XV Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) / отв. ред. Гриб В. В. М., 2019. С. 73 - 77 (0,5 п. л.).

7. Серая, Н. А. К вопросу о применении зарубежного опыта в развитии российского гражданского законодательства о саморегулировании в строительной сфере / Н. А. Серая // Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. В 2 т. Т.1 / отв. ред. С. Д. Могилевский, Ю. Г. Лескова, О. А. Золотова, О. В. Сушкова. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 283 - 299 (0,9 п. л.).

8. Серая, Н. А. О роли специализированных органов в реализации правосубъектности СРО в сфере капитального строительства, проектирования и инженерных изысканий / Н. А. Серая // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России. Коллективная монография. В 4т. Т. 2 / отв. редактор С. Д. Могилевский, Ю. Г. Лескова, С. А. Карелина, В. Д. Рузанова, О. В. Шмалый, О. А. Золотова, О. В. Сушкова, М.: Проспект, 2020. С.680-690 (0,7 п. л.).

9.Серая, Н.А. Пределы полномочий и компетенции органов управления и специализированных органов СРО в сфере строительства при осуществлении контроля за деятельностью своих членов/ Н. А. Серая // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник V Национальной научно-практической конференции (симпозиума) / коллектив авторов. 2020, Краснодар. С. 201 -206 (0,5 п. л.).

10. Серая, Н.А. Актуальные аспекты правоприменительной практики в сфере строительства: процедура обжалования положительного заключения экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий / Н.А. Серая // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность. Сборник научно-практических статей IV Международной научно-практической конференции (симпозиума) молодых ученых. 2020, Краснодар. С.262-266 (0,5 п. л.).

IV. Материалы, размещенные в справочно-правовых системах (электронный ресурс)

1. Комментарий к Федеральному закону от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (постатейный) / Лескова Ю. Г., Серова О. А., Диденко А. А., Долгов С. Г., Павлова К. П., Ротко С. В., Серая Н. А., Стружинская О. С., Тимошенко Д. А. 2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (Серая Н. А. – автор комментария к ст. 24) (0,9 п. л.).

V. Иные научные труды

1. Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения социального предпринимательства в строительной сфере: монография / Ю. Г. Лескова, О. В. Сушкова, О. А. Васючкова, Н. А. Серая / отв. редактор Ю. Г. Лескова (автор гл. 2 (§4), гл. 3 (§3) - Серая Н. А.). Москва: Проспект, 2020. С. 115 - 122, С. 152 - 157 (1,2 п. л.).

2. Серая, Н. А. Актуальные проблемы правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций в строительной сфере на основе анализа судебной практики (2017-2018 гг.) / Н. А. Серая // Российское право онлайн. 2018. № 4. С. 38 - 47 (0,6 п. л.).

Глава 1. Общая характеристика правового статуса саморегулируемой организации в области строительства как частно-правовой формы

1.1. Нормативные источники правового статуса саморегулируемой организации в области строительства

При характеристике значения конституционно-правовых норм в системе источников правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций (далее – СРО) основное внимание уделяется проблеме соотношения гарантированных Конституцией Российской Федерации¹ (далее – Конституция РФ) каждому свободы экономической деятельности и права на объединение, с одной стороны², и лежащей в основе правового режима строительной деятельности обязательностью членства ее субъектов в СРО как необходимой предпосылки осуществления такой деятельности, с другой. Разрешение этой проблемы, предложенное в 2005 году Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) для саморегулируемых организаций арбитражных управляющих³, без особых затруднений экстраполируется на сферу строительства, ибо в основе этого решения лежит общеправовой принцип баланса частных и публичных интересов. Социальная сущность саморегулирования как одного из средств

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² Так, в литературе высказано мнение о том, что в основе создания саморегулируемых организаций должен лежать принцип свободного объединения представителей одной профессии в саморегулируемую организацию. См., напр.: Административная реформа в России: Научно-практическое пособие / Е.К. Волчинская, Н.А. Игнатюк, Н.М. Казанцев и др.; под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. - М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2006.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2006. - № 1.

правового регулирования предпринимательской деятельности остается неизменной вне зависимости от сферы его применения; выявленные Конституционным Судом РФ публично-правовые интересы, реализуемые посредством данного правового института, по смыслу части 3 статьи 55 Конституции РФ, являются теми целевыми критериями, которые допускают ограничение частных прав и свобод.

Вместе с тем, применение такого подхода применительно к строительной сфере обнаруживает другую проблему, связанную с вытекающим из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом запрета разного обращения с лицами, находящимися в одинаковых правовых условиях.

Действующее законодательство устанавливает требование членства в СРО в качестве условия правомерного осуществления строительной деятельности далеко не в отношении всех ее субъектов, на что обращает внимание Т.В. Даурия, указывая на два критерия обязательности такого членства: организационно-правовая форма юридического лица и договорная стоимость работ¹. Такой вывод основан на положениях частей 2.1, 2.2 статьи 52 Градостроительным кодексом Российской Федерации² (далее – ГрК РФ); из этих норм следует, что в контексте первого критерия законодатель придает значение не столько организационно-правовой форме, сколько имущественному признаку, вернее той его составляющей, которая характеризует участие в юридическом лице публичного собственника – определенная частью 2.2 указанной статьи «привилегия невступления в члены СРО» распространяется на унитарные юридические лица, основанные на публичной форме собственности, и корпорации с преобладающим участием публичного образования.

¹ См., напр.: Даурия Т.В. Гражданско-правовые аспекты членства в саморегулируемой организации в сфере строительства: дисс... канд. юрид. наук. - М., 2018. - С. 35.

² Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 16.

Из абзаца второго пункта 3 статьи 49 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) следует, что установлением требования обязательного членства в саморегулируемой организации законодатель определяет объем правоспособности² юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (в отношении последних это может быть выведено из пункта 3 статьи 23 ГК РФ). Нетрудно заметить, что при таком подходе объем правоспособности – базовой категории, определяющей участие субъекта в гражданских правоотношениях, – определяется критериями совершенно разной природы, ни один из которых при этом не характеризует собственно вид деятельности, продуцирующей риски и угрозы, устранение которых, либо негативных последствий которых образует тот публичный интерес, который оправдывает ограничение конституционных свободы экономической деятельности и права на объединение. Организационно-правовая форма юридического лица характеризует внутренние правовые связи³, а наличие публичного образования в качестве собственника имущества или участника юридического лица никак не гарантирует профпригодность последнего для выполнения строительных работ. Цена работ по договору строительного подряда отражает лишь одну из их характеристик – объем в стоимостном выражении, – которая может не иметь решающего значения при оценке степени общественной опасности допущенных при их выполнении

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

² Понятие объема правоспособности здесь и далее используется в значении, которое применяется в доктрине для характеристики «предметной» составляющей правоспособности, которая разграничивается с содержанием, характеризующим входящие в правоспособность правомочия. При равенстве содержания правоспособности ее объем может различным у субъектов одного вида, дифференцируя таким образом их возможности участия в регулируемых гражданским правом отношениях. См., подр.: Белов В.А. Гражданское право. В 2 томах. Т. 1. Общая часть: учебник для вузов/ В. А. Белов. - Москва: Издательство Юрайт, 2023.- С. 188 - 189.

³ См., напр.: Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. - М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 1: Общие положения о юридических лицах. - 384 с.; Цирульников В.Н. Признак «организационное единство» и его влияние на правоспособность коммерческих организаций (теоретические и правовые аспекты): дис... канд. юрид. наук. - Волгоград, 1998. - С. 45.

недостатков, вызванных неквалифицированностью работников подрядной организации. Ни один из этих признаков не отражает характеристики собственно строительной деятельности, которые служат обоснованием вытекающего из абзаца второго пункта 3 статьи 49 ГК РФ ограничения объема правоспособности; нет никаких сомнений в том, что строительная деятельность остается таковой вне зависимости от того, осуществляется ли она государственным унитарным предприятием, акционерным обществом или индивидуальным предпринимателем.

Согласно сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции принцип равенства, закрепленный в статье 19 (части 1 и 2) Конституции РФ, не препятствует законодателю при осуществлении правового регулирования устанавливать различия в правовом статусе лиц, если эти различия являются объективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно значимым целям; соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях)¹.

Объективные предпосылки применения механизмов саморегулирования в отношении строительной деятельности вытекают из особенностей самой деятельности и связанных с ней рисков. Дифференциация объема правоспособности субъектов, выполняющих на профессиональной основе строительные работы, в зависимости от критериев, которые лежат вне последних, противоречит приведенному выше запрету различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях, ибо критерии

¹ См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 06.06.1995 № 7-П, от 15.06.2006 № 6-П, Определения Конституционного Суда РФ от 01.07.1998 № 84-О, от 08.02.2001 № 45-О, от 05.07.2001 № 134-О, от 03.10.2002 № 233-О // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

эти иррелевантны с точки зрения тех целей, которые обуславливают необходимость применения механизмов саморегулирования, опосредуемых правовой формой саморегулируемой организации.

Во внимание необходимо принимать и другой аспект. Внедрение саморегулирования в правовой механизм регулирования строительной деятельности было сопряжено с ограничением использования иных средств публично-правового воздействия в этой сфере; в частности, это выразилось в отказе от лицензирования строительной деятельности¹. Лицензирование является характерным для регулируемой рыночной экономики административно-правовым средством регулирования предпринимательской деятельности, которое опосредует реализацию функции публичного контроля (как предварительного, так и текущего) за определенными видами деятельности; к признакам таковой в литературе относят опасность для неограниченного круга лиц, не участвующих в ее осуществлении, вовлечение в такую деятельность неопределенного круга лиц; высокий уровень доходности деятельности². Отказ от лицензирования строительной деятельности в 2010 году был вызван не отсутствием у последней указанных выше свойств, а проводимой государством административно-правовой реформой, одной из задач которой являлось снижение административных барьеров осуществления экономической деятельности. В результате государство утратило возможность опосредуемого ранее лицензированием превентивного контроля за профессиональной пригодностью субъекта к безопасному и качественному выполнению строительных работ³, что для лиц,

¹ Федеральным законом от 29.12.2006 № 252-ФЗ «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» было отменено лицензирование строительной деятельности. Федеральным законом от 19.07.2007 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статьи 17 и 18 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» по вопросам лицензирования строительной деятельности» прекращение лицензирования строительной деятельности было отложено до 01.07.2008, Федеральным законом от 22.07.2008 № 148-ФЗ – до 01.01.2010.

² См., напр.: Предпринимательское (хозяйственное) право / Под ред. О. М. Олейник. - М.: Юрист, 1999. Т. 1. - С. 184.

³ Положением о лицензировании деятельности по строительству зданий и сооружений I и II уровней ответственности в соответствии с государственным стандартом,

на которые распространяется требование членства в саморегулируемой организации, было отчасти компенсировано контролем за соблюдением условий такого членства. В отношении же иных субъектов правовой механизм подобного контроля отсутствует, что создает риск ненадлежащего выполнения строительных работ лицами, не обладающими необходимой для этого квалификацией; механизм же последующего контроля здесь будет ограничен лишь гражданско-правовыми договорными средствами (приемка результатов работ, права заказчика при выявлении недостатков, гарантия качества работ), которые не всегда будут эффективны в условиях профессиональной и/или имущественной непригодности подрядчика для устранения последствий некачественного выполнения работ и, в любом случае, не обладают потенциалом эффективного обеспечения публичных интересов.

Решение обозначенной проблемы видится в распространении требования членства в саморегулируемых организациях на всех субъектов, профессионально осуществляющих строительную деятельность независимо от их организационно-правовой формы, состава участников и договорной стоимости работ; при этом условия такого членства могут быть дифференцированы в зависимости от тех критериев, которыми определяется потребность осуществления контроля за строительной деятельностью, в числе которых могут быть названы степень технической сложности работ, а также степень вовлеченности в строительство граждан: в первом случае требуется установление специальных квалификационных требований к персоналу и оборудованию, во втором случае – специальные требования к финансовому обеспечению обязательств перед заказчиками (повышенные размеры взносов в компенсационные фонды).

утв. Постановлением Правительства РФ от 21.03.2002 № 174, был предусмотрено лицензирование строительной деятельности, осуществляемой юридическими лицами независимо от организационно-правовой формы и индивидуальными предпринимателями.

Отраслевое правовое регулирование деятельности саморегулируемых организаций в области строительства (далее – ССРО, СРО в области строительства) образовано двумя обособленными блоками нормативных актов. Первый блок образуют законы и иные правовые акты, которые определяют гражданско-правовой статус саморегулируемой организации как юридического лица в организационно-правовой форме ассоциации; второй блок – это нормативные акты, которые регулируют отношения, возникающие в связи с участием ССРО в частно-правовых отношениях в связи с осуществлением саморегулирования. Нет никаких сомнений в том, что оба этих блока работают в известном единстве, что проявляется, к примеру, в механизме приобретения и прекращения статуса членов саморегулируемой организации – статуса, имеющего в своей основе корпоративно-правовую природу, содержание которого однако определяется не только направленностью на удовлетворение частных интересов участников корпорации, но и актов, обеспечивающих интересы публичного характера. Вместе с тем, нормативные акты, входящие в каждый из блоков, получили известное формальное обособление в различных, в том числе кодифицированных, нормативных актах, что актуализирует проблематику системного восприятия норм, регулирующих корпоративные отношения в саморегулируемой организации в области строительства.

Основу правового статуса саморегулируемой организации как участника частно-правовых отношений определяет ее существование в качестве юридического лица: в соответствии с пунктом 17 статьи 1 ГрК РФ формой такой организация является ассоциация (союз) как вид некоммерческой корпорации. Юридическое лицо есть категория гражданского права, легально закреплённая в ГК РФ; данный нормативный акт устанавливает основы правового положения некоммерческих корпораций: включение в предмет гражданского права корпоративных отношений в результате реформы гражданского права устранило (во всяком случае с точки зрения позитивного права) сомнения в их цивилистической природе.

Существующая в настоящее время в России система правового регулирования ассоциаций (союзов) построена на принципах континентальной завершенной модели; для последней характерно двухуровневое регулирование: основы закреплены в кодифицированном законодательном акте, а их конкретизация и развитие осуществляется в специальном законе. Эффективность подобной модели заключается в том, что она позволяет обеспечить системность и беспробельность правового регулирования, обладая значительным потенциалом к учету специфики сфер применения тех или иных организационно-правовых форм.

Система источников правового регулирования саморегулируемых организаций включает, кроме ГК РФ, также Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹ (далее – Закон о НКО), Федеральный закон «О саморегулируемых организациях»² (далее – Закон о СРО) и ГрК РФ. Вместе с тем, анализ содержания этих нормативных актов свидетельствует о том, что логика построения континентальной завершенной системы здесь не выдерживается, а сохранение подобного набора источников права в исследуемой сфере не только противоречит закреплённому в Концепции развития гражданского законодательства 2009 года направлению упорядочения гражданского законодательства³, но и не имеет в настоящее время нормативного основания. Последнее следует из буквального толкования пункта 5 статьи 123.8 ГК РФ, который допускает определение иными федеральными законами особенностей правового положения

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 3. - Ст. 145.

² Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства РФ. - 2007. - № 49. - Ст. 6076.

³ В качестве таковых пункт 9 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009, предусматривал отказ от «трехуровневой» системы гражданских законов, когда между ГК РФ и развивающим его специальным законом создается «прослойку» в виде закона общего характера, а также сокращение или даже полную отмену законов об отдельных видах юридических лиц // Вестник ВАС РФ. - 2009. - № 11.

ассоциаций (союзов) отдельных видов. Закон о НКО является общим законом о некоммерческих организациях; его существование было оправдано в условиях первоначальной («дореформенной») редакции ГК РФ, не предусматривавшей исчерпывающий перечень организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц: такие формы могли устанавливаться, наряду с ГК РФ, иными федеральными законами (пункт 3 статьи 50 ГК РФ в редакции 2006 года).

В настоящее время ГК РФ с успехом «справляется» с регламентацией такой организационно-правовой формы юридического лица как ассоциация, делая совершенно излишним дублирование отдельных его норм в Законе о НКО. Более того, обращение к последнему обнаруживает серьезную коллизию в части ключевого для саморегулируемых организаций в области строительства вопроса: в пункте 1 статьи 11 Закона о НКО предусмотрен лишь добровольный характер опосредуемого организационно-правовой формой ассоциации объединения лиц, в результате чего проблема, успешно разрешенная на уровне общих норм ГК РФ (пункт 1 статьи 123.8 ГК РФ прямо закрепляет гармонизированное с приведенной ранее правовой позицией Конституционного Суда РФ положение о допустимости обязательного членства в случаях, предусмотренных законом), проявляется в норме, специальный характер которой дает формальное основание для ее толкования как приоритетной, результатом чего будет парадоксальный вывод о невозможности создания саморегулируемых организаций с обязательным членством в форме ассоциации. В данном конкретном случае коллизия снимается обращением к выраженной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П, однако полноценное решение подобных проблем возможно лишь посредством реализации закрепленной в пункте 9 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 года идеи отмены Закона о НКО в части общих гражданско-правовых норм о некоммерческих организациях.

Очевидно, что завершенная модель правового регулирования обретает смысл только в том случае, когда качество *lex specialis* получают нормы, закрепляющие специфику того или иного вида юридического лица, обусловленную объективными факторами его функционирования. Для ССРО таким фактором является то, что последняя выступает в качестве правовой формы саморегулирования строительной деятельности. В настоящее время эта специфика отражена в Федеральном законе «О саморегулируемых организациях»¹ (далее – Закон о СРО) и ГрК РФ. Положения указанных нормативных актов соотносятся следующим образом: Закон о СРО носит характер общего закона о саморегулируемых организациях, тогда как положения ГрК РФ регулируют деятельность саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства. Часть 4 статьи 4 ГрК РФ устанавливает приоритет норм ГрК РФ перед нормами Закона о СРО в качестве *lex specialis*; характерно, что этот приоритет не основан на ставшей уже традиционной для кодексов «квазиконституционной» оговорке, которая закреплена, в том числе, и в ГрК РФ, согласно части 2 статьи 3 которого федеральные законы, содержащие нормы, регулирующие отношения в области градостроительной деятельности, не могут противоречить ГрК РФ. Принимая во внимание степень детальности правового регулирования деятельности ССРО нормами последнего, следует согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что Закон о СРО фактически не применяется в отношении таких организаций². Непосредственное нормативное подтверждение этому обнаруживается в части 2.1 статьи 1 Закона о СРО.

¹ Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства РФ. - 2007. - № 49. - Ст. 6076.

² См., напр.: Ершова И.В. Общие и специальные нормы в правовом обеспечении саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 4. - С. 3.

Таким образом, фактически законодательную основу правового регулирования деятельности ССРО в настоящее время образуют два федеральных закона: ГК РФ и ГрК РФ. Особенность каждого из них заключается в наличии и в том, и в другом так называемой «квазиконституционной» оговорки, согласно которой иные федеральные законы не могут противоречить соответствующему кодексу применительно к образующим предмету их регулирования общественным отношениям (абзац второй пункта 2 статьи 3 ГК РФ, часть 2 статьи 3 ГрК РФ). Для ГК РФ такими отношениями являются основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников имущественные и личные неимущественные отношения, в числе которых пункт 1 статьи 2 ГК РФ прямо указывает корпоративные отношения как отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Предмет правового регулирования ГрК РФ – отношения в области градостроительной деятельности; из части 4 статьи 3 данного кодекса следует, что в круг этих отношений входят отношения связанные с приобретением, утратой статуса саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства, определением правового положения указанных саморегулируемых организаций, осуществлением ими деятельности, установлением порядка осуществления саморегулируемой организацией контроля за деятельностью своих членов и применением саморегулируемой организацией мер дисциплинарного воздействия к своим членам, порядка осуществления государственного надзора за деятельностью саморегулируемых организаций. Очевидно, что ряд из указанных отношений входят в предмет гражданского права, что создает очевидный риск возникновения коллизий между положениями ГК РФ и ГрК РФ.

В современном праве существует несколько способов разрешения коллизий между правовыми нормами, образующих правовой механизм

преодоления противоречий в праве. В основе такого механизма лежит правило *lex superior derogat legi inferiori*, которым разрешается «иерархическая коллизия» между нормами нормы более высокой юридической силы и нормами меньшей юридической силы. Юридическая сила нормы определяется исходя из уровня акта в его иерархии источников российского права, основы которой закреплены в статьях 15, 76 Конституции РФ, которые конкретизируются применительно к органам нормотворчества (соотношение законодательных с подзаконными актами, между подзаконными актами органов разных уровней) и предметам ведения (соотношение актов федерального уровня с актами субъектов РФ, органов местного самоуправления).

Как уже отмечалось выше, главной проблемой применения этого правила в отношении положений ГК РФ и ГрК РФ в части регулирования деятельности ССРО является наличие в каждом из этих федеральных законов т.н. «квазиконституционных оговорок» о приоритете их положений над положениями иных федеральных законов. С формально-юридической точки зрения применение этих оговорок ведет к «юридическому тупику», ибо любое решение о приоритете положений одного кодекса будет упречным с точки зрения другого кодекса. В силу того, что оба указанных закона являются кодифицированными актами здесь вряд ли может быть применен поддерживаемый рядом авторов подход о высшей юридической силе кодексов над иными федеральными законами в силу особого воздействия кодифицированных актов на отраслевое регулирование в целом¹. Действительно, значение кодифицированных актов в системе российского законодательства заключается в объективной необходимости содержательно единого, основанного на общих принципах, системного регулирования

¹ См., напр.: Судебная практика как источник права : [Сб. ст.] / [Б.Н. Топорнин, Э. Серверэн и др.]. - М.: Юрист, 2000. - С. 23; Лукьянова Е.А. Закон как источник советского государственного права. - М., 1988. - С. 80; Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): монография. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: РАП, Волтерс Клувер, 2010. - С. 21.

однотипных общественных отношений, что вытекает из самой сущности понятия кодификации: кодекс – не просто закон, а закон, определяющий основу и источники правового регулирования общественных отношений определенного типа¹; на особую роль кодифицированных актов обращал внимание и Конституционный Суд РФ в ряде своих актов².

Несомненно, приведенные аргументы заслуживают внимания, однако, на наш взгляд, они недостаточны для обоснования высшей юридической силы кодексов перед иными федеральными законами. Обязательность любого нормативного правового акта покоится на власти государства, единственным источником которой в Российской Федерации является народ³; высшая юридическая сила Конституции РФ тем и обусловлена, что ее содержание определяется посредством прямого непосредственного волеизъявления народа-суверена⁴. Иные нормативные акты есть продукт деятельности органов публичной власти, сформированных народом (прямо или опосредованно), однако воля последнего здесь проявляется через волеизъявление специального субъекта нормотворчества. Чем дальше такой субъект от народа в своем формировании, тем меньше юридическая сила принимаемых им нормативных актов; как справедливо отмечал А.В. Мицкевич: «... юридическая сила правового акта определяется местом, которое занимает орган, издающий

¹ См.: Чухвичев Д.В. Основные методики кодификации. Германская школа // Вестник Московского университета МВД России. - 2008. - № 9. - С. 159.

² Так, в пункте 2.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» указано на особую роль, которую выполняет в правовой системе РФ кодифицированный нормативный правовой акт, осуществляющий комплексное нормативное регулирование тех или иных отношений, в силу чего федеральный законодатель в целях реализации конституционных принципов правового государства... кодифицируя нормы, регулирующие производство по уголовным делам, вправе установить приоритет УПК РФ перед иными федеральными законами // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2004. - № 4.

³ Часть 1 статьи 3 Конституции РФ.

⁴ См., напр.: Домченко А.С. Юридическая сила правового акта: свойство официального документа или элемент дискурсивной координации? // Российский юридический журнал. - 2021. - № 2. - С. 152 - 163; Страшун Б.А. Суверенитет государства в современном национальном, международном и наднациональном праве // Lex russica. - 2016. - № 7. - С. 167 - 176 и др.

правовой акт, в общей системе органов»¹. Для юридической силы значение может иметь и особая процедура его принятия; так, специальным – усложненным – порядком принятия федеральных конституционных законов можно объяснить их приоритет перед иными федеральными законами (А.А. Алексеев обозначал их термином «обыкновенные» в целях отграничения от законов «органических, конституционных»²).

Кодифицированные акты принимаются Федеральным Собранием РФ по единой с иными федеральными законами законотворческой процедуре, из чего следует отсутствие сущностных предпосылок дифференциации их юридической силы. Характерно, что в ряде актов Конституционный Суд РФ обозначил такой подход, в том числе по вопросу соотношения ГК РФ и иных законов³.

В силу изложенного разрешение коллизий между положениями ГК РФ и ГрК РФ о СРО посредством правила *lex superior derogat legi inferiori* невозможно, а требует применения других универсальных правил, выработанных правовой доктриной для норм одинаковой юридической силы: о приоритете специальной нормы перед общей и приоритете нормы, принятой позднее. Строго говоря, эти правила в настоящее время не имеют законодательного закрепления, проявляя проблему более общего характера – отсутствие так называемого закона о законах, о необходимости которого на протяжении весьма длительного времени говорят представители различных отраслей правовой науки⁴; в известной степени этот пробел был восполнен

¹ Мицкевич А.В. Избранное / сост. и авт. предисл. Е.А. Юртаева. - М.: ИЗиСП, 2010. - С. 15.

² См.: Алексеев С.С. Государство и право: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Проспект, 2007. - С. 148.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 № 22-О «По запросу Питкярантского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.

⁴ См., напр.: Тихомиров Ю.А. «Закон о законах» – координатор законопроектной деятельности в государстве // Юстиция. - 2005. - № 1; Мелехин А.В. Некоторые проблемы обеспечения стабильности административных и других правоотношений //

Конституционным Судом РФ, в ряде актов которого было не только прямо подтверждено действие указанных правил, но определена методология их применения: перечисленные принципы применяются строго в обозначенной последовательности: в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений¹. Разграничение общей и специальной норм для целей применения правила *lex posterior derogat priori* осуществляется посредством соотношения сфер действия норм по субъекту или объекту: специальной признается такая норма, которая либо совпадает по объекту правового регулирования с другой нормой, но соотносится с последней как частное и общее по субъектам регулируемых отношений, либо совпадает по субъектам регулируемых отношений, но соотносится как частное и общее по объекту². При применении правила *lex specialis derogat generali* значение имеет дата принятия нормативных актов³, содержащих коллизирующие нормы; при этом последние могут содержаться как в нормативном акте в первоначальной редакции, так и в нормативном акте о внесении в нее изменений и дополнений.

Поскольку ССРО представляют собой юридические лица, создаваемые в организационно-правовой форме ассоциации (союза), постольку в силу

Административное право и процесс. - 2020. - № 1. - С. 13; Лукьянова Е.А. Закон о законах // Законодательство. - 1999. - № 11 - С. 79 - 87 и др.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2004. - № 4; Определение Конституционного Суда РФ от 05.10.2000 № 199-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-на А.М. Кушнарева на нарушение его конституционных прав положениями части первой ст. 40.1 КЗоТ РФ и п. 1 ст. 12 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2001. - № 1 и др.

² См.: Курбатов А.Я. Разрешение коллизий с участием норм Гражданского кодекса Российской Федерации: старые и новые проблемы // Журнал российского права. - 2018. - № 10. - С. 37.

³ Так, в отношении федеральных законов такой датой признается дата его принятия Государственной Думой в окончательной редакции, что следует из статьи 2 Федерального закона от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 8. - Ст. 801.

приведенных правил положения ГрК РФ о СРО являются *lex specialis* по отношению к закрепленным в ГК РФ нормам об указанном виде юридических лиц: так, пункт 4 статьи 123.8 ГК РФ допускает преобразование ассоциации (союза) в общественную организацию, автономную некоммерческую организацию или общественно полезный фонд, однако из пункта 10 статьи 55.10 ГК РФ следует, что реорганизация ССРО возможна лишь в форме присоединения. Очевидно, что реорганизация в предусмотренной ГК РФ форме приведет к невозможности достижения ССРО ее уставных целей (ибо организационно-правовая форма последней императивно определена законом), что, по смыслу подпункта 5 пункта 3 статьи 61 ГК РФ будет являться основанием ее принудительной ликвидации в судебном порядке. Из этого следует, что пункт 10 статьи 55.10 ГК РФ основан на учете специфики деятельности ССРО, а потому в качестве специальной нормы имеет приоритет перед общими положениями ГК РФ, определяющими гражданско-правовой статус ассоциации (союза). Формально-юридическое основание приоритета закрепленных в ГрК РФ норм о ССРО над нормами ГК РФ следует из пункта 4 статьи 4 данного кодекса.

Большое значение в правовом регулировании деятельности ССРО занимают подзаконные акты, в частности постановления Правительства РФ. Пункт 4 статьи 3 ГК РФ закрепляет модель ограниченного подзаконного регулирования образующих предмет гражданского права отношений, допуская его только в случаях, прямо предусмотренных законом; нет никаких оснований для изменения данного подхода применительно к ССРО несмотря на то, что ГрК РФ не содержит аналогичного положения: анализ содержания данного нормативного акта свидетельствует о том, что этот подход фактически реализуется в отношении регулирования деятельности ССРО, ибо допустимость принятия Правительством РФ нормативных актов по вопросам, связанным с их функционированием, всякий раз определяется прямым указанием в тексте ГрК РФ.

С учетом изложенного можно утверждать о существовании трех сфер, в которых Правительство РФ реализует полномочия по регулированию деятельности ССРО. Во-первых, это установление минимальных требований к тем членам ССРО, которые осуществляют проектную и строительную деятельность в отношении особо опасных, технически сложных и уникальных объектов¹; данные требования формально обязательны для ССРО, однако опосредованно – через их закрепление в документах последней – они определяют квалификационные требования к субъектам строительной деятельности, тем самым определяя условия приобретения и сохранения корпоративного статуса членов ССРО. Нетрудно заметить, что посредством такого способа Правительство РФ фактически осуществляет правовое регулирование имеющих особое социальное значение видов строительной деятельности, ограничивая возможность их выполнения субъектами, обладающими необходимой для этого профессиональной компетенцией.

Во-вторых, на Правительство РФ возложены полномочия в области обеспечения финансовой устойчивости ССРО, к которым относятся определение требований к кредитным организациям, в которых могут размещаться средства компенсационного фонда возмещения вреда и компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств ССРО² и условия, на которых средства компенсационного фонда возмещения вреда ССРО могут передаваться в доверительное управление управляющей компании (части 1, 9 статьи 55.16-1 ГрК РФ).

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 11.05.2017 № 559 «Об утверждении минимальных требований к членам саморегулируемой организации, выполняющим инженерные изыскания, осуществляющим подготовку проектной документации, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт особо опасных, технически сложных и уникальных объектов» // Собрание законодательства РФ. - 2017. - № 21. - Ст. 3011.

² См.: Постановление Правительства РФ от 28.04.2021 № 662 (в ред. от 24.03.2022) «Об утверждении требований к кредитным организациям, в которых допускается размещать средства компенсационного фонда возмещения вреда и компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства» // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 19. - Ст. 3219.

В-третьих, Правительство РФ устанавливает порядок ведения единого реестра сведений о членах ССРО и их обязательствах (далее – реестр членов ССРО), а также состав подлежащих включению в него сведений¹ (статья 55.17 ГрК РФ). Несмотря на то, что ведение этого реестра возложено на соответствующее Национальное объединение саморегулируемых организаций (далее – Национальное объединение), речь идет об осуществлении публично-правовой функции, ибо приобретение либо прекращение субъектом корпоративного статуса члена ССРО, имеющее правовой эффект изменения (расширения или сужения) его правоспособности, получает оглашение для третьих лиц путем внесения в указанный реестр, которые с этого момента должны действовать, принимая во внимание соответствующий юридический факт. Таким образом, значение реестра членов ССРО не ограничено собственно корпоративными отношениями, а проявляется в регулятивном воздействии на отношения, опосредующие строительную деятельность; будучи имплементирован в механизм правового регулирования таких отношений, этот реестр подчиняется общим, универсальным требованиям к публичным реестрам (таким как открытость и общедоступность²), что и создает предпосылки государственно-правового регулирования отношений по ведению реестра.

Важное место в системе правового регулирования деятельности ССРО занимают корпоративные правовые акты. Обязательность для СРО стандартов

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 25.05.2022 № 945 «Об утверждении состава сведений, содержащихся в едином реестре о членах саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства и их обязательствах, и Правил формирования и ведения единого реестра о членах саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства и их обязательствах, в том числе включения в указанный реестр сведений» // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 23. - Ст. 3776.

² См.: Петров Д.А. Принцип гласности ведения дел и принцип публичной достоверности реестра в саморегулировании // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2014. - № 3. - С. 89 - 97.

их Национальных объединений лишь отчасти объясняется корпоративной природой последних, поскольку из части 1 статьи 55.5 ГрК РФ следует, что для СРО обязательными являются стандарты Национальных объединений, которые не регулируют деятельность самих СРО: упомянутые здесь стандарты имеют объектом своего регулирования процессы выполнения работ по инженерным изысканиям, подготовке проектной документации, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объектов капитального строительства. Речь, таким образом, идет о технических нормах (косвенное подтверждение этому можно обнаружить в упоминании в этой норме законодательства о техническом регулировании), причем таких нормах, которые в качестве субъекта подразумевают не СРО как корпоративных членов Национального объединения, а членов СРО – субъектов, непосредственно осуществляющих соответствующие виды деятельности. Последние по очевидным причинам не могут быть непосредственно подчинены стандартам Национальных объединений в силу отсутствия корпоративного статуса в таковых, однако через обязательность стандартов Национальных объединений для СРО требования первых транслируются на членов последних. Складывается не вполне характерная для классических корпораций структура правовых связей, при которых акты корпоративного регулирования одного юридического лица оказывают опосредованное влияние на права и обязанности членов другого юридического лица; последние оказываются ограничены в своем волеизъявлении на принятие собственных корпоративных актов. Выстраивание подобной корпоративной структуры опосредованного корпоративного регулирования идет по вертикали – Национальные объединения, являющиеся в силу прямого указания части 1 статьи 55.20 ГрК РФ общероссийскими организациями, таким образом, предстают в качестве квазипубличных регуляторов строительной деятельности. Вне всякого сомнения, здесь мы имеем дело не с классическим саморегулированием, ибо в основе такового лежит не только право предпринимательских сообществ вырабатывать для своих участников

обязательные правила, но и предоставленная субъекту предпринимательской деятельности свобода выбора конкретного сообщества, обусловленного известным их множеством и дифференциацией требований к своим членам и их деятельности. В отношении же Национальных объединений такой выбор отсутствует: часть 2.1 статьи 55.20 ГрК РФ предусматривает создание в России лишь одного Национального объединения в области строительства и одного Национального в области инженерных изысканий и проектирования. Вне зависимости от участия субъектов строительной деятельности в конкретных СРО каждый из членов последних оказывается опосредованным членом соответствующего Национального объединения, ибо корпоративные акты последнего являются обязательными для не только для входящих в его состав СРО, но и каждого из членов последних¹.

Таким образом, иерархия нормативных актов, регулирующих деятельность ССРО, представлена не только в вытекающей из сущности классического механизма правового регулирования общественных отношений связи актов публичного регулирования и корпоративных актов саморегулирования, но в дифференциации юридической силы последних в зависимости от уровня СРО (несмотря на то, что национальное объединение не отвечает такому легальному признаку СРО как объединение субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, его сущность как субъекта саморегулирования не вызывает сомнений). В связи с этим возникает весьма непростой вопрос о роли корпоративных актов Национальных объединений в опосредуемой сложившейся организационной структурой системе саморегулирования. Как известно, значение последнего не может быть сведено к обычной трансляции положений нормативных правовых актов на субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности; с этой

¹ Это прямо следует из части 1 статьи 55.15 ГрК РФ, согласно которой основанием применения к члену СРО предусмотренной Законом о СРО дисциплинарной ответственности может служить нарушение обязательных требований стандартов на процессы выполнения работ, утвержденных соответствующим национальным объединением СРО.

задачей государство вполне успешно может справиться и само применением административно-правового инструментария (лицензионный механизм, к примеру). Саморегулирование же предоставляет возможность вариативности управленческого воздействия, не свойственную государственному управлению, для которого характерна, по меткому выражению Ю.Г. Лесковой, шаблонность в применении управленческих методов¹. Эта вариативность может проявляется, в том числе в допустимой законом дифференциации образующих содержание стандартов требований – как на процессы выполнения работ, так и квалификационных стандартов, принимаемых различными СРО, обязательность членства в которых не исключает возможности (надо признать, значительно ограниченной законодательным закреплением регионального принципа их образования²) выбора субъектом строительной деятельности конкретной СРО. Нетрудно заметить, что такая вариативность исключается в случае существования одного-единственного Национального объединения общероссийского уровня – в этом случае все принятые таким субъектом стандарты оказываются едиными для всего экономико-правового пространства Российской Федерации, а потому роль их как актов саморегулирования в значительной, если не в полной, степени оказывается утраченной. Если исключить предположение, что содержание таких стандартов попросту дублирует содержание нормативных правовых актов в области строительства, принятых уполномоченными органами государственной власти, то с учетом нормативного запрета снижения установленных последними уровня требований (несмотря на ничем не объяснимое отсутствие непосредственного легального закрепления такого запрета, полагаем, что его существование выводится из императивного

¹ См.: Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. - М.: Статут, 2013. - С. 25.

² См., подр.: Забелин А.В. Современные тенденции развития законодательства о саморегулируемых организациях в сфере строительства // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2016. - № 7. - С. 91; Лескова Ю.Г. Влияние регионального принципа образования саморегулируемых организаций на состояние конкуренции в строительной отрасли // Конкурентное право. - 2017. - № 4. - С. 38.

характера таких требований¹), очевидно, что стандарты Национального объединения могут лишь повысить установленные нормативно количественные показатели требований либо дополнить их новыми. Поскольку эти требования будут в равной степени распространяться на всех субъектов строительной деятельности, являющихся членами любой СРО на территории Российской Федерации, постольку актами саморегулирования стандарты Национальных объединений могут считаться лишь по формально-юридическому признаку (они исходят от соответствующего гражданского сообщества), однако по сущности своей они ничем не отличаются от норм, которые устанавливаются государством. Налицо серьезнейшая проблема, которая заключается в конфликте формы и содержания стандарта Национального объединения. Как известно, нормы права принимаются уполномоченными органами власти в рамках особых, детальнейшим образом регламентированных, публичных нормотворческих процедур, обеспечивающих отражение в правовой норме воли большинства и целесообразность нормативных решений; соблюдение такой процедуры является обязательным условием легитимности нормативно-правового акта².

¹ Принимая во внимание единую правовую природу стандартов СРО и Национальных объединений такой запрет может быть нормативно обоснован аналогией применения части 3 статьи 4 Закона о СРО, допускающей установление стандартами и правилами СРО дополнительных требований к предпринимательской или профессиональной деятельности определенного вида по отношению к требованиям федеральных законов и иных нормативных правовых актов.

² Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на то, что несоблюдение процедурных правил принятия федеральных законов является основанием констатации противоречия этого акта Конституции Российской Федерации. См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 № 12-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 1999. - № 30. - Ст. 3989; Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 29. - Ст. 3059. Существенные нарушения процедуры принятия нормативного правового акта рассматриваются Верховным Судом РФ как основание признания нормативного правового

Значение юридических процедур в целом и правотворческих процедур как их разновидности в правовой доктрине традиционно рассматривается через призму известного ограничения публичной власти, ограждающего народ от ее произвола¹.

Национальные объединения не являются органами публичной власти; правовой статус этих субъектов в части 1 статьи 55.20 ГрК РФ определен через конструкцию юридического лица, являющегося институтом гражданского права, а потому действующее законодательство ожидаемо не регламентирует процедуру принятия стандартов. Представление о последних как об актах корпоративного самоуправления означает их принятие в рамках корпоративной процедуры, которая подлежит регламентации внутренними документами юридического лица. Между тем, последнее вовсе не исключает необходимости нормативной регламентации таких процедур на уровне законов, что наглядно демонстрирует корпоративное законодательство о публичных корпорациях – массовый характер их деятельности обуславливает их повышенное социально-экономическое значение, повышает риски нарушения субъективных прав, что рассматривается законодателем как причина детальной нормативной регламентации порядка созыва и проведения общих собраний участников. По состоянию на август 2022 года членами СРО в области строительства являются 97 876 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей²: аргумент более чем весомый с точки зрения критерия

акта недействующим. См.: пункт 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 2.

¹ См., напр.: Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. - М.: Проспект, 2015. Т. 2. - С. 257; Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ж. Марку. - М.: Статут, 2011. - С. 243; Смирнова А.А. Об усмотрении в административном правотворческом процессе // Журнал российского права. - 2017. - № 8. - С. 97; Габбасов А.Б. Позитивная административная процедура: поиск новой парадигмы отношений между человеком и чиновником // Журнал российского права. - 2011. - № 8. - С. 72.

² Официальный сайт Национального объединения строителей (НОСТРОЙ): <https://pravdaosro.ru/news/nostroy-obnovil-statistiku-po-chlenam/?ysclid=l8rcwfxfs6427921479>

массовости. Действующее законодательство даже не определяет орган Национального объединения, в компетенцию которого входит принятие стандартов выполнения работ, очевидно, рассматривая этот вопрос как вопрос внутрикорпоративного характера.

Уставом ассоциации «Общероссийская негосударственная некоммерческая организация - общероссийское отраслевое объединение работодателей «Национальное объединение саморегулируемых организаций, основанных на членстве лиц, осуществляющих строительство»¹ (далее – НОСТРОЙ, НОСО) утверждение документов системы стандартизации, включая стандарты на процессы выполнения работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объектов капитального строительства, отнесено к полномочиям Совета Ассоциации – коллегиальному исполнительному органу, состоящему из тридцати членов, из которых двадцать шесть человек представляют ССРО - членов Ассоциации (единоличные исполнительные органы или руководители постоянно действующих коллегиальных органов управления)², а четыре независимых члена представляют профильные Комитеты (Комиссии) палат Федерального Собрания Российской Федерации, департамент Аппарата Правительства Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти. Порядок деятельности данного органа в уставе ассоциации урегулирован минимально; процедура же принятия стандартов отсутствует вовсе. Полагаем очевидным, что являющееся следствием указанных пробелов отсутствие механизма оценки обоснованности введения дополнительных к установленным законами и иными правовыми актами требований к строительной деятельности путем принятия НОСТРОЙ стандартов и иных корпоративных актов, затрагивающих права и обязанности ССРО и их членов,

¹ https://nostroy.ru/nostroy/ob_obedinenii/ustav/ (Дата обращения 20.12.2022).

² С учетом того, что по состоянию на август 2022 года число СРО-членов Национального объединения в области строительства составляет 223, представительство членов ассоциации в ее коллегиальном органе, уполномоченном на принятие стандартов, не превышает 12%.

не только порождает риски нарушения прав субъектов предпринимательской деятельности в сфере строительной деятельности, но ставит под угрозу реализацию государственной политики дерегулирования и «регуляторной гильотины», направленной на создание полноценных условий реализации конституционного права каждого на свободу предпринимательской и иной экономической деятельности и устранение необоснованных административных барьеров в этой сфере¹. В этой связи нельзя не обратить внимание на предположение О. А. Серовой и О. В. Белой о том, что появление национальных объединений СРО является вынужденной мерой, которая позволяет решить проблемы отсутствия надлежащей координации между отдельными СРО и ее членами, повысить гарантии добросовестности выполнения участниками рынка своих обязательств перед потребителями².

1.2. Содержание правового статуса саморегулируемой организации в области строительства в частно-правовых правоотношениях

Саморегулирование с учетом его правовой природы, вытекающей из естественно присущего экономической деятельности свойства самоорганизации, концентрируется преимущественно в предпринимательских и иных видах профессиональных сообществ, причем можно без преувеличения утверждать, что процесс этот приобрел в настоящее время глобальный характер³. В современном обществе социальная институализация саморегулирования невозможна вне нормативной регламентации

¹ О сущности и целях «регуляторной гильотины» см. подр.: Любимов Ю., Новак Д., Цыганков Д., Нестеренко А., Варварин А., Ибрагимов Р., Жаркова О., Москвитин О., Маслова Н., Верле Е. «Регуляторная гильотина» // Закон. - 2019. - № 2. - С. 20 - 36; Минин В.В. Анализ новой системы правового регулирования контрольно-надзорной деятельности // Административное право и процесс. - 2021. - № 10. - С. 68 - 72; Щербатова С. Коснется ли «регуляторная гильотина» саморегулируемых организаций, выдающих компаниям допуски к производству работ в области строительства? // Административное право. - 2019. - № 3. - С. 57 - 62.

² Серова О.А., Белая О.В. Проблемы организационно-правового взаимодействия между СРО и ее членами // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 8. - С. 39.

³ См., подр.: Герасимов А.А. Зарубежный опыт регулирования деятельности саморегулируемых организаций // Адвокат. - 2010. - № 6. - С. 46 - 55.

опосредующих его форм, предполагающих, в том числе, организационно-правовое структурирование тех общественных отношений, которые опосредуют деятельность предпринимательских сообществ по продуцированию обязательных для их членов правил поведения. Для решения этой задачи законодатель вполне ожидаемо использовал конструкцию юридического лица, которая на определенном этапе развития права была принята в качестве универсальной правовой формы юридического бытия любых организованных коллективов людей. Параметры конкретного вида юридического лица имеют значение постольку, поскольку они должны соответствовать цели СРО, заключающейся в осуществлении деятельности по саморегулированию. Поскольку эта цель не связана с систематическим извлечением прибыли, постольку для организационно-правового опосредования СРО требуется некоммерческий тип юридического лица. Восприятие саморегулирования как вида децентрализованного регулирования обусловило другой параметр – корпоративный характер юридического лица, ибо он позволяет реализовать указанную цель СРО на основе корпоративных актов. Выбор же конкретной организационно-правовой формы (ассоциации) обусловлен кругом субъектов, являющихся адресатами саморегулирования в строительной сфере: ассоциация позволяет объединить в качестве корпоративных членов индивидуальных предпринимателей и юридические лица, являющихся основными профессиональными субъектами строительной деятельности в качестве подрядчиков.

Утилитарная оправданность такого подхода – использование уже существующей в созданной гражданским законодательством системе юридических лиц организационно-правовой формы для организационно-правовой институализации саморегулирования – не исключает существенных особенностей статуса юридического лица в сферах, отличных от классического имущественного оборота; признание этого ставит задачу выявления таких особенностей, которые применительно к СРО проявляются, прежде всего, в плоскости ее правоспособности.

Как известно, исторически подход к правоспособности юридических лиц определялся доктриной «*ultra vires*», в основе которой лежит теория фикции, согласно которой юридические лица существуют, обладают интересами, целями и полномочиями только в прямо допущенных законом пределах. В отношении коммерческих корпораций с течением времени эта доктрина была в значительной степени ослаблена под влиянием потребностей коммерческого оборота¹ как угрожающая его стабильности и определенности². Некоммерческие организации не являются перманентными участниками такого оборота; их существование обусловлено иными нежели предпринимательская деятельность целями, а потому нет никаких объективных оснований отрицать специальную правоспособность в отношении таких субъектов. Легальное подтверждение этого тезиса обнаруживается в абзаце первом пункта 1 статьи 49 ГК РФ.

Итак, объем правоспособности СРО как некоммерческой организации определяется целями ее деятельности; с учетом основного назначения СРО ее цели могут быть выведены, прежде всего, из функций саморегулирования, однако было бы неправильно ограничивать их последними, ибо статус СРО никоим образом не элиминирует ее качество как корпорации – объединения субъектов для достижения общих целей, лежащих в плоскости их общего интереса. Таким образом, подход к объему правоспособности СРО должен определяться двумя определяемыми относительно самостоятельными целевыми элементами: правовозможности, опосредующие реализацию функции саморегулирования, и правовозможности, опосредующие удовлетворение общего интереса членов СРО как корпорации. Первые

¹ Эта тенденция характерна как для законодательств стран общего права, так и для стран континентальных правовых порядков [См.: Talbot L.E. Critical Corporate Governance and the Demise of the Ultra Vires Doctrine // Common Law World Review. 2009. - Vol. 38. Iss. 2. - P. 189 - 195; Жученко С.П. Объем правоспособности коллективных образований // Корпорации и учреждения: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. - М., 2007. - С. 127 - 167].

² Так, современная германская доктрина принципиально отвергает доктрину *ultra vires* как представляющую угрозу для гражданского оборота [См.: Заикин Д.П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда // Вестник гражданского права. - 2021. - № 5. - С. 57.

направлены на реализацию, в первую очередь, публичного интереса, а потому их нормативная регламентация должна быть основана преимущественно на императивном методе; вторые отражают частные интересы членов корпорации, а потому их эффективному удовлетворению более соответствует диспозитивный подход.

Потребность саморегулирования в сфере строительства обусловлена следующим. Строительство, с одной стороны, является одной из важнейших социально-экономических систем, с его помощью обеспечивается, например, удовлетворение потребностей населения в жилье. С другой стороны, строительство как вид экономической деятельности сопряжено с большими рисками, в том числе в плане причинения вреда жизни и здоровью человека¹. Согласно официально публикуемым НОСО данным ежемесячно в России травмируются около 38 человек, из которых 20 погибают².

ГрК РФ (ст. 55.1) закрепляет три цели ССРО: 1) предупреждение причинения вреда жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, объектам культурного наследия народов Российской Федерации; 2) повышение качества осуществления строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства; 3) обеспечение исполнения членами ССРО обязательств по договорам строительного подряда, заключенным с использованием конкурентных способов определения подрядчиков в соответствии с законодательством РФ. Указанные цели во многом определяют правовую характеристику тех функций, которые реализуются ССРО для достижения своих целей, и которые вытекают из основной (общей) цели деятельности любой СРО –

¹ Лескова Ю.Г. О роли и значении СРО в сфере строительства в реализации и соблюдении принципа стабильности гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2019. - № 6. - С. 15.

² Нострой. Мониторинг аварий и происшествий // http://nostroy.ru/information-disclosure/monitoring_proishestviya (дата обращения: 06.02.2019).

саморегулирования. По нашему мнению, во многом функции саморегулирования можно охарактеризовать как социальные, которые представляют собой формы влияния саморегулируемой организации в сфере строительной деятельности на социальную сферу общественных отношений¹.

На достижение первых двух целей, указанных в статье 55.1 ГрК РФ, непосредственно направлена центральная в специальном статусе ССРО функция регулирования профессионального поведения ее членов. Эта функция осуществляется путем разработки и принятия особых нормативных актов – правил и стандартов ССРО, которые в литературе принято рассматривать через призму категории корпоративных актов²; обнаружить сходство с последними можно в плоскости их волевой природы, которой объясняется обязательность образующих содержание корпоративных актов правил для членов корпорации даже в тех случаях, когда соответствующее решение принимается не общим собранием: волеизъявление любого органа корпорации основано на «делегировании» участниками соответствующих полномочий; пороки же волевой основы решения органа (к которым могут привести, к примеру, существенные нарушения порядка принятия решения имеют своим следствием его (решения) недействительность. В классической корпорации вопросы, влияющие на правовой статус участников, разрешаются главным образом общим собранием, однако они могут входить в компетенцию и иных органов. С этой точки зрения любой корпоративный акт может быть представлен как акт саморегулирования в широком смысле. Особенность правил и стандартов ССРО как актов саморегулирования в их узком, собственно юридическом значении, заключается в том, что эти акты имеют

¹ См.: Серая Н.А. К вопросу о социальных функциях саморегулируемых организаций в строительной сфере // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность: сборник научно-практических статей III Международной научно-практической конференции (симпозиума) молодых ученых. - Краснодар, 2018. - С. 263.

² См., напр.: Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. - М.: Статут, 2013. - С. 299.

объектом своего регулирования не корпоративные отношения, а отношения, в которых члены ССРО выступают в качестве самостоятельных субъектов предпринимательской деятельности, а потому право их принятия образует самостоятельный элемент правоспособности СРО, не характерный для «обычной» корпорации. Согласно части 2 статьи 4 Закона о СРО содержание таких актов выражается в требованиях к предпринимательской или профессиональной деятельности; с юридической точки зрения для них характерны нормативность (регулируют не отдельный случай, а повторяющиеся, типичные ситуации и группы отношений в организации, состоят из правил поведения общего характера), системность (можно выделить гражданско-правовые, финансово-правовые, трудовые и административно-правовые нормы); обязательность для членов СРО¹. Подобный подход актуализирует вопрос о требованиях к процедуре принятия таких актов, которая должна обеспечивать согласование интересов различных субъектов, что в целом характерно для правотворческого процесса². Вместе с тем, утверждать, что деятельность СРО по принятию правил и стандартов есть реализация неких публичных полномочий, делегированных ей государством, было бы неправильно, поскольку правовой механизм их действия не отличается принципиально от правового механизма действия корпоративных актов.

В рамках реализации регуляторной функции ССРО может быть выделена подфункция правоприменения. Эта функция имеет несколько аспектов.

Во-первых, ССРО наделяется полномочием по контролю за соблюдением ее членами как требований законодательства, так и требований принятых ею актов саморегулирования. Часть 4 статьи 4 ГрК РФ прямо включает отношения, связанные с установлением порядка осуществления

¹ См.: Лескова Ю.Г., Диденко А.А. Источники корпоративного права // Власть Закона. - 2015. - № 3. - С. 61 - 62.

² Васильева С.В. Саморегулирование как правовой способ децентрализации в России // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2013. - № 4. - С. 195.

ССРО контроля за деятельностью своих членов и применением саморегулируемой организацией мер дисциплинарного воздействия к своим членам, в предмет своего регулирования, а статья 55.13 указанного кодекса определяет общие параметры правового стандарта осуществления контрольной функции, регламентирующего объекты контроля, его формы и периодичность проведения проверок. В нормах ГрК РФ предусмотрены следующие виды контроля: проверка; анализ деятельности членов ССРО на основании их отчетов; уведомление ССРО ее членом о фактическом совокупном размере обязательств по договорам подряда, заключенным в течение отчетного года с использованием конкурентных способов заключения договоров¹. Ни один из этих способов не исключает возможность их осуществления в рамках корпоративных правоотношений, а потому не требует для их (способов) осуществления правоотношений административно-правового характера, что оправдывало бы встраивание в статус ССРО неких публичных полномочий.

Во-вторых, применение правовых санкций в отношении членов ССРО; круг таких мер может быть дифференцирован на меры корпоративного воздействия и меры дисциплинарного воздействия. К мерам корпоративного воздействия мы относим такие средства воздействия на правонарушителя, которые заключаются во влиянии на его корпоративный статус; речь идет о такой санкции как исключение члена из СРО, главная проблема применения которой заключается в том, что она оказывает влияние на общий правовой статус субъекта, ибо имеющее своим результатом утрату возможности осуществления определенных видов строительной деятельности исключение из членов СРО проявляет свой эффект на уровне его правоспособности. Данная мера носит явно выраженный правоограничительный характер, а потому применение ее субъектом частного права вряд ли может быть признано

¹ Белая О.В. Отдельные аспекты осуществления контрольной деятельности СРО в области строительства в отношении своих членов // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 11. - С. 81.

допустимым как с точки зрения общих принципов публично-правовой ответственности, так и с точки зрения эффективности данной санкции. Подобные меры образуют содержание публично-правовых санкций – административного наказания и уголовного наказания, которые применяются за нарушение требований законодательства, образующие прямо закрепленные административным и уголовным кодексами противоправные деяния. Обращение к основаниям применения корпоративной санкции в виде исключения из членов ССРО позволяет сделать вывод о праве последней применять такую санкцию за нарушение действующего законодательства (это основание фактически образует неоднократное неисполнение двух и более раз в течение одного года предписаний органов государственного строительного надзора (пункт 1 части 2 статьи 55.7 ГрК РФ)) и за нарушение корпоративных правил (пункт 1 части 2 статьи 55.7 ГрК РФ). Первое основание может приводить к одновременному применению санкций как публично-правового характера¹, так и корпоративной санкции за тождественное нарушение, что, принимая во внимание правоограничительные последствия последней, позволяет выразить сомнения в соблюдении принципа *non bis in idem*. Заметим, что подобная проблема обнаруживается и в отношении такой дисциплинарной меры как приостановление права строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства (часть 2 статьи 55.15 ГрК РФ); здесь мы обнаруживаем сходство не только в основаниях и содержании, но буквальное сходство в названии с аналогичным административно-правовым наказанием.

Второе основание – иные случаи, предусмотренные внутренними документами ССРО – является предельно размытым, что может привести к

¹ Частью 6 статьи 19.5 КоАП РФ предусмотрен состав административного правонарушения, объективную сторону которого образует невыполнение в установленный срок законного предписания уполномоченных на осуществление государственного строительного надзора федерального органа исполнительной власти, организации, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, набор наказаний за которое включает административное приостановление деятельности.

злоупотреблениям в применении соответствующей санкции, выражающимся в нарушении принципа соразмерности наказания: согласно сформированной Конституционным Судом РФ правовой позиции, вводимые федеральным законодателем ограничения должны обеспечивать достижение конституционно значимых целей и не быть чрезмерными; принцип соразмерности (пропорциональности) санкции совершенному правонарушению, относящийся к числу общепризнанных принципов права, нашедших отражение в Конституции РФ, предполагает дифференциацию ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, учета степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания. Вводимые федеральным законодателем ограничения должны базироваться на общих принципах права, отвечать требованиям равенства и справедливости, являться адекватными, соразмерными конституционно значимым целям и ценностям и необходимыми для их защиты; имея своим предназначением воспрепятствование злоупотреблению правом, такое правовое регулирование не должно посягать на само существо того или иного права и приводить к утрате его реального содержания¹. Обеспечить реализацию данных положений при применении ССРО правоограничительной меры, внешне представленной как корпоративная санкция, возможно только посредством последующего судебного контроля, что вряд ли позволит обеспечить полноценный правовосстановительный эффект для незаконно исключенного члена ССРО. Строго говоря допустимость такого – последующего – судебного контроля при внесудебном прекращении корпоративных прав вытекает из позиции Конституционного

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 52 (Часть V). - Ст. 7729.

Суда РФ¹, однако эта позиция выводится из части 3 статьи 34 Конституции РФ, закрепляющей соответствующую гарантию для права собственности, а потому не может быть признана корректной в случаях, когда исключение члена корпорации приводит не только к изъятию у него права участия, но к правовым ограничениям за пределами конкретных корпоративных отношений. В отношении ССРО проблема не может быть ограничена лишь механизмом лишения субъекта его корпоративно-правового статуса, ибо последнее имеет своим следствием уменьшение объема его правоспособности. Сама идея децентрализации полномочий по применению публично-правовых по своей природе наказаний правоограничительного характера противоречит природе правоотношений, опосредующих их применение. В таком правоотношении управомоченной стороной выступают уполномоченные органы публичной власти²; встраивание в это правоотношение в качестве такой стороны частноправового субъекта создает реальную угрозу применения публично-правовых санкций в частных интересах (даже если они могут быть представлены как интересы некоего сообщества). Единственное преимущество внесудебного порядка – оперативность – не может оправдать риск такой угрозы. Заданный административной реформой тренд на сокращение избыточного государственного регулирования экономической деятельности, который, на наш взгляд, стал решающим фактором развития саморегулирования в России, не означает делегирование осуществляющим его субъектам публично-правовых полномочий – это означало бы простое перераспределение таковых без сокращения реального объема публично-правового регулирования; сущность саморегулирования в другом –

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 9. - Ст. 830.

² Шубников Ю.Б., Андреянова И.В. Публично-правовая и частноправовая (гражданско-правовая) ответственность: родовые и видовые признаки // Ленинградский юридический журнал. - 2015. - № 4. - С. 131.

удовлетворение публичного интереса, гармонизированного с частными интересами, осуществляется частно-правовыми же средствами, что, в свою очередь, задает объективные пределы их эффективного применения. Юрисдикционные полномочия по применению публично-правовых мер в любом случае сохраняют свою публичную природу, а потому ССРО переданы (даже если мы обозначим это явление делегированием) быть не могут.

Выводимый отсюда постулат – публично-правовые санкции могут применяться только уполномоченными государственными органами – исключает наделение ССРО правами на применение таких правовых санкций, которые реализуют публично-правовую ответственность, имея своим правовым последствием ограничение члена ССРО в тех его правах, которые реализуются вне корпоративных правоотношений.

Поскольку саморегулирование есть форма децентрализованного правового регулирования общественных отношений, сущностной основой которой является воля частно-правовых субъектов, постольку в рамках такого регулирования субъекты могут быть ограничены в правах лишь в той мере, в которой это возможно на основе их свободного волеизъявления. Это наглядно проявляется в корпорациях, союзный характер которых неизбежно влечет известные ограничения в правах их членов, обязанных действовать в общем – корпоративном – интересе. Это проявляется как на уровне сущности корпорации (фидуциарная обязанность контролирующих лиц действовать разумно и добросовестно), в правовых режимах отдельных видов корпоративных организаций (например, субъект может быть участником только одного полного товарищества), а равно в отдельных правовых институтах (например, корпоративный договор, которым можно обязать участника голосовать определенным образом или воздерживаться от совершения сделок с долями); нарушение подобных ограничений может не только опорочить действительность актов, совершенных в результате осуществления прав за пределами ограничений, но и являться основанием применения к участнику юридических санкций со стороны корпорации.

Объяснение такого ограничения прав субъектов кроется в характерной для частно-правовой сферы автономии воли субъектов, свободе осуществления и распоряжения ими своими субъективными правами, проявляющейся, в том числе, в свободе участия в корпорации; обнаруживаемые в позитивном праве известные ограничения этой свободы общий принцип децентрализованного правового регулирования не порочат.

В отношении ССРО, основанных на обязательном членстве, сфера автономии воли субъектов строительной деятельности сужается, а потому сужаются пределы, в рамках которых в правовой статус ССРО могут быть включены такие правограничительные полномочия в отношении своих членов, которые могли бы рассматриваться как допустимые в условиях их свободного волеизъявления. Государство не вправе подменять волю частных субъектов, а потому включение в правовой статус ССРО скрытых корпоративно-правовой формой мер публично-правового воздействия, правовой эффект которых проявляется во влиянии на общий правовой статус члена ССРО, недопустимо. Из этого следует, что в отношении таких мер ССРО может быть наделена только правом инициировать их применение уполномоченным государственным органом (правом на обращение)¹.

Указанным выводам, казалось бы, не противоречит право ССРО на исключение такого члена, в отношении которого уполномоченным органом принято решение о приостановлении строительной деятельности: в этом случае лишение указанного субъекта корпоративно-правового статуса не влияет на его правоспособность, которая уже ограничена актом уполномоченного органа. Между тем, в этом случае обнаруживается другая проблема. Действующее законодательство не предусматривает возврат субъекту, прекратившему членство в ССРО внесенных им в компенсационные фонды средств, а потому условием восстановления (после истечения срока

¹ Орган, в компетенцию которого входит применение этого вида наказания, определяется абзацем третьим части 1 статьи 3.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

приостановления строительной деятельности) членства в ССРО будет de facto повторное¹ внесение вступительного вклада. Таким образом, исключение из ССРО такого члена сопряжено со скрытой санкцией, выраженной в утрате субъектом денежных средств в размере внесенного им вклада в компенсационный фонд. Аналогия с коммерческими корпорациями оказывается не вполне корректной, поскольку здесь соответствующий вопрос рассматривается через призму гарантий права собственности (доля в уставном капитале как имущество, которое не может быть изъято безвозмездно за пределами специально установленных для этого оснований карательного характера), а потому даже исключение участника такой корпорации по основаниям, связанным с его недобросовестным по отношению к корпорации поведением, не влечет утрату им права на стоимость своей доли. В результате реальное содержание такой санкции как исключение члена из ССРО заключается в лишении его имущества в размере его вклада в компенсационный фонд, ибо истечение срока приостановления строительной деятельности не приведет к автоматическому восстановлению его права эту деятельность осуществлять. В известной степени это противоречит нормативно же установленным правилам формирования компенсационного фонда, размер которого определяется двумя факторами: размер вклада и количество членов ССРО. При этом размер утраченной исключенным из ССРО членом никак не связан с характером совершенного им правонарушения, послужившего основанием для приостановления его деятельности и утраты им статуса члена ССРО. Налицо не только нарушение конституционного принципа индивидуализации ответственности², обеспечение соблюдения которого требует установления соразмерности

¹ Юридически такое внесение не рассматривается судебной арбитражной практикой как повторное. См.: определение Верховного Суда РФ от 19.12.2016 № 308-ЭС16-16738 по делу № А53-1210/2016; постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.03.2018 № Ф05-1395/2018 по делу № А40-71885/2017 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

² См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П, от 13.03.2008 № 5-П, от 27.05.2008 № 8-П, от 13.07.2010 № 15-П, от 17.01.2013 № 1-П и др. // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

применяемой санкции характеру правонарушения, но принципу *non bis in idem*, ибо государством такому субъекту уже определено наказание в виде запрета осуществлять строительную деятельность в течение определенного срока, в результате чего он претерпел негативные имущественные последствия. Вопрос о правовом механизме, которым должно обеспечить реализацию указанных принципов юридической ответственности, заключается в вопросе о природе такой санкции как лишение права на взнос, однако ни административное, ни гражданское право не способны дать удовлетворительный ответ. Признанию такого наказания административно-правовым штрафом препятствует его «взыскание» в пользу ССРО как субъекта частного права; рассмотрение в качестве неустойки, в принципе, допустимо в случаях нарушения собственно корпоративных правил СРО (ибо в этом случае последнюю можно представить в качестве субъекта права, противостоящего в правоотношении члену ССРО как субъекту корпоративной обязанности), однако, как было показано выше, такая санкция не может быть применена в отсутствие основания для публично-правовой ответственности: в этом же случае правонарушителю противостоит государство (общество в его лице), а потому ССРО не может быть признана субъектом конкретного субъективного права, нарушение которого дает право на гражданско-правовую неустойку. Право ССРО на имущество, образующее компенсационные фонды, сконструировано таким образом, что исключает возможность распоряжения (а равно пользования) им вне целевого назначения, заключающегося в удовлетворении требований кредиторов членов ССРО; именно эти лица (кредиторы) являются подлинными интересантами наличия у ССРО компенсационных фондов. Будучи заинтересованы в максимальном его размере, они, тем не менее, не могут распространять свой правомерный интерес на имущество сверх определенного законом размера; последний же определяется исходя из количества членов ССРО, известного им при возникновении деликтного обязательства с участием члена ССРО (компенсационный фонд возмещения вреда) либо заключении договора на

выполнение строительных работ с членом ССРО (компенсационный фонд обеспечения договорных обязательств). В свою очередь, член ССРО вправе рассчитывать на то, что его обязательства будут в установленном законом размере исполнены за счет соответствующего компенсационного фонда, в участии которого он принимал участие. В силу изложенного доктрина защиты разумных ожиданий позволяет обосновать необходимость сохранения такого размера компенсационного фонда, который был сформирован на момент возникновения оснований применения солидарной или субсидиарной ответственности ССРО по обязательствам исключенного члена и должен быть сохранен в течение времени, когда это обязательство может быть принудительно исполнено. Временные рамки такого исполнения заданы двумя видами сроков. Прежде всего, это сроки, в течение которых могут быть выявлены обстоятельства, которые являются основанием ответственности субъекта строительной деятельности: для деликтного обязательства такие сроки определяются, по общему правилу, сроком службы (с оговорками, определенными статьей 1097 ГК РФ); для договорной ответственности – гарантийным сроком (договорная гарантия или установленный законом срок обнаружения недостатков согласно статьям 724, 756 ГК РФ). Кроме того, ГК РФ ограничивает срок защиты права по иску лица, право которого нарушено, сроком исковой давности. Для деликтных обязательств этот срок определяется тремя годами с момента причинения третьим лицам вреда субъектом, обладающим статусом СРО, выявленного в пределах срока службы, а потому по истечении совокупности этих сроков отпадает основание удержания взноса исключенного члена СРО в компенсационный фонд возмещения вреда при условии, что в этот период из него не произведены выплаты по обязательствам такого субъекта. Исключением будут случаи, при которых деликтная ответственность строителя не ограничена во времени (пункт 2 статьи 1097 ГК РФ), однако каждый из этих случаев связан с допущенными последним нарушениями, а потому отсутствие возможности возратить сумму взноса можно рассматривать как санкцию за противоправное поведение. Для

договорных обязательств этот срок определяется тремя годами со дня истечения гарантийного срока по договорам, заключенным с членом СРО, при условии, что в этот период из него не произведены выплаты по обязательствам такого субъекта. Таким образом, если исключенным из членов СРО субъектом были допущены нарушения действующего законодательства, послужившие основанием его исключения, которые однако не привели к нарушению субъективных прав лиц, в чьих интересах сформирован соответствующий компенсационный фонд, исключенный субъект должен сохранять право на возврат ему взноса в такой фонд. Полагаем, что такой подход позволит обеспечить, с одной стороны, интересы лиц, в которых существуют компенсационные фонды, а, с другой – реализовать принцип соразмерности наказания за совершенное членом ССРО правонарушение, ставшее основанием лишения его соответствующего корпоративно-правового статуса.

Значительность сроков, истечение которых является условием «созревания» права исключенного члена ССРО на возврат взноса, позволяет поставить вопрос об альтернативном механизме обеспечения прав субъектов, для обеспечения чьих прав предназначены компенсационные фонды. Такой механизм предполагает замену обеспечения на такой способ, которым, с одной стороны, права таких субъектов, были бы обеспечены, по крайней мере, не в меньшей степени, а с другой – были бы менее обременительны для субъекта строительной деятельности. Таким способом видится страхование ответственности за причинение вреда (статья 931 ГК РФ) и ответственности по договору (статья 932 ГК РФ). Незнание лиц, которым может быть причинен вред, на момент заключения договора страхования деликтной ответственности не препятствует применению этой формы обеспечения, что следует из пункта 3 статьи 931 ГК РФ. Пункт 2 часть 1 статьи 55.5 ГрК РФ вполне может рассматриваться как формально-юридическое основание применения страхования ответственности по договору. Заключение исключенным членом ССРО соответствующих договоров страхования и представление их в последнюю (на нее должна быть возложена обязанность

по публичному оглашению этих фактов путем размещения сведений в реестре членов) будут выполнять роль альтернативных истечению указанных выше сроков условий «созревания» права исключенного члена СРО на возврат взносов в компенсационные фонды.

Закрепленный частью 4 статьи 10 Закона о СРО перечень мер дисциплинарного воздействия носит открытый характер; из числа прямо перечисленных к санкциям могут быть отнесены предписание об устранении выявленных нарушений, предупреждение, штраф; рекомендация же об исключении лица из членов СРО вообще санкцией не является, ибо на права и обязанности субъекта влияния не оказывает, являясь лишь поводом к рассмотрению постоянно действующим коллегиальным органом управления СРО соответствующего вопроса. Перечисленные выше санкции обнаруживают известное сходство с мерами административно-правового характера, однако обнаруживают отличия на уровне отраслевой природы; в литературе эти санкции предлагается рассматривать через призму корпоративной ответственности особого вида¹. Такой подход позволяет вывести полномочие СРО на применение таких санкций не из неких делегированных последней государством публичных полномочий, а из ее корпоративного статуса: наличие таких прав можно представить у любой корпорации, просто применительно к СРО эти права закреплены законом, а для иных корпораций они могут быть предусмотрены корпоративными актами. Соответственно, для объяснения права СРО на применение подобных санкций вполне достаточно категории гражданской правоспособности.

Нормативно закрепленная для СРО цель обеспечения исполнения членами СРО обязательств по договорам строительного подряда, заключенным с использованием конкурентных способов определения подрядчиков, достигается посредством компенсационной функции. На первый

¹ См. обзор теорий: Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». - 2014. - № 3. - С. 13.

взгляд, эта функция непосредственно с саморегулированием не связана, ибо имеет своей непосредственной целью восстановление прав и имущественных интересов субъектов, которым противоправными действиями членов СРО были причинены внедоговорный вред или договорные убытки, однако такую связь все же можно обнаружить, если рассматривать ее через призму ответственности СРО как субъекта, подтвердившего перед третьими лицами способность каждого из своих членов к безопасному и качественному выполнению строительных работ и осуществляющего контроль за их соответствием установленным СРО требованиям в течение всего времени их членства.

Из двух предусмотренных Законом о СРО форм осуществления компенсационной функции (система личного¹ и (или) коллективного страхования; компенсационный фонд) для ССРО предусмотрено формирование компенсационного фонда в качестве обязательной формы, личное страхование – в качестве факультативной (это следует из части 2 статьи 55.5 ГрК РФ). Строго говоря, отношения по осуществлению компенсационной функции с применением компенсационного фонда по своей экономической природе весьма близки к коллективному страхованию, однако выведены из-под действия норм о страховании, а потому в правовом смысле таковыми не являются. Правовые формы, посредством которых СРО формирует и использует компенсационные фонды, не выходят за рамки гражданско-правовых сделок, совершение которых входит в содержание гражданской правоспособности любого юридического лица.

Осуществление компенсационной функции посредством личного страхования ограничивается лишь правом СРО установить в своих внутренних

¹ Термин «личное страхование» в данном случае используется в ином, нежели в главе 48 ГК РФ значении: речь идет не о виде страхования, выделяемому по критерию объекта (жизнь, здоровье), а по субъектному критерию: имеется в виду страхование, где застрахованным лицом и страхователем выступает член СРО, которое отграничивается от коллективного страхования, в котором страхователем СРО, а застрахованными лицами – ее члены.

правилах его (страхования) обязательность для членов СРО; непосредственно отношения страхования возникают и реализуются посредством обычных договоров страхования деликтной или договорной ответственности, заключаемых между членом СРО и страховой организацией.

Очевидным потенциалом СРО обладает в области разрешения споров между ее членами, которая может осуществляться через деятельность создаваемых в рамках таких организаций третейских судов; создание таковых доступно любой СРО как некоммерческой организации и без ее особого правового статуса. Данная функция в настоящее время не имеет адекватного механизма реализации в силу особенностей специфики существующего политико-правового подхода к третейской форме защиты права, ограниченной преимущественно формой *ad hoc*¹.

Функцией СРО, непосредственно вытекающей из ее легального определения, является защита интересов своих членов посредством их представления в отношениях с органами государственной власти (включая отстаивание и лоббирование интересов своих членов²), а также в форме подачи исков и участия в судебных делах в интересах ее членов. Вторая форма вытекает не из специального статуса СРО, а из статуса ассоциации как объединения юридических лиц и (или) граждан в целях представления и защиты общих, в том числе профессиональных, интересов (пункт 1 статьи 11 Закона о НКО). С точки зрения процессуально-правовой науки подача иска есть реализация права на иск в процессуальном смысле, который входит в содержание не материально-правовой, а процессуальной правоспособности субъекта; они тесно связаны между собой: признавая некую социальную сущность субъектом права, мы признаем за ней и право на судебную защиту, включающее возможность его осуществления своими действиями. Несколько иная ситуация наблюдается в случаях, когда право на иск в процессуальном

¹ В настоящее время в России действует всего семь постоянно действующих третейских судов. - URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/deponirovannye-pravila-arbitrazha>.

² Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. - М.: Статут, 2011. - С. 1047.

смысле признается за иным нежели субъект материального права лицом: для последнего достаточно наличия лишь процессуальной правоспособности. Статья 53 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – АПК РФ) признает способность лица к предъявлению иска в защиту прав и законных интересов других лиц только в случаях, прямо предусмотренных законом. Аналогичное положение закреплено в части 1 статьи 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – ГПК РФ) и части 2 статьи 40 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации³ (далее – КАС РФ).

Часть 10 статьи 55.13 ГрК РФ предоставляет СРО право подавать иски и участвовать в качестве лица, участвующего в деле, в защиту своих членов только при рассмотрении дел о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договорам подряда. С учетом изложенного выше, объем процессуальной правоспособности СРО включает право на иск в защиту прав и законных интересов своих членов только спорами из договоров подряда. Между тем, участие субъекта в СРО связано с осуществлением строительной деятельности и в иных договорных видах, включая долевое участие в строительстве, государственно-частное партнерство и др. Споры, возникающие из таких договоров, включая поименованный в части 10 статьи 55.13 ГрК РФ, не исчерпываются спорами об их неисполнении или ненадлежащем исполнении, включая также споры о недействительности договоров, их незаключенности, преддоговорные споры и др. Потребность в защите прав и законных интересов субъектов строительной деятельности - членов СРО может возникнуть также в рамках внедоговорных правоотношений (деликтных и кондикционных). Наконец, весьма актуальной

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (в ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 10. - Ст. 1391.

представляется судебная защита таких субъектов в отношениях с органами государственной власти и местного самоуправления, осуществляющих не только строительный надзор, но и иные полномочия, осуществление которых имеет юридическое значение для сферы строительства (предоставление земельных участков для строительства, градостроительное зонирование и пр.). Ограничение процессуальной правоспособности СРО как субъекта защиты прав и законных интересов своих членов только правом на иск по спорам о неисполнении или ненадлежащем исполнении договоров подряда исключает возможность полноценной реализации легально закрепленной функции защиты своих членов в судебной форме. Преодоление этой проблемы заключается в расширении процессуальной правоспособности СРО путем включения в нее права на иск в защиту прав и охраняемых законом интересов своих членов как субъектов правоотношений, возникающих в связи с осуществлением строительной деятельности, для чего часть 10 статьи 55.13 ГрК РФ должна быть изложена в следующей редакции: «10. Саморегулируемая организация вправе обратиться в суд с иском в защиту прав и законных интересов своих членов по делам из гражданских правоотношений, возникших в связи с выполнением членом саморегулируемой организации работ на выполнение инженерных изысканий, подготовку проектной документации, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт, снос объектов капитального строительства, а также с административным иском (заявлением) по делам из административных и иных публичных правоотношений с участием члена саморегулируемой организации в качестве субъекта деятельности по выполнению инженерных изысканий, подготовке проектной документации, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объектов капитального строительства».

В ключе правозащитной функции может быть объяснено предоставление СРО в области строительства полномочий по общественному контролю в сфере закупок (часть 11 статьи 55.13 ГрК РФ); как справедливо

отмечается в литературе¹, объектом такого контроля является не только деятельность членов СРО, но и деятельность публичных органов, государственных и муниципальных заказчиков, что следует из статьи 102 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»² (далее – Закон № 44-ФЗ). Вместе с тем, данная функция на сегодняшний день не имеет полноценной нормативно-правовой основы, что проявляется в рассогласованности действующих нормативных актов в части определения субъектного состава общественного контроля: в статье 9 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Закон № 212-ФЗ) объединения юридических лиц в качестве субъектов общественного контроля не указаны³.

Деятельность СРО непосредственно связана со сбором сведений о являющихся ее членами субъектах строительной деятельности; процедуры принятия членов СРО, взаимодействия с ними, осуществления контроля за их состоянием и профессиональной деятельностью опосредуются информационными потоками, а потому во владении СРО оказываются базы данных, обладающих известной ценностью для различных субъектов. Значение данной – информационной – функции можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, такая деятельность имеет значение для членов СРО, которые получают возможность оглашать сведения о самих себе потенциальным контрагентам, для которых членство в определенной СРО воспринимается как подтверждение наличия у последних определенных

¹ См.: Беляя О.В. Отдельные аспекты осуществления контрольной деятельности СРО в области строительства в отношении своих членов // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 11. - С. 82.

² Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 14. - Ст. 1652.

³ См.: Григорьев А.М. Проблемы реализации функций общественного контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Известия вузов. - 2016. - № 12. - С. 42.

компетенций, признанных и контролируемых профессиональным сообществом. С другой стороны, эта информация может быть использована государством как регулятором общественных отношений в сфере строительства, а также уполномоченными правоприменительными органами, что создает предпосылки использования СРО в качестве публично-правовых агентов по сбору, хранению и предоставлению информации о субъектах строительного рынка.

Важной особенностью правоспособности СРО является исключение из ее объема права создавать обособленные подразделения (филиалы и представительства), предназначенные для ведения деятельности за пределами субъекта РФ, в котором такая организация зарегистрирована. На первый взгляд, это ограничение вполне гармонизировано с принципом региональной организации саморегулирования в сфере строительства. Между тем, в отличие от правового регулирования, исходящего от государства носителя публичной власти и распространяющегося на всю его суверенную территорию, пределы регулятивного воздействия, которое опосредуется стандартами СРО, имеют исключительно субъектный характер, поскольку в его (регулирования) основе лежат корпоративные правоотношения (естественно, не исчерпываясь ими); было бы принципиально неправильно рассматривать вопрос о территориальности саморегулирования с точки зрения такого свойства права как выражение суверенитета государства. Территориальность саморегулирования обеспечивается обязательностью стандартов СРО для ее членов, которыми могут выступать только те предприниматели и юридические лица, которые зарегистрированы на территории соответствующего субъекта РФ; бесспорно, что член СРО вправе осуществлять строительную деятельность на территории любого субъекта РФ, а потому можно утверждать, что региональный принцип организации СРО не означает регионального действия ее стандартов. Назначение этого принципа заключается в упорядочении организационной структуры саморегулирования в целях исключения злоупотреблений посредством «манипулирования»

условиями членства; любой иной подход, позволяющий рассматривать это положение в контексте территориальных пределов действия актов саморегулирования, несет в себе явный потенциал угрозы единству экономического и правового пространства РФ.

Оценка введения законодателем регионального принципа создания и функционирования СРО в сфере строительства была также дана со стороны многих видных ученых. Так, О.А. Серова и О.В. Белая отмечают, что региональный подход к формированию СРО в сфере строительства представляется неэффективным еще и по той причине, что это может привести к прекращению деятельности специализированных СРО, которые функционируют по отраслевому принципу (например, в сфере дорожного строительства, строительства нефтегазовых, атомных объектов и др.), поскольку достаточно высокие требования, в том числе и по количественному составу членов СРО, могут ими не выполняться по объективным причинам в силу отсутствия такого числа компаний и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных в одном регионе, особенно если речь идет о небольших регионах, например Калининградской области¹.

Кроме того, во внимание необходимо принимать следующее. Функции СРО не ограничены саморегулированием; наряду с ним СРО осуществляет защиту интересов своих членов в отношениях с государством (в том числе выступая от имени своего члена), обеспечивает их деликтную (по общему правилу) и договорную (в установленных случаях) ответственность перед третьими лицами. Определение этих задач в качестве элементов юридической конструкции СРО означает, во-первых, необходимость организационного обеспечения их решения (создание специализированных подразделений), а, во-вторых, потребность осуществления определенных действий на территории иных субъектов РФ. Таким образом, можно обосновать

¹ Серова О.А., Белая О.В. Проблемы организационно-правового взаимодействия между СРО и ее членами // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 8. - С. 41.

существование объективных предпосылок наличия в структуре СРО филиалов и представительств, что ни в коей мере не угрожает региональному принципу, ибо не отменяет лежащее в основе механизма его реализации «территориальное» ограничение членства в СРО. С изложенной точки зрения запрет наличия у ассоциации филиалов и представительств представляется излишним с точки зрения правового механизма реализации регионального принципа организации СРО, но ведет к явному ограничению возможностей последней в осуществлении своей уставной деятельности. В силу общедозволительности гражданско-правового регулирования каждое юридическое лицо вправе создавать филиалы и представительства; запрет на их создание означает ограничение субъективных прав. Подобное ограничение не может быть произвольным, его допустимость определяется закрепленными частью 3 статьи 55 Конституции РФ целевыми критериями, в числе которых цели защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Аналогичная формула закреплена в абзаце втором пункта 2 статьи 1 ГК РФ, что позволяет ее распространить на правовой статус любого субъекта гражданского права, включая юридические лица. Как указано выше, запрет на наличие у ассоциации филиалов и представительств как предпосылка приобретения статуса СРО не может быть оправдан региональным принципом создания СРО, ибо никак не препятствует его реализации, а иные, вытекающие из части 3 статьи 55 Конституции РФ основания для данного запрета отсутствуют. В силу изложенного указанный запрет должен быть исключен из правового регулирования как порядка создания СРО, так и правового режима ее деятельности, для чего требуется внесение изменений в действующее законодательство путем исключения пункта 2 из части 3 статьи 55.4 ГрК РФ.

1.3. Возникновение и прекращение правового статуса саморегулируемой организации в области строительства

Создание юридического лица может быть представлено как совокупность двух элементов: волевого и юридического. В основе создания юридического лица частного права лежит воля его учредителей; выражение этой воли и ее осуществление опосредуется правовыми формами, в совокупности обеспечивающими правовой результат в виде возникновения нового субъекта права – «рождения» новой правосубъектности, отличной от правосубъектности тех лиц, чья воля привела к его (субъекта) возникновению. Роль государства в этом механизме может быть различной: в зависимости от принятых им на себя функций она может быть ограничена учетом созданных юридических лиц, которая может быть дополнена контролем за законностью создания юридического лица, а также включать контроль за его целесообразностью; по этому критерию разграничивают явочный, нормативно-явочный и разрешительный порядки¹. Сведения о созданном юридическом лице включаются в соответствующий информационный ресурс – реестр, который, будучи наделен свойством публичной достоверности, играет значительную роль в обеспечении правовой определенности гражданского оборота. Конститутивный характер регистрации означает, что именно с записью в реестре связываются правовые последствия, опосредующие динамику правоспособности юридического лица.

Для юридических лиц публичного права подход иной – такие субъекты создаются волеизъявлением государства или муниципального образования в лице уполномоченного органа; подобного волеизъявления может быть достаточно для возникновения субъекта, однако последнее может связываться с внесением записи в реестр, если законодательство придает записям в нем правоустанавливающий характер.

¹ См.: Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габов, К.Д. Гасников, В.П. Емельянцев и др.; отв. ред. А.В. Габов. - М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц. - С. 11 - 13.

ССРО создаются в организационно-правовой форме ассоциации (союза), а потому статус юридического лица они приобретают посредством общего для таких субъектов порядка создания, включающего волеизъявление учредителей и регистрацию в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ).

ГК РФ определяет минимальное число учредителей ассоциации (союза) двумя лицами; тот факт, что согласно пункту 1 части 3 ГрК РФ число членов СРО в области строительства не может быть менее ста, не исключает действие указанного положения ГК РФ, поскольку последнее имеет значение для указанной организационно-правовой формы, но не для статуса ССРО. Приобретение последнего опосредуется самостоятельной правовой формой, включающей требования к ССРО (статья 55.4 ГрК РФ) и порядок контроля за их соблюдением (статья 55.2 ГрК РФ), и формализуется внесением сведений о субъекте в государственный реестр саморегулируемых организаций (далее – реестр СРО).

Таким образом, собственно СРО возникает посредством двух, формально разделенных по содержанию и юридическому оформлению этапов. Первый опосредует создание юридического лица, а потому именно он должен привести к возникновению правоспособного субъекта частного права. При ближайшем рассмотрении это, казалось бы, единственно правильное с точки зрения и позитивного права (пункт 3 статьи 49 ГК РФ), и современной доктрины¹ утверждение в отношении ССРО обнаруживает свою небесспорность. Как известно, действующее законодательство признает за некоммерческими организациями целевую правоспособность; лежащая в основе пункта 1 статьи 49 ГК РФ доктрина *ultra vires* в отношении этого вида

¹ См., напр.: Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. - М.: Проспект, 2019. - 384 с.; Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. - М.: Статут, 2017. Т. 1. - 976 с.; Герасимов О.А. Межотраслевые связи норм предпринимательского права в реальном секторе экономики // Власть Закона. - 2018. - № 3. - С. 141.

юридических лиц общепризнана в науке¹. Для ССРО цели определены нормативно, равно как и специальные правовые средства их достижения: возможность применения этих средств образует содержание специальной правоспособности таких субъектов. Поскольку эта правоспособность признается за ССРО, постольку до приобретения такого статуса она юридически не способна достичь тех целей, для которых она создана. Подобную проблему можно наблюдать также в отношении кредитных организаций, которые регистрируются как юридические лица в ЕГРЮЛ, а право на осуществление банковской деятельности (исключительный вид деятельности, что дает основание считать правоспособность таких субъектов специальной²) приобретают только после получения лицензии Банка России. Способ ее (проблемы) решения, предлагаемый в литературе, заключается в том, чтобы считать правоспособность субъекта в период после регистрации в ЕГРЮЛ до выдачи банковской лицензии общей³ – в силу абзаца второго пункта 1 статьи 49 ГК РФ коммерческие организации, за прямо установленными законом исключениями, могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом, однако этот подход вряд ли может быть применен к ССРО в силу того, что некоммерческие организации наделены специальной правоспособностью, а потому никакую иную, кроме

¹ См.: Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. - М.: Статут, 2005. - С. 46; Суханов Е.А. Юридические лица как участники гражданских правоотношений // Гражданское право: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. - М., 1998. - С. 189.

² См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований: в 5 т. - М.: Статут, 2006. Т. 1. - С. 410. См., также: абзац третий пункта 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 года № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. - 1996. - № 9. - С. 10.

³ См., напр.: Арзуманова Л.Л., Лаптева А.В., Шнигер Д.О., Беляев М.А., Слесарев С.А. Комментарий к Федеральному закону от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2021; Кавелина Н.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2021.

определяемой целями своего создания, деятельность ассоциация осуществлять не вправе. В отношении кредитных организаций подобное противоречие Л.Г. Ефимова предлагает разрешать путем разграничения право- и дееспособности юридического лица: первая возникает с момента признания его в качестве субъекта права; вторая – после получения права на осуществление лицензируемого вида деятельности¹, однако нетрудно заметить, что такой подход основан на отличном от общепринятого понимании дееспособности, акцентирующем внимание на возможности приобретения и осуществления прав и обязанностей своими действиями.

Изложенная проблема в известной мере снимается, если допустить верность тезиса о том, что саморегулирование, в своей сущности выраженное в создании профессиональным сообществом правил, обязательных для его членов, может осуществляться не только посредством особых правовых форм – стандартов СРО, но и посредством корпоративных актов. Принимать такие акты ассоциация вправе уже с момента создания, а потому определенный «саморегулятивный» потенциал в отношении членов присущ ей уже в силу корпоративной природы такой организации. Правовой режим таких актов будет очевидно существенно отличаться от режима актов, являющихся актами саморегулирования в юридическом смысле этого понятия (ключевое отличие – во влиянии на объем правоспособности члена ассоциации и члена СРО в соответствующей сфере предпринимательской деятельности), однако это позволяет внести некоторую ясность в вопрос о самом факте наличия гражданской правоспособности у ассоциации до момента приобретения ею статуса СРО.

В основе создания ассоциации как корпоративной организации лежит воля частно-правовых субъектов – учредителей; эта же воля определяет обретение ассоциацией статуса СРО, ибо сам по себе факт ее соответствия установленным законом признакам последней (статья 55.4 ГрК РФ)

¹ Ефимова Л.Г. Банковское право. - М.: Статут, 2010. Т. 1. - С. 275.

соответствующих правовых последствий автоматически не влечет: это вытекает из части 1 указанной статьи, из которой следует право некоммерческой организации приобрести статус СРО, а указанные условия представляют собой предпосылки (элементы основания) возникновения такого права. Данное право осуществляется посредством специальной юридической процедуры, в рамках которой устанавливается соответствие заявителя указанным условиям, а потому представляет собой форму контроля. Процедура инициируется ассоциацией в форме заявления в адрес НОСТРОЙ, которая в течение 30 дней дает одно из двух заключений: о возможности внесения или об отказе во внесении сведений о заявителе в реестр ССРО. Непосредственно решение о включении или отказе по включении ассоциации в реестр ССРО принимает уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, функции которого возложены на Федеральную службу по экологическому, технологическому и атомному надзору¹ (далее – Ростехнадзор). Анализ нормативных актов, регулирующих процедуру включения субъекта в реестр ССРО², не позволяет сделать однозначный вывод о том, имеет ли заключение НОСТРОЙ для Ростехнадзора обязательное или рекомендательное значение. С одной стороны, нормативно не установлено, что заключение НОСТРОЙ предопределяет содержание решения

¹ Постановление Правительства РФ от 19.11.2008 № 864 (в ред. от 26.03.2014) «О мерах по реализации Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 48. - Ст. 5612.

² Положение о порядке и способе ведения государственного реестра саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства. Утв. Приказом Ростехнадзора от 16.11.2016 № 478 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14.12.2016; Административный регламент Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору по предоставлению государственной услуги по внесению сведений в государственный реестр саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства. Утв. Приказом Ростехнадзора от 31.03.2016 № 132 (в ред. от 28.06.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 17.06.2016.

государственного органа о включении или об отказе во включении заявителя в реестр СРО; предоставление уполномоченному органу полномочия по установлению имеющих значение для принятия решения обстоятельств (подподпункт «в» подпункта 1 пункта 62 Административного регламента № 132) может рассматриваться как довод в пользу принятия решения вопреки заключению, если установленные органом обстоятельства будут свидетельствовать о неправильности заключения. С другой стороны, из части 12 статьи 55.19 ГрК РФ следует, что заключения НОСО достаточно для принятия Ростехнадзором решения об исключении СРО из реестра, а, принимая во внимание, что в обоих случаях (как включение, так и исключение) НОСО реализует контрольную функцию, можно предположить и единство правового значения данного ею заключения. В литературе было высказано мнение о том, что уполномоченный орган не вправе принять решение о включении заявителя в реестр СРО при наличии отрицательного заключения НОСО¹; аргумент про этого вывода можно обнаружить в пункте 76 Административного регламента № 132. Бесспорным является то, что наличие заключения НОСО является формальным условием *sine qua non* принятия Ростехнадзором решения о включении заявителя в реестр СРО. Правовой механизм формирования такого условия основан на предусмотренной частью 2.1 статьи 55.2 ГрК РФ обязанности НОСО утвердить заключение о возможности внесения или об отказе во внесении сведений о заявителе в реестр СРО в течение 30 дней со дня представления необходимых документов. Таким образом, подача ассоциацией в НОСО заявления с приложением необходимых документов приводит к возникновению правоотношения, содержанием которого является право заявителя требовать от НОСО совершения действий по его рассмотрению и

¹ См.: Амелин Р.В., Беляев М.А., Борисов А.А., Воробьев Н.И., Воробьева Л.В., Гемпик Е.А., Иванов А.В., Калинин А.А., Коновальчикова С.С., Котухов С.А., Майборода В.А., Макаров О.В., Мельников Н.Н., Начичко Ж.А., Поваров Ю.С., Султанов Р.С. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (постатейный) / отв. ред. Н.Н. Мельников // СПС КонсультантПлюс. 2017.

утверждению заключения. Судебно-арбитражная практика признает возможность судебной защиты такого права в случае необоснованного уклонения НОСО от дачи заключения посредством обязанности рассмотрения заявления¹. При определении процессуальной формы разрешения таких дел необходимо принять во внимание следующее. Нет никаких сомнений в том, что опосредующее дачу заключения правоотношение не является по своей природе гражданским правоотношением, ибо посредством дачи заключения НОСО выполняет публично-правовую обязанность по контролю за соответствием ассоциации-заявителя установленным законом требованиям возникновения статуса СРО; включение действий НОСО в качестве юридически значимых в порядок формирования реестра СРО, публичный по своей правовой природе, означает что такие действия не могут быть представлены как объект гражданско-правового обязательства. Материально-правовая природа спора определяет процессуальную форму его разрешения: дифференциация видов судопроизводств имеет под собой объективные детерминанты². Процессуальная форма рассмотрения дел из публичных правоотношений основана на учете материально-правового неравенства их субъектов и ориентирована на устранение этого дисбаланса процессуально-правовыми средствами: так, характерное для искового производства правило распределения бремени доказывания «каждая из сторон обязана доказать то, на что она ссылается в обоснование своих требований и возражений» трансформируется путем перемещения в известной степени этого бремени на субъекта публичной обязанности: заявитель обязан доказать лишь факт ущемления своего права, тогда обязанность по доказыванию правомерности приведших к такому результату действий (бездействия) возлагается на другую сторону. Родовая подсудность подобных споров арбитражным судам может быть ведена из смысла абзаца четвертого пункта 2 Постановления Пленума

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2018 № 09АП-43306/2018 по делу № А40-67731/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

² См., напр.: Зайцев И.М., Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: понятие, содержание и значение // Государство и право. - 1995. - № 6. - С. 47.

Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»¹ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 36); соответственно, дела эти должны рассматриваться по правилам главы 24 АПК РФ как дела об оспаривании решений и действий (бездействия) организаций, наделенных законом публичными полномочиями. Признав возможность оспаривания в судебном порядке бездействия НОСО по даче заключения, было бы странно отрицать такую же возможность в отношении действия по даче заключения, ибо первое и второе отражают два проявления поведения субъекта. Впрочем, последнее будет правильным только если мы признаем правильным тезис о том, что уполномоченный орган не вправе включить заявителя в реестр СРО при наличии отрицательного заключения НОСО; в этом случае отрицание права ассоциации оспаривать такое заключение отдельно от решения уполномоченного органа в значительной степени снизит эффективность правосстановительного механизма, ибо, во-первых, лишит заявителя возможности оперативного реагирования на нарушение его прав, а, во-вторых, при ограничении проверки законности и обоснованности решения только его формально-юридическим основанием, может вообще не дать правосудного результата. Понятно, что суд не вправе подменять НОСО в компетенционном смысле: полномочие суда ограничено проверкой законности заключения НОСО, однако правосстановительный эффект будет выражен в возложении на НОСО обязанности повторно дать заключение, соответствующее требованиям закона.

Материально-правовые предпосылки приобретения ассоциацией статуса ССРО выражаются в совокупности определенных частью 3 статьи 55.4 ГрК РФ условий, которые характеризуют ССРО не как юридическое лицо, а

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (в ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2016. - № 11.

как организационно-правовую форму саморегулирования по субъектному, организационному и имущественному параметрам.

Субъектная предпосылка заключается в требовании наличия членов ассоциации, претендующей на статус ССРО, числом не менее ста. Законодательное определение понятия члена ассоциации через указание на его общегражданский (индивидуальный предприниматель, юридическое лицо) статус с уточнением для отдельных субъектов через договорный (подрядчик, застройщик) в данном контексте вряд ли можно признать корректным, ибо в отношении организации первый лишен правового смысла (не обладая таким статусом, она не является субъектом права вообще, а потому членом ни ассоциации, ни иной корпорации юридически быть), а наличие договорного статуса (возникающего в силу заключения соответствующего договора) является не только требованием очевидно излишним, но и трудноисполнимым, ибо «полноценное» право на осуществление строительной деятельности возникает у субъекта (точнее, «созревает» в его правоспособности) в силу его членства в ССРО. Полагаем, что в данном случае мы имеем пример неудачной нормативной формулировки; телеологическое толкование пункта 1 части 3 статьи 55.4 ГрК РФ позволяет увидеть действительный смысл приведенного законоположения в том, чтобы обеспечить участие в ассоциации тех субъектов, на которых после приобретения ею статуса ССРО способно распространяться саморегулирование; речь идет, таким образом, о субъектах, для которых выполнение строительных работ в соответствующем качестве не выходит за пределы их правоспособности, которая может быть общей, специальной либо определенной целями деятельности, определенно ограниченными в учредительных документах юридического лица, но в любом случае включает

в свое содержание право на осуществление соответствующих видов строительной деятельности в качестве «несозревшего» элемента¹.

В качестве общего требования к членам ССРО установлено требование тождества территории субъекта РФ для ассоциации и ее членов; исключение сделано для иностранных юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, зарегистрированных на территориях субъектов, где отсутствует ССРО. С учетом того, что по состоянию на декабрь 2022 года ССРО отсутствуют в ряде субъектов РФ², включение в число членов ассоциации последней категории субъектов строительства является необходимым условием реализации конституционного права на объединение в условиях реализованного в 2016 году регионального принципа организации ССРО в России.

Организационная предпосылка приобретения ассоциацией статуса СРО заключается в отсутствии у ассоциации обособленных подразделений (филиалов и представительств), предназначенных для ведения деятельности за пределами субъекта РФ, в котором такая организация зарегистрирована³. Осуществление деятельности по саморегулированию опосредуется специальными правовыми актами – стандартами СРО и внутренними документами, чем объясняется требование наличия у претендующей на приобретение статуса СРО ассоциации таких актов, обязательность наличия которых установлена Законом о саморегулировании и ГрК РФ.

Имущественной предпосылкой приобретения ассоциацией статуса СРО является формирование ее членами компенсационного фонда возмещения вреда, в пределах средств которого СРО несет солидарную деликтную ответственность по обязательствам своих членов. Такой фонд обнаруживает

¹ Подобный подход обнаруживается у Д.А. Петрова. См.: Петров Д.А. Правовой статус саморегулируемой организации в сфере предпринимательства: дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2016. - С. 16.

² Информационно-консультационный портал саморегулируемых организаций. - URL: <https://www.reestr-sro.ru/sro-v-stroitelstve/?ysclid=lae1konzqz912924689>.

³ Критика данного положения была дана в § 1.2 главы I настоящей работы.

известное сходство с уставным капиталом хозяйственных обществ в части гарантийной функции, традиционно выделяемой сторонниками «материальной» теории уставного капитала¹. Вопросы формирования компенсационного фонда в контексте проблематики правового режима имущества ССРО подробно рассмотрены в § 2.1 главы II настоящей работы.

Приобретение статуса ССРО формализуется включением сведений о ней в реестр ССРО; именно с этого момента ассоциация обретает возможность осуществления саморегулирования, а потому такая регистрация носит конститутивный характер. Непосредственным юридическим основанием включения сведений об ассоциации в реестр СРО является соответствующее решение Ростехнадзора, значение которого заключается в установлении всех нормативно установленных предпосылок статуса СРО. Таким образом, соответствующие предпосылки возникновения статуса СРО «срабатывают» не автоматически по формуле «наличие предпосылок – статус СРО», а опосредованно через решение уполномоченного органа и внесения записи в реестр. Действующее законодательство оставляет без ответа вопрос о юридическом значении записи в реестре СРО, в основании которой лежит порочное материально-правовое основание (к примеру, отсутствует сформированный в требуемом размере компенсационный фонд, что было выявлено уже после внесения такой записи²). С одной стороны, решение Ростехнадзора (а, соответственно, и основанную на нем запись в реестре) нельзя признать законным, а потому оно не должно приводить к правовым последствиям в виде возникновения статуса СРО. С другой стороны, правовой механизм устранения из правовой действительности незаконных правоприменительных актов основан на институте их судебного обжалования, для которого согласно части 8 статьи 201 АПК РФ применяется правило о проспективной (со дня принятия решения суда) отмене действия признанного

¹ См., напр.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. - М.: Статут, 2014. - С. 154.

² См., напр.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.09.2017 № Ф05-13152/2017 по делу № А40-255568/16 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

недействительным ненормативного акта. Нетрудно заметить, что при применении такого подхода к «регистрационному» решению остается открытым вопрос о наличии статуса СРО в период до принятия решения суда: формальное основание для его аннулирования со времени принятия решения (подобно тому, как рестроспективно действует недействительность сделки) отсутствует. Во внимание также необходимо принимать и другой аспект. Запись о СРО в реестре, в том числе основанная на незаконном решении, получает публичное оглашение, в силу чего третьи лица вправе рассчитывать на ее достоверность. В отношении реестров СРО закон прямо не устанавливает принцип публичной достоверности подобно тому, как это сделано в отношении ЕГРН и ЕГРЮЛ, однако такая достоверность в отношении реестра СРО, на наш взгляд, может быть выведена из презумпции действительности (законности) решения любого публичного органа, которая признается и правовой доктриной¹, и судебной практикой². Предпосылка придания этой достоверности характера публичной обнаруживаются в плоскости правового режима реестра как информационного ресурса, который (режим) основан на открытости и общедоступности образующих его сведений³.

Публичная достоверность и добросовестность неразрывно связаны (всякий, кто действует, полагаясь на публично оглашенные сведения презюмируется действующим добросовестно), а потому с легальным признанием добросовестности в качестве принципа гражданского права

¹ См., напр.: Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. А.К. Кравцов. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2006 [по рукописи 1925 г.]. - С. 124; Лукьянова В.Ю. Юридические презумпции в законодательстве о техническом регулировании // Законодательство и экономика. - 2006. - № 10. - С. 31. Как справедливо замечает Д.О. Тузов, в области публичных актов общий принцип ничтожности незаконных актов мог бы иметь разрушительные последствия. См.: Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. - М.: Статут, 2007. - С. 251.

² См., напр.: Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 13.12.2019 № 04АП-5599/2019 по делу № А19-23113/2017 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

³ См.: Петров Д.А. Принцип гласности ведения дел и принцип публичной достоверности реестра в саморегулировании // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2014. - № 3. - С. 91.

свойство публичной достоверности не может быть ограничено только реестрами, в отношении которых оно прямо установлено законом, но должно распространяться на все правовые формы публичного оглашения юридически значимого явления (права или правового статуса), в отношении которых это назначение (оглашение сведений для третьих лиц) вытекает из закона. Сущность же принципа правового регулирования в том и заключается, что он, выражая определенную сторону сущности права и его социального назначения¹ обеспечивает достижение целей правового регулирования в применении каждого правового института, каждой правовой нормы.

В силу изложенного каждое лицо, добросовестно полагавшееся на запись в реестре о статусе СРО, не должно испытывать негативных юридических последствий от последующего признания этой записи недействительной. Так, если условием участия лица в торгах на заключение договора строительного подряда является его членство в ССРО, то заключенный с ним как победителем этих торгов государственный контракт не может быть расторгнут в случае, если это участие впоследствии было опровергнуто признанием решения уполномоченного органа о регистрации СРО недействительным при условии, что и сам участник торгов, и заказчик добросовестно полагались на соответствующую запись в реестре СРО. В такой ситуации основанием для расторжения контракта (по основанию пункта 3 статьи 450.1 ГК РФ) будет недобросовестность его стороны, которая выражается тем, что она знала (или должна была знать) о материально-правовом пороке записи в реестре, обусловившем ее аннулирование.

Исследование проблематики прекращения деятельности СРО традиционно основывается на разграничении двух аспектов: прекращение статуса СРО и прекращение СРО как юридического лица. Формально-юридический повод для их разграничения лежит в плоскости

¹ Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - М., 2001. - С. 151; Хропанюк В.Н. Теория государства и права / Под ред. В.Г. Стрекозова. - М., 2015. - С. 215; Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. - М., 1996. - С. 295.

регистрационного механизма, дифференцирующего не только возникновение, но и прекращение соответствующих статусов: для статуса СРО значение имеет запись в реестре СРО, для статуса юридического лица значение имеет запись в ЕГРЮЛ. Их дифференциация приводит к выводу о том, что исключенная из реестра СРО ассоциация не утрачивает статус субъекта права¹. Между тем, подобный подход, оправданный с точки зрения созданного позитивным правом публично-правового механизма признания правоспособности СРО, вряд ли может быть применен для выявления динамики правоспособности СРО как сущностной характеристики субъекта права.

Исключение ассоциации из реестра СРО имеет своим правовым последствием утрату правовозможности осуществления саморегулирования, из чего следует, что достижение цели, ради которой она была создана, оказывается недостижимым. Для юридического лица невозможность достижения цели его создания означает бессмысленность его дальнейшего существования, что в юридическом значении выражается в закреплённом в подпункте 5 пункта 3 статьи 61 ГК РФ основании его принудительной ликвидации в судебном порядке.

Это тезис может быть подтвержден анализом соотношения оснований исключения СРО из реестра СРО и оснований ликвидации юридического лица.

Основания исключения СРО из реестра СРО определены в совокупности частью 1 статьи 21 Закона о СРО и частью 5 статьи 55.2 ГрК РФ. Эти основания могут быть разделены на два вида: волеизъявление членов СРО и нарушения установленных законом требований в процессе деятельности СРО.

Основания ликвидации юридического лица определены статьей 61 ГК РФ; данные основания могут иметь в своей основе волеизъявление участников или уполномоченного органа (пункт 2) и решение суда (пункт 3). В основаниях ликвидации юридического лица в судебном порядке нетрудно рассмотреть

¹ См.: определение Верховного Суда РФ от 21.01.2019 № 307-ЭС18-23943 по делу № А56-14482/2017; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2019 № 09АП-51153/2019-ГК по делу № А40-287952/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

санкции за допущенные при создании или осуществлении деятельности (подпункты 1- 4 пункта 3 статьи 61 ГК РФ) либо невозможность достижения цели юридического лица (подпункт 5 пункта 3 статьи 61 ГК РФ).

В результате оказывается, что те нарушения, которые определены специальным законодательством в качестве оснований исключения ассоциации из реестра СРО, одновременно будут являться основаниями ее принудительной ликвидации в качестве юридического лица, просто конкретизированными на уровне *lex specialis*. Вряд ли возможно представить себе незаконную деятельность СРО, которая (деятельность) одновременно отвечала бы требованию правомерности в качестве деятельности юридического лица, в силу чего исключение организации из реестра СРО по основаниям, являющимся санкциями за противоправное поведение, должно иметь своим правовым последствием ее исключения из ЕГРЮЛ. В свою очередь это означает, что порядок исключения организации из реестра СРО не может быть принципиально иным нежели порядок исключения юридического лица из ЕГРЮЛ. Это подход вполне очевидно реализуется на уровне положений ГК РФ и Закона о СРО: первый устанавливает исключительно судебный порядок принудительной ликвидации юридического лица по основаниям «санкционного» типа, второй определяет в качестве основания исключения организации из реестра СРО вступившее в законную силу решение суда (пункт 3 части 1 статьи 21 Закона о СРО).

В рамках сложившейся системы источников правового регулирования отношений по саморегулированию положения указанного закона применяются в отношении ССРО по субсидиарному принципу – приоритет имеют положения ГрК РФ, который допускает как судебный, так и административный порядок исключения организации из реестра СРО, дифференцируя их применительно к основаниям такого исключения: административный порядок применяется в случаях наличия оснований, установленных частью 3 статьи 3.3 Федерального закона от 29.12.2004 № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской

Федерации»¹ (далее – Закон № 191-ФЗ); в отношении же оснований, предусмотренных частью 5 статьи 55.2 ГрК РФ, эти порядки дифференцированы по критерию наличия или отсутствия соответствующего заключения НОСТРОЙ. Наличие заключения последней о возможности исключения организации из реестра СРО является основанием применения административного порядка; в отсутствие такого заключения (этим основанием охватывается как собственно его отсутствие по причине бездействия НОСТРОЙ, так и заключение, выражающее ее мнение об отсутствии оснований для применения к СРО соответствующей санкции) применению подлежит судебный порядок. По мнению А.Ф. Сухова, участие профессионального сообщества в опосредованном административным порядком процессе исключения организации из реестра СРО можно рассматривать в качестве гарантии соблюдения прав СРО² (заметим, что СРО арбитражных управляющих, кадастровых инженеров, оценщиков не наделены правами подготовки подобных заключений), однако нет никаких сомнений в том, что эта гарантия не способна компенсировать недостатки внесудебного порядка для *de facto* ликвидации юридического лица. Гарантированная Конституцией РФ возможность судебного оспаривания решения органа власти вряд ли обеспечит здесь должный баланс интересов³, ибо единственное достоинство административного порядка, выражающееся в его оперативности (решение об исключении из реестра СРО принимается в течение тридцати дней после получения Ростехнадзором заключения НОСТРОЙ) вряд ли может служить оправданием риска нарушения прав не только незаконно

¹ Федеральный закон от 29.12.2004 № 191-ФЗ (в ред. от 01.05.2022) «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 17.

² Суров А.Ф. Прекращение статуса «саморегулируемая организация» как правовая мера обеспечения соблюдения публичных интересов // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 12. - С. 90.

³ В судебной практике заключение НОСО о возможности исключения сведений о СРО из реестра рассматривается как самостоятельное основание принятия уполномоченным органом решения о таком исключении. См.: определение Верховного Суда РФ от 25.03.2020 № 305-ЭС20-2387 по делу № А40-299689/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

исключенной из реестра СРО, но и всех ее членов, осуществляющих строительную деятельность. Защита же нарушенных прав посредством возмещения убытков вследствие незаконного решения, принимая во внимание неопределенность в вопросе допустимости оспаривания заключения НОСТРОЙ (несмотря на то, что это право вытекает из статьи 11, а также из смысла части 8 статьи 10 Закона о СРО, в литературе указывается на проблематичность оспаривания таких заключений НОСТРОЙ¹; аналогичный подход наблюдается в судебно-арбитражной практике, которая не усматривает в заключении НОСТРОЙ признаков ненормативного акта, порождающего какие-либо обязанности СРО, рассматривая его как доказательство, используемое уполномоченным органом для принятия решения²), далеко не всегда будет эффективной. В силу изложенного действующее законодательство должно предусматривать судебный порядок исключения организации из реестра СРО, что позволит обеспечить необходимый уровень гарантий как самой СРО, так и ее членов.

Поскольку исключение ассоциации из реестра СРО исключает возможность осуществления ею деятельности по достижению уставных целей, постольку это означает необходимость конструирования материально-правового основания последнего по модели основания принудительной ликвидации юридического лица. Статья 61 ГК РФ конкретизирует такое основание определенным набором противоправных действий, допущенных как при создании юридического лица, так и при осуществлении им деятельности, однако сущность такой санкции как принудительная ликвидация исключает допустимость ее формального применения: данная мера подлежит применению в качестве исключительной, в случаях когда прекращение противоправной деятельности возможно лишь посредством

¹ См., напр.: Тарасенко О.А. Тенденции правоприменительной практики в сфере саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в России // Предпринимательское право. - 2018. - № 4. - С. 33.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2016 № 09-АП-19457/2016 по делу № А40-244514/15 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

ликвидации организации. Применительно к исключению ассоциации из реестра СРО этот подход получил признание в судебно-арбитражной практике, которая исходит из необходимости установления существенных нарушений законодательства¹. Подход к пониманию существенности нарушений должен соотноситься с целью указанной санкции, а потому печь должна идти либо о неустранимых нарушениях, допущенных при создании ССРО (к примеру, фальсификация сведений о членах, в действительности таковыми не являющихся) либо грубом или систематическом нарушении тех требований, несоблюдение которых частью 5 статьи 55.2 ГрК РФ определено в качестве оснований исключения ССРО из реестра; важное значение для оценки существенности нарушений, как следует из приведенного выше подхода арбитражных судов, является установления неисполнения ССРО выданных ей со стороны НОСТРОЙ обязательных предложений об устранении нарушений или соответствующих предписаний Ростехнадзора. Оценочный характер существенности означает необходимость в применении юрисдикционной процедуры, посредством которой может быть дана всесторонняя и объективная оценка поведения ССРО, одновременно обеспечивающей каждому из заинтересованных лиц в полной мере участвовать в установлении юридически значимых обстоятельств, основанной на принципе «*audiatur et altera pars*»². В наиболее полной мере этим требованиям отвечает судебная процессуальная форма, из чего следует, что исключение ССРО из реестра допустимо только в судебном порядке, при этом правом предъявления соответствующего требования может быть признано не только за НОСТРОЙ и Ростехнадзором, но и за иными государственными органами, реализующими полномочия в сфере строительства (например,

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.06.2020 № Ф09-9308/19 по делу № А60-44797/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

² Римский правовой принцип «да будет выслушана и другая сторона», который является основой современного принципа состязательности. См.: Марьина Е.В. Особенности природы принципа состязательности в российском правосудии // Юридический вестник Самарского университета. - 2019. - Т. 5. - № 4. С. 132 - 136.

антимонопольному органу, если допущенные ССРО нарушения непосредственно связаны с нарушением антимонопольного законодательства).

Вопросы реорганизации СРО в настоящее время не имеют ни удовлетворительного разрешения в правовой доктрине, ни правовой определенности в позитивном праве.

ГК РФ прямо допускает реорганизацию ассоциации только в форме преобразования в общественную организацию, автономную некоммерческую организацию или общественно полезный фонд, однако ни в одном из этих случаев нельзя утверждать о сохранении статуса СРО, для которой закон допускает только одну организационно-правовую форму ассоциации. Пункт 10 статьи 55.10 ГрК РФ, определяя исключительную компетенцию общего собрания членов СРО, позволяет предположить, что СРО может быть реорганизована в форме присоединения. Вместе с тем, результатом такой реорганизации будет прекращение присоединившейся организации – юридического лица, что исключает сохранение статуса СРО, ибо механизм его возникновения не предполагает правопреемства в образующих его содержание правах и обязанностях; для такого статуса эта реорганизация будет основанием его прекращения. Косвенное подтверждение этому обнаруживается в части 1 статьи 55.7 ГрК РФ, ибо это объясняет прекращение членства в присоединенной СРО. Наконец, часть 1 статьи 21 Закона о СРО прямо предусматривает реорганизацию некоммерческой организации в числе оснований исключения ее из реестра СРО.

Статус юридического лица предполагает наличие субъекта права, способного к участию в регулируемых гражданским правом отношениях, а равно иноотраслевых отношениях, правовое регулирование которых признает такого субъекта. Параметры статуса юридического лица важны постольку, поскольку они соответствуют цели СРО, заключающейся в осуществлении деятельности по саморегулированию. Именно поэтому законодатель избрал для СРО в области строительства организационно-правовую форму

ассоциации: некоммерческая корпоративная организация, допускающая в качестве своих членов субъектов предпринимательской деятельности (предпринимателей и юридические лица). Любая реорганизация, которая ведет к возникновению юридического лица, сохраняющего эти параметры, может быть признана допустимой как предпосылка сохранения статуса СРО в плоскости статуса субъекта права.

Статус СРО означает признание государством наличия у юридического лица способности осуществлять деятельность по саморегулированию; в основе такого статуса ряд нормативно закреплённых требований, в совокупности образующим материально-правовые предпосылки данного статуса. Соответствие данным требованиям устанавливается применительно к конкретному субъекту в рамках административной по своей правовой природе процедуры; эта процедура сродни процедуре лицензирования, а потому по смыслу пунктов 1, 3 статьи 49 ГК РФ ее результат влияет на содержание правоспособности юридического лица. Обусловленное статусом СРО право осуществления деятельности по саморегулированию в сфере строительства является не субъективным имущественным правом в значении статьи 128 ГК РФ, а элементом правоспособности юридического лица. Правоспособность как в целом, так и в отдельных образующих ее элементах, не отчуждаема, а потому входящие в содержание правоспособности права не могут отчуждаться ни по сделкам, ни в порядке правопреемства, характерного для реорганизации.

Допустить такой механизм с известными оговорками можно было для таких случаев реорганизации, в результате которых не ухудшаются и не могут ухудшиться те параметры организации, которые определили ее соответствие требованиям-предпосылкам статуса СРО, а, соответственно, потребность в административной процедуре подтверждения такого соответствия в отношении вновь созданного юридического лица отсутствует. Это возможно только в двух случаях: слияние двух СРО или присоединение одной СРО к другой СРО. Любой другой вариант реорганизации приводит (преобразование в другую организационно-правовую форму) либо способен привести

(разделение, выделение) к утрате материально-правовых предпосылок статуса СРО. В литературе отмечаются положительные результаты, к которым может привести реорганизация СРО в формах слияния или присоединения (объединение компенсационных фондов, повышение эффективности саморегулирования вследствие охвата большей части рынка, адаптация к возросшим требованиям регулятора¹), а потому допустимость этих форм реорганизации должна быть прямо предусмотрена законом², в частности в пункте 10 статьи 55.10 ГрК РФ должно быть прямо указано не только на присоединение, но и на слияние. В обоих случаях потребуется внесение изменений в реестр СРО: для присоединения это будет выражаться в изменении содержащихся в реестровой записи сведений о размере компенсационного фонда (фондов), а также об органах управления – если их количественный и персональный состав претерпит изменения; для слияния это будет выражаться в новой реестровой записи о созданной в результате слияния СРО. При этом внесение соответствующих изменений в реестр СРО должно осуществляться в упрощенном – уведомительном – порядке без проведения соответствующей проверки.

Реализация такого подхода потребует также разрешения вопроса о судьбе корпоративных прав членов каждой из участвующих в слиянии и присоединении СРО: каждый из них приобретает право членства в созданной в результате реорганизации СРО при условии соответствия требованиям, установленным такой СРО к своим членам.

¹ См., напр.: Байтенова А.А. Реорганизация и ликвидация саморегулируемой организации: вопросы практики // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 6. - С. 75.

² Отметим, что этот подход получил нормативное закрепление в отношении иных видов СРО. См.: пункт 4 статьи 21 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

Глава 2. Корпоративно-правовые формы реализации статуса саморегулируемой организации в области строительства в частных правовых отношениях

2.1. Корпоративный акт саморегулируемой организации как правовая форма саморегулирования

Круг корпоративных правовых актов для СРО в области строительства не ограничен классическим их набором, в который традиционно включают учредительные документы и, при известных оговорках, корпоративные договоры: обращение к выявленным в правовой доктрине признаков корпоративных актов (качество таковых в доктрине признается за такими как издание уполномоченным органом корпорации, наличие в содержании акта корпоративных норм¹) позволяет поставить вопрос об отнесении к ним также стандартов СРО².

Вопрос о правовой природе корпоративных правовых актов представляет в настоящее время предмет острых научных дискуссий, однако следует признать, что вопрос этот также далек от своего разрешения, как и во времена возникновения корпораций и корпоративного права. На наш взгляд, подход к разрешению обозначенной проблемы требует внесения ясности по ряду ключевых моментов. Во-первых, это установление соответствия корпоративных актов признакам нормативности, по которым и в правовой доктрине достигнут известный консенсус³, и в судебной практике усилиями

¹ См., напр.: Потапов В.А. Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - С. 134 - 136; Кашанина Т.В. Корпоративное право: Учебник. - М., 2010. - С. 215.

² См. подр.: Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. - М.: Статут, 2013. - С. 298 - 306.

³ См., напр.: См.: Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. - М., 1967. - С. 42, 54; Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты. - М., 1995. - С. 17.

Верховного Суда РФ¹ в обеспечено единообразии; к таковым относятся: издание акта компетентным субъектом (обратим внимание на то, что круг этих субъектов не ограничен только органами публичной власти, но включает иные органы и уполномоченные организации); обязательность правил поведения для неопределенного круга лиц; неоднократность применения правил поведения; направленность правил на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений. Ряд авторов указывают также на такой признак нормативного акта как обеспеченность его соблюдения юридическими санкциями, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что таковая вполне охватывается признаком обязательности; индивидуальные правовые акты также обладают таким признаком, а потому можно утверждать, что обеспеченность юридическими санкциями не есть признак нормативности, а признак правового характера акта как категории более широкой.

В литературе убедительно доказано соответствие стандартов и правил СРО указанным признакам нормативности²; обратим внимание на то, что положенная в основу таких выводов аргументация не подразумевает отличия между двумя видами актов: правилами и собственно стандартами; формальная предпосылка к этому обнаруживается в Законе о СРО, в тексте которого использованы два этих термина без какого-либо различия в содержание обозначенных ими понятий. Вместе с тем, такое различие может быть выведено из ГрК РФ, который, во-первых, закрепляет понятие квалификационного стандарта (согласно части 5 статьи 55.5 ГрК РФ его содержание образуют характеристики квалификации, необходимой работникам для осуществления трудовых функций по выполнению

¹ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

² См., напр.: Лескова Ю.Г. Стандарты и правила саморегулируемых организаций и их объединений в строительной сфере: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 8. - С. 44 - 47.

соответствующих видов проектных и строительных работ), а, во-вторых, применяет понятия стандарта саморегулируемой организации применительно к требованиям (квалификационным и кадровым) в отношении членов СРО (часть 6 статьи 55.5 ГрК РФ). Из этого следует, что стандарт не устанавливает собственно правило поведения, через которое традиционно раскрывается сущность правовой нормы; вместе с тем, нет никаких оснований для отрицания нормативного содержания стандартов СРО, ибо их регулятивный эффект проявляется не непосредственно, а в системном взаимодействии с иными элементами правового механизма саморегулирования. Аналогичную картину можно наблюдать в отношении образующих содержание технических регламентов норм, которые, хотя и являются, как справедливо замечал О.С. Иоффе, правилами не субъективно-должного, а объективно-целесообразного поведения¹, однако же и они в той мере, в какой регулируют поведение людей, имеют своим непосредственным объектом общественные отношения².

Как справедливо отмечается в литературе, «... само свойство нормативности не может укладываться в чисто формальные характеристики, а должно определяться на основе прежде всего содержательных признаков, например: оказывает ли правовой акт общерегулирующее воздействие на общественные отношения, содержатся ли в нем предписания о правах и обязанностях персонально не определенного круга лиц, рассчитан ли он на многократное применение»³. Несмотря на то, что указанные выводы сформулированы авторами в контексте выявления природы правоинтерпретационных актов, они (выводы) безусловно могут служить

¹ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. - М.: Госюриздат, 1961. - С. 125, 126.

² См., напр.: Алексеев С.С. Теория права. - М., 1995; Полежаев П.Т., Шелестов В.С. О соотношении юридических и технических норм в социалистическом обществе // Советское государство и право. - 1960. - № 10. - С. 14; Емельянова М.Б. Стандарты и качество продукции (правовой аспект проблемы). - М., 1971; Лукьянова В.Ю. Технический регламент в системе российского законодательства: монография. 2-е изд., доп. и перераб. - М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2017. - С. 53.

³ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. - С. 106.

важным ориентиром для правовых исследований регулятивных свойств и иных юридических актов.

Регулятивное значение стандартов СРО проявляется в том, что они определяют круг субъектов правоотношений, опосредующих строительную деятельность: логика такого регулирования заключается в том, что не отвечающий стандартам субъект не может обладать статусом члена СРО, и, как следствие, лишается юридической возможности выполнения тех видов строительных работ, которые доступны члену СРО. В правовом механизме такую модель регулирования проще всего реализовать посредством дифференциации правоспособности, что, казалось бы, и сделано в российском законодательстве: из абзаца третьего пункта 1, абзаца второго пункта 3 статьи 49 ГК РФ традиционно выводится утверждение о том, что членство в СРО является способом приобретения субъектом специальной правоспособности, необходимой для осуществления определяемых законом видов деятельности¹. Подтверждение такого толкования обнаруживается и в формально-юридической плоскости (само помещение указанных норм в статью 49 ГК РФ, посвященную правоспособности), так и в замысле авторов этой новеллы, отраженном в пункте 22 проекта Концепции развития законодательства о юридических лицах². Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении положений ГК РФ обнаруживается непоследовательность законодателя в реализации такой модели, критическая настолько, что ставит под сомнение достижение целей правового регулирования. Примем за исходную точку рассуждений классическое понимание гражданской правоспособности как общей возможности лица быть носителем прав и обязанностей в установленных

¹ См., напр.: Петров Д.А. Квзисаморегулируемые организации в сфере предпринимательства // Государственная власть и местное самоуправление. - 2015. - № 4. С. 54 - 59; Долинская В.В. Основные положения о юридических лицах: новеллы гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 6. - С. 3 - 11.

² Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект) // Вестник гражданского права. - 2009. - № 2.

законом пределах¹; в рамках такого подхода правоспособность лица является общей предпосылкой субъективного гражданского права. Такую связь между правоспособностью и субъективным правом никак не опровергает существующий в доктрине взгляд на правоспособность как субъективное гражданское право, содержанием которого является юридически обеспеченная возможность иметь любые не запрещенные законом права и нести обязанности, поддержанный рядом авторитетных ученых². Отсюда следует, что в отсутствие у лица опосредованной правоспособностью возможности обладать субъективным правом никакие действие (бездействие) или событие не могут иметь юридического эффекта возникновения такого права. Между тем, этот очевидный и единственно возможный, на наш взгляд, вывод опровергается включенной в ГК РФ в ходе реформы обязательственного права³ нормой пункта 3 статьи 450.1 о последствиях отсутствия у стороны договора необходимого для его исполнения членства в СРО⁴. Таким последствием является возникновение у другой стороны права на односторонний отказ от исполнения договора, осуществление которого является основанием его расторжения. Вытекающее отсюда предположение о

¹ См.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М., 1950. - С. 5; Венедиктов А.В. О субъектах социалистических отношений // Советское государство и право. - 1955. - № 6. - С. 19; Толстой Ю.К. К теории правоотношения. - Ленинград, 1959. - С. 9; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. - М., 1974. - С. 120; Агарков М.М. Правоотношение (гл. XII макета учебника по теории государства и права 1948 г.) // Вестник гражданского права. - 2022. - № 3. - С. 145 - 181.

² См., напр.: Кучинский В.А. Правовой статус и субъективные гражданские права граждан // Правоведение. - 1965. - № 4. - С. 45; Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. - М., 1968. - С. 85; Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском и гражданском семейном праве. - Рига, 1976. - С. 210; Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. - М., 1981. - С. 112; Белькова Е.Г. Понятие и сущность правоспособности // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2006. - № 5(50).

³ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 10. - Ст. 1412.

⁴ Заметим, что уже в первом приближении данная норма обнаруживает свою несогласованность со статьей 49 ГК РФ, ибо согласно последней для осуществления некоторых видов деятельности членства в СРО может быть недостаточно, а необходим подтвержденный свидетельством СРО допуск к такому виду работ.

том, что законодатель отказался от предусмотренной ранее недействительности таких договоров (ибо нельзя расторгнуть договор, которого юридически не существует), нашло прямое подтверждение в выраженном в пункте 89 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 25) разъяснении о действительности такого договора; осторожное уточнение в виде оговорки «если законом прямо не установлено иное»² правоприменительного значения для сферы строительства не имеет по причине того, что в специальных законах вопросы недействительности договоров строительного подряда не разрешаются, ибо лежат за пределами предметов их регулирования.

Таким образом, юридическая невозможность, в отличие от невозможности естественной, не всегда исключает юридическую же действительность. Впрочем, основная проблема здесь заключается вовсе не в покушении на теоретические основы, выраженные в неких ключевых доктринальных понятиях; как показывает жизнь, последние не столь уж незыблемы, и, будучи в известной степени (а нередко и полностью) понятиями конвенциональными, вполне могут корректироваться соответственно потребностям социально-экономических и/или политических реалий. Элементарная логика свидетельствует о том, что следствием реализованного в позитивном праве подхода является угроза тем публичным интересам, ради защиты которых задумывался и создавался весь правовой механизм саморегулирования; эта защита является той системной целью, которая

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2015. - № 8.

² Которое, строго говоря, из текста пункта 3 статьи 450.1 ГК РФ не следует, в силу чего вытекающий из пункта 2 статьи 3 ГК РФ подход к ГК РФ как к «*primus inter pares*» (см., напр.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: в 5 кн. Кн. 1: Общие положения. - М., 1997. - С. 37 - 49) дает повод для оценки такой оговорки в качестве толкования *contra legem*.

оправдывает само существование СРО. Построение правового механизма устранения из сферы осуществления строительства неспособных к его безопасному и качественному осуществлению субъектов на базе института права на односторонний отказ от договора фактически ведет к тому, что публичные интересы обеспечиваются волей стороны сделки – волей, осуществление которой подчинено эгоцентристским интересам частного субъекта, решение которого об отказе от исполнения договора с пороком субъекта на другой стороне будет обусловлено преимущественно мотивами максимизации своей прибыли, что создает ощутимые предпосылки злоупотребления правом. На первый взгляд, препятствием этому будет служить общий принцип добросовестного осуществления гражданских прав, трансформировавшийся в 2012 году из смыслового в легальный¹ и получивший прямое законодательное закрепление применительно к праву на односторонний отказ от исполнения договора в 2015 году в пункте 4 статьи 450.1 ГК РФ², однако в этом случае перед судами со всей очевидностью возникает не имеющая безупречного юридического решения проблема, ибо признание недействительным одностороннего отказа от исполнения договора недобросовестной стороной будет означать сохранение действия договора с пороком субъекта, обусловленным нарушением нормы, направленной на защиту публичных интересов.

Показательно, что в судебно-арбитражной практике встречаются решения, в основе которых лежит признание недействительными договоров с пороком субъекта, выразившимся в отсутствии у последнего необходимой для исполнения договора лицензии³; в таких решениях предпринята попытка снять

¹ Пункт 1 статьи 1 Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 53 (ч. 1). - Ст. 7627.

² Пункт 88 статьи 1 Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 10. - Ст. 1412.

³ См., напр.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 сентября 2018 года № Ф09-5564/18 по делу № А07-32054/2017, постановление Шестого

порожденное законодателем противоречие между публично-правовыми целями лицензирования и негодными для их достижения гражданско-правовыми средствами, однако такая попытка вряд ли может быть признана приемлемой, ибо в ее основе лежит применение норм права *contra legem*.

Преодоление обозначенной проблемы имеет лишь один эффективный способ, заключающийся в легальном восстановлении общего правила о недействительности договоров, заключенных субъектом за пределами его правоспособности; данная норма должна распространяться не только на юридические лица, ибо признаки специальной правоспособности как правоспособности, пределы которой определяются законом (а не неким основанным на собственном волеизъявлении субъекта самоограничении, выраженным посредством уставных целей и видов деятельности – в это случае речь может идти о целевой правоспособности, для которой статьей 173 ГК РФ предусмотрен специальный состав оспоримой сделки), мы обнаруживаем также и у индивидуальных предпринимателей. Между тем, ГК РФ не содержит норм, посвященных правоспособности последних, а традиционно выводимый из общей нормы статьи 18 ГК РФ тезис об общей правоспособности предпринимателей¹ не проходит «тест на достоверность» с точки зрения правового режима предпринимательской деятельности в сфере строительства, и уже поэтому не может быть правильным вне соответствующих оговорок. В известной мере проблема эта разрешается экстраполяцией на предпринимателей норм о юридических лицах (а, соответственно, и абзаца

арбитражного апелляционного суда от 14 июня 2017 года № 06АП-2371/2017 по делу № А37-2124/2016 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

¹ См., напр.: См.: Лозовская С.О. Правосубъектность в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2001. - С. 75; Муранов А.И. Общая и специальная правоспособность индивидуального предпринимателя // Законодательство. - 2003. - № 6, 7. С. 27; Тотьев К.Ю. Легитимация субъектов предпринимательской деятельности // Законность. - 2002. - № 12. - С. 10 - 15; Ванин В.В. О характере правоспособности предпринимателей // Северо-Кавказский вестник. - 1997. - № 2. - С. 147; Оськин И.Н. Правовые ограничения в предпринимательской деятельности гражданина (физического лица), действующего без образования юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2003. - С. 77; Григоренко С.М. Проблемы гражданско-правового статуса индивидуального предпринимателя // Хозяйство и право. - 1999. - № 5. - С. 20.

третьего пункта 1, абзаца второго пункта 3 статьи 49 ГК РФ), формальное основание которой содержится в пункте 3 статьи 23 ГК РФ, однако у нас нет ни малейшего сомнения в том, что вопросы правового статуса субъектов гражданского права должны иметь прямое и не допускающее вариативного правоприменительного толкования нормативное разрешение, определенность которого согласно сформулированной Конституционным Судом РФ универсальной правовой позиции есть условие стабильности и предсказуемости имущественного оборота¹.

При ответе на вопрос о виде недействительности заключенного с исследуемым пороком субъекта договора подряда, предметом которого выступают строительные работы и их результат, во внимание необходимо принимать те подходы к разграничению ничтожных и оспоримых сделок, которые существуют в правовой доктрине с учетом возможности их интеграции в существующее правовое регулирование. Кажущееся многообразие научных взглядов по вопросу о критериях такого разграничения без особых интеллектуальных усилий может быть сведено к одному из двух основных подходов, которые в литературе обозначаются как теория распознаваемости и теория интереса. В рамках первого ответ дается в зависимости от потребности в определенной (судебной) процедуре установления тех обстоятельств, которые обуславливают противоречие сделки (ее условия) закону: их очевидность (к примеру, порок нотариальной формы) исключает необходимость в таком порядке, а потому сделка объявляется ничтожной; в случае же неочевидности применяется оспоримость². Второй подход основан на установлении корреляции вида

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2017. - № 5; Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 49. - Ст. 8028.

² См., напр.: Гуляев А.М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения: Пособие к лекциям. - Киев, 1907. - С.

недействительности с видом нарушенного интереса: нарушению публичного интереса соответствовала ничтожность, тогда оспоримость охватывала случаи нарушения интереса частного¹; известная модификация данного подхода заключается в придании значения критерия т.н. степени значимости интереса, характерном для цивилистики советского периода².

Анализ действующей редакции статьи 168 ГК РФ позволяет утверждать, что в результате реформы гражданского права легальную реализацию получил второй подход, что, принимая во внимание цели саморегулирования, лежащие в области обеспечения публичных интересов, позволяет *de lege ferenda* утверждать о ничтожности договоров с пороком субъекта, обусловленным отсутствием у последнего статуса члена ССРО. Этот вариант представляется единственно верным, ибо в противном случае вопрос соблюдения публичных интересов оказывается в сфере волеизъявления субъектов частного права, что противоречит существу законодательного их (публичных интересов) обеспечения.

Рассмотрение актов саморегулирования в качестве нормативных актов ставит задачу определения их места в иерархии источников права и обеспечения реализации их юридического действия в слаженном, обеспечиваемом системным взаимодействием всех их элементов, взаимодействии; в известной степени задача эта усложняется существованием актов саморегулирования нескольких уровней, ибо действующее законодательство предусматривает не только стандарты и правила СРО, но и стандарты и правила Национальных объединений (дифференцированных по предметной специализации – в области инженерных изысканий и подготовки

79; Иоффе О.С. Советское гражданское право. Общая часть. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. - С. 297.

¹ Tommasini R. Nullita (Diritto privato) // Enciclopedia del Diritto. - T. XXVIII. S. 1. (ma Milano:) Giuffre, 1978. - P. 870; Ferri G.B. Il negozio giuridico. 2a ed. - Padova: Cedam, 2004. - P. 275; Ровный В.В. Эвикция: проблемы конкуренции исков и права собственности // Правоведение. - 2000. - № 5. - С. 131.

² См., напр.: Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. - М.: Госюриздат, 1954. - С. 69; Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. - Томск, 1967. - С. 148.

проектной документации и в области строительства), которые с точки зрения своего гражданско-правового статуса также представляют собой ассоциации (союзы), но ассоциации, объединяющие другие ассоциации (СРО) (часть 1 статьи 55.20 ГрК РФ).

Характер стандартов и правил ССРО как актов корпоративного нормотворчества обуславливает их непосредственную обязательность для членов ССРО как участников корпорации. Вместе с тем, наряду с указанными специальными видами корпоративных актов в ССРО как юридическом лице существует устав. Из части 3 статьи 55.5 ГрК РФ вытекает приоритет устава перед стандартами и правилами ССРО, ибо последние, как следует, из частей 1, 5 этой статьи, отнесены к числу внутренних документов. Высшая юридическая сила устава по отношению к внутренним документам, которые принимаются коллегиальным органом управления СРО, обусловлена статусом принимающего устав общего собрания членов СРО как высшего органа корпорации; вместе с тем, принятие ряда внутренних документов – их перечень установлен частью 1 статьи 55.10 ГрК РФ – входит в исключительную компетенцию общего собрания, а потому обосновать приоритет устава над этими документами можно только с точки зрения классического представления об уставе как обладающем высшей силой акте внутрикорпоративного регулирования, в основе которой лежит прямое указание ГК РФ¹. Нетрудно заметить, что такое положение не способно обеспечить «подчиненность» внутренних документов уставу – его приоритет оказывается фикцией, поскольку соответствие внутренних документов уставу оказывается несложно обеспечить путем изменения положений последнего соответственно желаемому содержанию внутренних документов тем же решением общего собрания. Полагаем, что действительный приоритет не может базироваться только на предписании правовой нормы, пускай и императивной, но не имеющей при ближайшем рассмотрении механизма

¹ См., напр.: Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. - Екб.: Налоги и финансовое право, 2005. - С. 187.

реализации; отталкиваясь от тезиса о том, что в основе юридической силы любой корпоративной нормы лежит волеизъявление участников СРО, можно обосновать дифференциацию корпоративных актов по «силе» корпоративного волеизъявления. Это очевидно для актов, которые принимаются органами корпорации разных уровней; в тех же случаях, когда принятие корпоративных актов входит в компетенцию одного органа их (актов) дифференциация может базироваться исключительно на критерии вида требуемого для принятия акта большинства: волеизъявление квалифицированного большинства в большей степени отражает совокупную волю гражданского сообщества нежели большинства простого. В силу изложенного полагаем, что обеспечить подлинную, а не декларативную иерархическую связь устава ССРО и принимаемых ею внутренних документов можно только путем нормативного закрепления принятия изменений в устав квалифицированным большинством членов ССРО, а для внутренних документов (в том числе, их изменений) – простого большинства.

2.2. Органы саморегулируемой организации в области строительства

Формирование и выражение воле любого юридического лица опосредуется деятельностью его органов. Применительно к организационной структуре корпоративных организаций действующее законодательство использует три взаимосвязанных, но отличных по своему содержанию, понятия: высший орган корпорации, коллегиальный орган управления, исполнительный орган юридического лица.

Высший орган корпорации – ее неотъемлемый элемент; наличие такого органа является конститутивным признаком корпоративного юридического лица с точки зрения статьи 65.1 ГК РФ. В соответствии с частью 1 статьи 16 Закона о СРО высшим органом СРО является общее собрание ее членов; его компетенция определена в качестве исключительной статьей 55.10 ГрК РФ и может быть расширена уставом СРО. В рамках доктринальной классификации

органов корпорации на волеобразующие и волеизъявляющие этот орган относится к числу первых¹.

К числу органов корпорации относится коллегиальный орган управления (наблюдательный совет или совет директоров), что следует из пункта 4 статьи 65.3 ГК РФ; данный орган не является обязательным элементом организационной структуры всех корпораций: законом он предусмотрен для различных видов корпораций, при этом обязательность его создания установлена только для публичных акционерных обществ и непубличных акционерных обществ с числом акционеров-владельцев голосующих акций не менее пятидесяти, а для иных – по желанию участников. Между тем, законом могут устанавливаться иные организационные формы коллегиального управления: для СРО в области строительства таким органом является постоянно действующий коллегиальный орган управления, правовой статус которого лишь отчасти определен корпоративным типом юридического лица: наряду с полномочиями, связанными с прекращением членства в СРО², данный орган осуществляет полномочия целевого и внутриорганизационного характера: утверждает стандарты саморегулируемой организации и ее внутренние документы³. Стандарты СРО являются корпоративными актами лишь отчасти: их содержание выражается в требованиях профессионально-квалификационного характера к субъектам строительной деятельности, установление которых обусловлено назначением ССРО в современном экономико-правовом механизме регулирования этой отрасли национального хозяйства. Таким образом, по компетенционному критерию этот орган может быть отнесен к числу специальных органов СРО в области строительства, ибо именно целевые полномочия определяют содержание его статуса; в этом нетрудно убедиться, если попытаться умозрительно «изъять» такие

¹ См., напр.: Черепяхин В.В. Труды по гражданскому праву. - М., 2001. - С. 301; Степанов П.В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1999. - С. 8 - 9; 18 - 21.

² Часть 4 статьи 55.7 ГрК РФ.

³ Часть 10 статьи 55.5 ГрК РФ.

полномочия из его статуса: оставшиеся полномочия будут носить исключительно корпоративный характер.

Обращение к ГрК РФ позволяет констатировать, что созданная законодателем для саморегулируемых организаций в области строительства юридическая модель управления в целом соответствует классической для корпораций трехуровневой структуре – высший орган, постоянно действующий коллегиальный орган, исполнительный орган, – имеющей вместе с тем известные особенности, определенные целевым назначением этой корпорации в социально-экономическом механизме общественного воспроизводства.

Орган юридического лица, вопреки семантическому значению данного термина, в действующем законодательстве не рассматривается как общая для вышеприведенных понятий категория: из статьи 53 ГК РФ следует, что юридическое содержание данного понятия фактически ограничено исполнительным органом. Правовое исследование исполнительного органа представляет интерес в двух вопросах, ответы на которые имеют и общее для всех юридических лиц значение, и значение, проявляющееся в специфике ССРО в том числе.

Прежде всего, это вопрос о правовой природе отношений между корпорацией и ее исполнительным органом, ответ на который будет определять подходы к решению ряда взаимосвязанных других вопросов. В юридической литературе можно обнаружить две ключевых позиции по данному вопросу. Первая из них заключается в признании исследуемых отношений правоотношениями представительства, в рамках которых корпорация предстает в качестве представляемого, а исполнительный орган – в качестве представителя (Г.Ф. Шершеневич, Стучка П.И., Гордон А.О., Степанов Д.И.), каждый из которых, таким образом, предстает в качестве самостоятельного, обособленного от другого, субъекта. Этому подходу оппонируют ученые, рассматривающие исполнительный орган в качестве организационной части юридического лица, что исключает признание органа

самостоятельным субъектом (Могилевский С.Д., Мейер Д.И., Синайский В.И., Тарасов И.Т., Братусь С.Н., Грибанов В.П., Иоффе О.С., Суханов Е.А., Брагинский М.И.). Не углубляясь в излишней для нашего исследования степени в этот, вне всякого сомнения, имеющий грандиозное для цивилистической науки спор, отметим, что под давлением аргументов доктринального характера и научным авторитетом приводящих их ученых вторая точка зрения считается «победившей»¹, хотя при ближайшем рассмотрении некоторые сомнения в ее непротиворечивости господствующему в современной правовой доктрине юридического лица фиктивному направлению могут быть высказаны, а в основе понимания органа как части юридического лица явно просматривается влияние его органической теории². Вместе с тем, ставить точку в этой дискуссии рано даже в правоприменительном ключе, поскольку в пункте 121 Постановления Пленума ВС РФ № 25 приобретение юридическим лицом прав и обязанностей через действия его органа определяется как особый вид представительства, допускающий применение к этим отношениям пунктов 1, 3 статьи 182, статьи 183 ГК РФ.

Как-бы то ни было, сторонники второй точки зрения существование вообще правовых отношений между юридическим лицом и исполнительным органом не отрицают, что открывает известные возможности преодоления конфликта приведенных доктрин и конструирования наиболее эффективного

¹ Законодательное признание этой точки зрения обычно видят в исключении указания на статью 182 ГК РФ из нормы пункта 1 статьи 53 ГК РФ Федеральным законом от 29.06.2015 № 210-ФЗ. См., напр.: Мамагшишвили В.З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2021. - № 3. - С. 36 - 73.

² Gierke O. v. Deutsches Privatrecht. Bd. 1. - Leipzig: Duncker & Humblot, 1895. - S. 474 - 475; Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. Ученые труды: Понятие, виды, государственные юридические лица. Вып. 12. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. - С. 66 - 67, 113; Морандьер Л.-Ж. Гражданское право Франции: перевод с фр. - М.: Иностранная литература, 1958. - С. 238, 362 - 363; Синайский В.И. Русское гражданское право. - М.: Статут, 2002. - С. 122; Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. - М.: Статут, 2000. - С. 504; Черепяхин Б.Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Труды по гражданскому праву. - М.: Статут, 2001. - С. 306.

правового режима реализации гражданской правосубъектности корпорации. Рассмотрение проблемы с точки зрения такой задачи обнаруживает весьма интересный факт: потребность в применении представительской концепции исполнительного органа объясняется предельным дефицитом правового института исполнительного органа для большинства некоммерческих корпораций. Главная проблема заключается в том, что доктрина исполнительного органа как части юридического лица базируется на постулате об отсутствии противоречий между органом и корпорацией¹; собственно, отрицание правосубъектности органа основано на отрицании наличия у него самостоятельного интереса, что и является логической посылкой для вывода об отсутствии конфликта интересов. На деле же все обстоит иначе; примеров, когда директор реализует свои полномочия в своих интересах в ущерб интересам организации, судебная практика дает предостаточно, из чего вытекает потребность в правовом механизме разрешения конфликтов таких интересов.

Несомненно, что общая для всех юридических лиц статья 53.1 ГК РФ обладает известным потенциалом в решении задачи подчинения деятельности исполнительного органа интересам корпорации и интересам ее участников, однако арсенал средств, задействованных данной нормой, ограничен возмещением убытков, применение которого далеко не всегда способно эффективно устранить негативный имущественный эффект недобросовестных и/или неразумных действий руководителя. Применительно к отдельным видам юридических лиц (хозяйственные общества, производственные кооперативы, унитарные предприятия, некоммерческие организации) законодательство расширяет этот арсенал, обогащая его институтами крупных сделок и сделок

¹ Согласно взглядам таких авторов как В.А. Рясенцев, Б.Б. Черепахин, С.Н. Братусь у органа нет интересов, отличных от юридического лица. См.: Рясенцев В.А. Представительство в советском гражданском праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1948. Т. 1; Советское гражданское право: В 2 т. / Под ред. В.А. Рясенцева. - М., 1965. Т. 1; Черепахин Б.Б. Органы и представители юридического лица // Ученые записки ВНИИСЗ. - М., 1968. Вып. 14 и др.

с заинтересованностью, что позволяет при наличии соответствующих оснований непосредственно устранять негативные для организации последствия; остальным же юридическим лицам остается лишь уповать на статью 10 ГК РФ, которая, строго говоря, не предусматривает такой санкции за злоупотребление правом как признание недействительности сделки и применение ее (недействительности) последствий: зародившись в практике рассмотрения арбитражными судами банкротных дел, такой подход был впоследствии поддержан Верховным Судом РФ¹, однако в литературе он подвергается справедливой критике по причине недостаточной правовой определенности и вытекающего из нее чрезмерного объема судебной дискреции². Общее средство, тем не менее, отыскивается в нормах о представительстве: пункт 3 статьи 182 ГК РФ запрещает представителю совершение сделок в отношении себя лично и в отношении лиц, представителем которых он является, под страхом их (сделок) недействительности. Очевидно, что данная норма не охватывает все возможные случаи недобросовестности или неразумности, однако предоставляет вполне определенное основание недействительности сделки – нарушение явно выраженного запрета, что Верховным Судом РФ рассматривается как посягательство на публичные интересы, однако в силу прямого указания пункта 3 статьи 182 ГК РФ влечет не ничтожность, а оспоримость сделки, что отвечает общему подходу к недействительности сделок по основанию нарушения корпоративных прав.

Из изложенного можно вывести два способа решения изложенной выше проблемы. При признании отношений между корпорацией и органом отношениями представительства необходимо расширение субъектного

¹ См.: пункт 7 Пленума Верховного Суда РФ № 25.

² См., напр.: Гурылева К.И. Злоупотребление правом как основание для оспаривания сделок несостоятельного должника // Вестник арбитражной практики. - 2021. - № 6. - С. 35 - 36; Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2015. - № 11. - С. 59.

признака закрепленного пунктом 3 статьи 182 ГК РФ запрета посредством включения в него лиц, аффилированных с руководителем корпорации. Второй способ предполагает законодательное распространение норм о крупных сделках и сделках с заинтересованностью на все корпорации – как коммерческие, так и некоммерческие. В основе второго подхода лежит тождество существа корпоративных отношений в любой корпорации, ибо отличие коммерческих и некоммерческих корпораций лежит в иной плоскости – основной цели деятельности, которая, к тому же, во многом нивелируется предоставлением последним права в известных пределах осуществлять приносящую доход деятельность (пункт 4 статьи 50 ГК РФ). Существо же корпоративных отношений в их легальном видении (определяемых В.А. Беловым как отношения корпорационные¹) предопределяет потребность в преодолении разнонаправленности интересов корпорации, ее участников и менеджмента, важная роль в удовлетворении которой отводится институту недействительности сделок. Второй способ нам видится более перспективным для реализации, ибо он гармонизирован с лежащей в основе действующего гражданского законодательства доктрине органа как части корпорации и может быть успешно реализован через применение апробированных на хозяйственных обществах юридических конструкций крупных сделок и сделок с заинтересованностью; нормативные же основания недействительности таких сделок при их совершении с нарушением прав корпорации или ее участников определены общими нормами ГК РФ в статье 173.1 и пункте 2 статьи 174 соответственно.

Допуская наличие у органа корпорации собственного интереса, который может не совпадать с интересом корпорации, мы неизбежно приходим к необходимости разрешения вопроса о признании за таким образованием собственной воли и пределах ее автономии. Как справедливо отмечает С.Д.

¹ См.: Белов В.А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / С.А. Бабкин, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов и др.; под общ. ред. В.А. Белова. - М.: Юрайт, 2009. - С. 103.

Могилевский, классификация органов корпорации на волеформирующие и волеизъявляющие не вполне корректна, ибо исполнительный орган, обладая собственной компетенцией, не может быть представлен лишь как «глашатай» сформированной высшим органом воли во внешних отношениях: в пределах своей компетенции (которая определяется законом, и в очерченных им пределах может корректироваться учредительными документами) он свободен в осуществлении образующих ее содержание полномочий¹. Естественно, речь не идет о свободе, воплощенной в классическом субъективном гражданском праве (категория полномочия в доступных цивилисту терминах представляет некий симбиоз, обозначаемый в литературе термином «правообязанности»²), однако определенная степень свободы выбора характерна для полномочий, именуемых дискреционными; их наличие в статусе органа корпорации на сущностном уровне предопределено свободой экономической деятельности, а для исполнительного органа обусловлено функциональным назначением в структуре корпоративных органов, заключающемся в постоянном управлении корпорацией и ведении ее дел. В рамках осуществления этих функций исполнительный орган связан решениями вышестоящих органов – высшего (собрания участников) и коллегиального органа управления; вместе с тем связанность эта не является полной и абсолютной, что было наглядно подтверждено Верховным Судом РФ, признавшим, что решение общего собрания об одобрении сделки само по себе не освобождает директора от ответственности за причиненные корпорации такой сделкой убытки при нарушении директором фидуциарной обязанности действовать разумно и добросовестно³. Не углубляясь в

¹ Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами. Правовой аспект. - М., 2001. - С. 127 - 128.

² См., напр.: Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. - М.: Формула права, 2007. - С. 202; Емельянов В. Пределы полномочий органа юридического лица // Российская юстиция. - 2003. - № 1. - С. 21 - 23.

³ Пункт 16 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2020. - № 5.

подробный анализ аргументов contra этой позиции, высказанных в литературе уважаемыми учеными¹, предположим, что критика ее может быть признана справедливой, только если речь идет о коммерческих корпорациях, подчиненных, прежде всего, интересу участников в извлечении прибыли, решения которых в лице общего собрания защищены правилом делового решения. Цели некоммерческих корпораций иные, при этом они могут не только отражать эгоцентристские интересы их членов, но определяться ими лишь отчасти – в той мере, в которой они согласованы с определенными публичными интересами: так, саморегулируемые организации в области строительства, членство в которых обогащает правоспособность участников правом осуществления строительной деятельности (частный интерес), обеспечивают правовое решение задачи осуществления строительной деятельности только высококвалифицированными в этой сфере субъектами, что, принимая во внимание значение строительной отрасли в экономике страны, несомненно, относится к целям публичного порядка. Можно утверждать, что исполнительный орган, будучи связан в реализации своей компетенции решениями высшего органа в части, отражающей удовлетворение частных интересов членов корпорации, не вправе исполнять те из них, которые приняты вопреки интересам публичным. С этой точки зрения правило делового решения имеет рамки, определенные характером интереса, на удовлетворение которого направлено действие органа: указание высшего органа корпорации на совершение директором действий, результатом которых может быть нарушение публичного интереса, равно как и одобрение им (высшим органом) таких действий, не расширяет пределы

¹ См., напр.: Чупрунов И.С. Влияние одобрения акционеров на ответственность директора перед корпорацией. Развернутый комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.09.2019 № 305-ЭС19-8975 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2020. - № 7. - С. 112 - 167; Макарова О.А. Позиция Верховного Суда РФ по рассмотрению некоторых корпоративных споров (в свете Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах) // Журнал предпринимательского и корпоративного права. - 2020. - № 3. - С. 43 - 48.

автономии воли исполнительного органа (прежде всего по причине того, что здесь они заданы нормативно и сам высший орган не вправе выйти за эти пределы), а потому не будет основанием для освобождения исполнительного органа от ответственности за убытки, причиненные его действиями.

В настоящее время в законодательство не устанавливает исчерпывающим образом систему специализированных органов ССРО (статьей 55.10 ГрК РФ закрепляется только исключительная компетенция общего собрания СРО в области строительства). Однако это не означает, что для выполнения таких функций как, например, контрольная, обеспечительная, ССРО не должны создавать специализированные органы, тем более, что Закон о СРО, закрепляя обязанность создания таких органов, в этой части не противоречит ГрК РФ.

В отношении названия данной группы органов можно следовать следующим рассуждениям: термин «специализация» означает, прежде всего, сосредоточение деятельности на отдельных – узкоспециализированных – направлениях. В.В. Долинская объясняет термин «специализированные органы» через специальные функции саморегулируемой организации¹, с чем в принципиальном плане можно согласиться с той лишь оговоркой, что действующее законодательство не использует в качестве легального понятия термин «специальные функции» ни в качестве общенормативного, ни применительно к саморегулируемым организациям в области строительства. Подобное понятие можно было признать корректным только в том случае, если мы воспринимаем общие функции на уровне понятия корпорации, а через специальные функции выявляем назначение отдельных их видов. Применяя этот прием к саморегулируемым организациям в области строительства можно легко обнаружить, что речь идет о явлениях различного правового порядка: специальные функции не есть имманентные признаки корпорации как юридического лица, но есть признаки саморегулирования

¹ Долинская В.В. Органы саморегулируемых организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 4. - С. 15.

предпринимательской деятельности, для которой юридическое лицо лишь одна из форм юридического существования. Допустив умозрительно существование саморегулируемых организаций без статуса юридического лица, мы, тем не менее, обнаружим там т.н. специальные функции, ибо они отражают существо саморегулирования, но не существо юридического лица. Осуществление таким образом понимаемых специальных функций может опосредоваться разными организационными формами; в случае если для этого используется конструкция корпоративного юридического лица, то эти формы встраиваются в его организационную структуру в качестве особых, не являющихся собственно корпоративными, органов. Это проявляется, в первую очередь, в компетенции таких органов. Так, в соответствии с частью 4 статьи 3 Закона о СРО к числу обязательных специализированных органов относятся органы, осуществляющие контроль за соблюдением членами саморегулируемой организации требований стандартов и правил предпринимательской или профессиональной деятельности и рассмотрение дел о применении в отношении членов саморегулируемой организации мер дисциплинарного воздействия, предусмотренных внутренними документами саморегулируемой организации. Буквальное толкование этой нормы позволяет утверждать, что к созданию обязательны два вида органов, наделенных полномочиями контрольного и дисциплинарного типов соответственно; назначение такого разделения в литературе объясняется двумя причинами: обеспечением профессионализма их деятельности и снижением коррупциогенных рисков¹. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что достижение второй цели обеспечивается процессуализацией правоприменительной деятельности, а потому ни полномочия контрольного типа, ни полномочия дисциплинарного типов не могут осуществляться вне определенных юридических процедур. Полномочия первого и второго типов

¹ Комментарий к Федеральному закону от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (постатейный) (Лескова Ю.Г., Серова О.А., Диденко А.А., Алгазина А.Ф., Байтенова А.А., Васючкова О.А.) [Электронный источник] // СПС «Консультант Плюс», 2022.

являются правовыми явлениями одного порядка – они обеспечивают достижение целей саморегулирования – и неразрывно между собой связаны, ибо результаты контроля одновременно будут являться основанием для применения мер дисциплинарного воздействия. Из этого следует, что осуществление полномочий обоих типов представляет собой единый правоприменительный процесс и вполне может быть охвачено единой «квазиюрисдикционной» процедурой с выделением в ней нескольких стадий, соответствующих каждому из типов осуществляемых полномочий. Функциональная взаимосвязь и процедурное единство полномочий, образующих компетенцию специализированных органов позволяет рассматривать их в качестве единой системы осуществления функций самоуправления, однако во внимание необходимо принимать следующий важный фактор.

Саморегулирование, которое опосредуется правовой формой корпорации, неразрывно связано с применением корпоративных правовых средств – именно они в этом случае лежат в основе правового механизма реализации актов саморегулирования. Такой механизм заключается в воздействии на корпоративный статус членов саморегулируемой организации, что может входить в компетенцию не любого органа, созданного в корпорации, но органа, корпоративного по своей сущности, органа, которому члены делегировали власть над собой. В силу сказанного есть основания согласиться с высказанным в литературе мнением о рекомендательном характере решений специализированных органов, на основе которых органы управления саморегулируемой организации применяют меры дисциплинарного воздействия¹, но с некоторой оговоркой – речь здесь может идти о таких мерах воздействия, которые связаны с изменением или прекращением корпоративного правового статуса члена организации. Так,

¹ Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений // Журнал российского права. - 2011. - № 5 (173). - С. 48-56.

специализированный орган не может быть наделен полномочием возлагать на члена саморегулируемой организации дополнительные обязанности корпоративного типа либо исключать его из корпорации, однако выдача предписания об устранении выявленных в ходе контроля нарушений стандартов и правил саморегулируемой организации при осуществлении предпринимательской или профессиональной деятельностью вполне может быть включена в компетенцию такого органа¹. Исключение члена СРО влечет в случаях, установленных законом, утрату права на осуществление определенной деятельности (в нашем случае строительной деятельности), и относится к числу исключительных мер, поэтому законодателем определяется иной порядок применения указанной меры дисциплинарного воздействия – посредством принятия решения коллегиальным органом управления. Таким образом, следует подчеркнуть, что специализированные органы СРО не могут выполнять ряд действий, порождающих юридические факты, влекущие такие изменения в статусе СРО и ее членов, которые влияют на объем их правоспособности.

Специализированные органы ССРО могут только давать рекомендации по исключению члена СРО из состава членства постоянно действующему коллегиальному органу, при этом обжалование указанных рекомендаций в судебном порядке не допускается, ибо сама по себе она не влечет правовых последствий для члена СРО². В отношении же иных мер дисциплинарного воздействия, которые принимаются на основании решения специализированного органа по рассмотрению дел о применении в отношении членов СРО мер дисциплинарного воздействия, применяется часть 3 статьи

¹ В судебно-арбитражной практике сформирован единообразный подход о недопустимости исключения члена СРО решением дисциплинарной комиссии в обход специального порядка, предусмотренного указанным законом. См.: решение Арбитражного суда Курганской области от 27.10.2015 по делу № А34-3621/2015, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19.07.2018 по делу № А33-30718/2017; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.10.2018 № Ф02-4533/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

² Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.04.2019 № 17АП-2242/2019 по делу № А50-29050/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

55.15 ГрК РФ, прямо предусматривающей обжалование решений об в судебном или третейском порядке¹.

В юридической литературе высказывались предложения о необходимости установления иных обязательных специализированных органов СРО в строительной сфере с учетом специфики сферы их деятельности. Так, Ю.А. Романов считает необходимым закрепить в ГрК РФ такие органы как консультационно-технический орган по экспертизе осуществляемых работ, проверке соответствия качества установленным законодательным требованиям и иным техническим мероприятиям; орган по обеспечению методического и правового консультирования членов саморегулируемой организации, защиты и представлению их прав и законных интересов². Указанная точка зрения была поддержана многими учеными, которые вполне справедливо отмечают, что «для выполнения своего «истинного» предназначения СРО нуждается в наличии органов, выполняющих функции взаимодействия с ее членами и третьими лицами с целью повышения уровня предпринимательских правоотношений и их развития»³.

Любой специализированный орган ССРО действует на основании устава и принимаемых в соответствии с ним внутренних нормативных документов, например, положения о контрольном органе и положения о дисциплинарном органе. Помимо этого, во многих ССРО процедуры контроля могут регулироваться, например, положением об экспертном совете, положением о мониторинге деятельности членов СРО и другими положениями. Также в дополнение к нормативным документам могут быть приняты внутренние стандарты, касающиеся направлений деятельности специализированного

¹ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.10.2019 № 18АП-15039/2019 по делу № А07-6539/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

² Романов Ю.А. Правовое положение саморегулируемых организаций в строительной сфере по законодательству Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2012. - С. 10.

³ Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. - М.: Статут, 2013. - С. 274.

органа, например, стандарт о порядке ведения реестра сведений об обязательствах членов СРО и т. п.

На наш взгляд, функционал специализированных органов СРО в области строительства можно расширять с учетом разных факторов, например, на специализированные органы можно было бы возложить обязанности по подготовке заключения на факт проверки документации, которую члены СРО в области строительства направляют для предоставления займов за счет средств компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств (согласно Постановлению Правительства РФ от 27.06.2020 № 938 «Об утверждении Положения об отдельных условиях предоставления займов членам саморегулируемых организаций и порядке осуществления контроля за использованием средств, предоставленных по таким займам»). В связи с необходимостью расширения информационной функции ССРО и объединения всех информационных ресурсов о деятельности СРО, ее членов и специалистов на одной площадке, систематизации информации, представляется вполне логичным закрепление обязанности по хранению и предоставлению соответствующей информации за конкретным специализированным органом (например, комитетом по информационным технологиям и ресурсам СРО). Представляется необходимым, чтобы данный комитет (или комиссия) входил в число обязательных специализированных органов, тем самым увеличив их количество в строительном саморегулировании до трех специализированных органов. Основными задачами данного органа должны являться: ведение (формирование, обновление и т.п.) Единого реестра СРО в области строительства, поддержка информационной структуры СРО на современном уровне, поддержание информационных ресурсов в актуальном состоянии, противодействие информационным угрозам и оказание поддержки членам СРО в вопросах правовой и информационной безопасности. Следует согласиться с точкой зрения, согласно которой использование в саморегулировании строительной деятельности информационных систем, объединяющих наибольшее

количество участников, включая как субъектов саморегулирования всех уровней, так и регуляторов, позволит более эффективно повысить уровень развития строительной отрасли¹.

Отличие таких органов от «классических» органов корпорации обусловлено характером выполняемых ими функций саморегулирования; вместе с тем, если согласиться с тем, что саморегулирование в форме СРО является особой разновидностью корпоративного управления, то указанные специализированные органы следует также рассматривать как органы управления СРО, но при этом причислять их к числу вспомогательных, обеспечивающих деятельность общего собрания, коллегиального органа или исполнительного органа СРО². В этой связи вполне оправданной является точка зрения В.Ф. Попондопуло, согласно которой специализированные органы управления СРО следует включать в структуру органов управления СРО³.

Изложенное означает, что специализированные органы СРО в области строительства входят в систему корпоративного управления, которая не идентична системе корпоративного управления в корпорациях. Компетенция названных органов не может включать вопросы, решение по которым оказывает непосредственно влияние на статус члена ССРО и самой ССРО.

¹ Лескова Ю. Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования // Гражданское право. - 2018. - № 5. - С. 11.

² Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения социального предпринимательства в строительной сфере: монография / Ю. Г. Лескова, О. В. Сушкова, О. А. Васючкова, Н.А. Серая / отв. редактор Ю. Г. Лескова (автор гл.2 (§4), гл.3 (§3) - Серая Н.А.) - Москва: Проспект, 2020. - С. 152; Серая Н.А. О роли специализированных органов в реализации правосубъектности СРО в сфере капитального строительства, проектирования и инженерных изысканий // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России. Коллективная монография. В 4 т. Т.2 /. Отв. редактор С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, С.А. Карелина, В.Д. Рузанова, О.В. Шмалый, О.А. Золотова, О.В. Сушкова. - М.: Проспект, 2020. - С.680.

³ Комментарий к ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. В.Ф. Попондопуло. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011 (автор комментария к главе 1 – В.Ф. Попондопуло. (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

Глава 3. Имущество и ответственность саморегулируемой организации в области строительства в частно-правовых отношениях

3.1. Правовой режим имущества саморегулируемой организации в области строительства

В основе юридической обособленности юридического лица, единодушно признаваемой его конститутивным признаком и в правовой доктрине¹ и в судебной-арбитражной практике², лежит определенное законом вещное право, в качестве которого может выступать либо право собственности, либо одно из двух производных вещных прав (право хозяйственного управления или право оперативного управления). По данному критерию все юридические лица можно разделить на собственников и несобственников своего имущества, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что такое деление имеет весьма небольшую юридическую ценность, ибо вид вещного права, на котором конструируется правовой режим имущества юридического лица не достаточен для характеристики правового статуса субъекта в имущественных отношениях. Причина в том, что каждое вещное право конструируется по единой «технологии», предопределенной лежащим в основе вещно-правового регулирования принципом *numeros clausus*: закрытый перечень вещных прав означает потребность в законодательном определении содержания образующих его содержание правомочий и их объема. Содержание традиционно строится на базе трех

¹ См., напр.: Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). - М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. - С. 140; Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. - М.: Статут, 2017. Т. 1. - С. 141 - 142; Казаченок С.Ю., Долинская Л.М. Проблемы обеспеченности недвижимым имуществом социально ориентированных некоммерческих организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2020. - № 5. - С. 26.

² См., напр.: постановления Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2012 № 15АП-2546/2012 по делу № А53-17256/2011, от 26.09.2019 № 15АП-15701/2019 по делу № А53-2233/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

правомочий – владение, пользование, распоряжение – или их определенной комбинации; объем определяется законом; характерная для обязательственных прав диспозитивность, вытекающая из общего принципа свободы договора, применительно к вещным правам, если и не исчезает вовсе, то в существенной степени ограничивается. Назначение принципа *numerus clausus* объясняется задачей обеспечения правовой определенности статусов субъектов каждого из вещных прав как необходимого условия стабильности имущественного оборота. Применительно к юридическим лицам действие этого правила соединяется с аналогичным правилом в отношении их организационно-правовых форм, в силу чего общие параметры правового режима имущества организации начинают обретать известную определенность при условии системного восприятия взаимодействия этих двух юридических конструкций, однако и этого нередко оказывается недостаточным, ибо отличия могут проявляться в плоскости отдельных видов имущества. Все эти особенности в конечном счете предопределяются целями юридических лиц, возможность типизации которых (целей) позволяет нормативно типизировать и виды правовых режимов их имущества.

Организационно-правовой формой юридического лица, на базе которого реализуется правовой статус ССРО, является ассоциация, которая законом прямо отнесена к числу юридических лиц, обладающих имуществом на праве собственности. Само по себе это решение выглядит вполне корректным в условиях нормативного признания «собственнического» статуса для всех корпоративных организаций, признание которых субъектами гражданского права неизбежно влечет их противопоставление не только третьим лицам (внешние отношения), но их участникам в отношениях внутренних¹. Вытекающий из характерной для российского правопорядка парадигмы права

¹ Деление корпоративных отношений на внутренние и внешние в целом поддерживается в правовой науке. См., напр.: Оборов А.С. Предпринимательская деятельность и корпоративный контроль в коммерческой корпорации // Предпринимательское право. - 2022. - № 1. - С. 68; Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. - М., 2014. - С. 48.

собственности тезис о невозможности двух субъективных прав собственности на одну вещь исключает признание участников корпорации собственниками ее имущества, а потому для правового оформления указанного противопоставления во внутренних отношениях статуса участников использована категория корпоративных прав.

При характеристике права собственности обычно указывают на то, что это право является наиболее полным вещным правом¹, по определению А.В. Венедиктова правом «всеобъемлющего, высшего, наиболее полного, абсолютного, неограниченного, исключительного господства над вещью»², для которого характерна наименьшая его определенность: как справедливо замечает К.И. Скловский, «его сила именно в отсутствии определений, в возможностях, в способности в качестве правового первоначала развернуться в любом направлении и наполниться любым содержанием»³. С максимальной силой здесь проявляются такие свойства субъективного частного права как возможность его осуществления собственником своей волей и в своем интересе.

Сказанное лишь отчасти применимо к характеристике права собственности ССРО на принадлежащее ей имущество, что следует из следующего.

Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что несмотря на единое право собственности, «встроенное» в организационно-правовую форму ассоциации, действующее законодательство создает два, существенно отличных правовых режима имущества ССРО, установленных для средств компенсационных фондов и иного имущества соответственно;

¹ Кудрявцева Т.Ю. Ограничения права собственности на землю в России // Правоведение. - 1997. - № 3. - С. 58 – 59; Рыбалов А.О. Тезисы к системе обременений права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2021. - № 12. - С. 159.

² Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. - Л., 1948. - С. 299.

³ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. - М.: Статут, 2010. - С. 219.

применяемый здесь принцип сепарации был известен еще римскому наследственному праву. Сущностная предпосылка такой дифференциации, внешне проявляющейся в обособлении учета этих видов имущества (части 5 статьи 55.16-1 ГрК РФ), заключается в их функциональной дифференциации. СРО является организацией – коллективом людей, осуществляющих деятельность по реализации ее функций, что невозможно без определенной имущественной базы; вопросы осуществления СРО правомочий собственника в отношении такого имущества способно решать правовое регулирование корпоративных отношений, обеспечивая на законодательном уровне общие параметры модели баланса интересов субъектов внутренних корпоративных отношений и гарантии защиты от злоупотреблений и позволяя в известных пределах ее конкретизацию на уровне корпоративных актов. Такое регулирование здесь не выходит за рамки специфики права корпоративной собственности, а правовой механизм его реализации не требует каких-то специальных по отношению к традиционным для корпоративного права правовых средств. Подтверждением этому является применение института сделки с заинтересованностью для разрешения конфликта интересов не только в хозяйственных обществах, но и некоммерческих корпорациях, что прямо следует из пунктов 3, 4 статьи 27 Закона о НКО. Действующим законодательством прямо не предусмотрено применение к ассоциациям института одобрения крупных сделок, что можно рассматривать как его недостаток, ибо вряд ли эта проблема может быть снята на уровне общих положений о недействительности сделок, поскольку в отсутствие законодательно установленного порядка их одобрения высшим органом ассоциации или коллегиальным органом управления применение статьи 173.1 ГК РФ невозможно. Недействительность же сделки по основанию пункта 1 статьи 174 ГК РФ возможна только в том случае, если порядок одобрения крупных сделок ассоциации, включающий их одобрение коллегиальным органом, предусмотрен уставом СРО, что на практике не встречается. Впрочем, для СРО как некоммерческой организации, обладающей целевой

правоспособностью, эта проблема в известной степени решается через институт недействительности неуставных сделок (доктрина *ultra vires*), а явные злоупотребления исполнительного органа могут быть преодолены недействительностью сделок, совершенных с явным ущербом (пункт 2 статьи 174 ГК РФ).

Возложение на СРО функции обеспечения имущественной ответственности ее членов в связи с осуществлением строительной деятельности обуславливает необходимость формирования и поддержания в определенном, обеспечивающем исполнение этой функции, размере имущественной массы, за счет которой гарантируется удовлетворение требований кредиторов. Образующее компенсационные фонды имущество имеет строго целевое назначение, что проявляется не только в ограничениях правомочий СРО по владению, пользованию и распоряжению им, но в специальных требованиях к порядку его формирования, определению размера и решению юридической судьбы при изменении правосубъектности СРО или ее члена. Потребность в детальной законодательной регламентации ограничений права собственности СРО на средства компенсационных фондов вызвана необходимостью защиты прав участников имущественного оборота, вступающих в договорные отношения с членами СРО, ибо такие субъекты не обладают возможностью влиять на действия последней в отношении ее имущества, однако заключая договоры строительного подряда вправе рассчитывать на удовлетворение их обоснованных требований за счет соответствующего имущества СРО.

Законодательные ограничения права собственности СРО на образующее компенсационные фонды имущество обусловлены его назначением и выражаются в следующем.

Во-первых, нормативно ограничен круг объектов, которые могут входить в состав компенсационных фондов. Часть 2 статьи 13 Закона о СРО буквально закрепляет требование к первоначальному формированию компенсационного фонда только денежными средствами, однако из смысла

части 1 статьи 55.16-1 ГрК РФ следует, что это требование сохраняется и в последующем¹. «Гарантийная» идея здесь доведена до своего абсолюта, поскольку такой вид объектов не требует стоимостной трансформации в иные объекты для исполнения того охранительного обязательства, в котором СРО участвует в качестве солидарного (возмещение вреда) или субсидиарного (договорная ответственность) должника. При этом вряд ли оправданно толковать закрепленное в Законе о СРО понятие «денежной формы» как исключаящее право члена СРО внести взнос в компенсационный фонд наличными деньгами (т.е. вещами с точки зрения статьи 128 ГК РФ), ибо изменение вещно-правовой природы последних на обязательственно-правовую в результате внесения их на банковский счет не влечет изменение их сущности как законного платежного средства и формы бытия стоимости в ее «чистом» виде.

Указанное ограничение в полной мере действует в отношении компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств (далее – компенсационный фонд ОДО); для компенсационного фонда возмещения вреда (далее – компенсационный фонд ВВ) часть 9 статьи 55.16-1 ГрК РФ до 30.12.2022 позволяла сделать вывод о возможности его «наполнения» иными объектами – ценными бумагами².

ГрК РФ не дает оснований для вывода о возможности включения в компенсационные фонды иных объектов, а потому вытекающая из части 9 статьи 13 Закона о СРО возможность использования в качестве таковых объектов недвижимости исключается в силу *lex specialis* положений ГрК РФ; данный вывод подтверждается изменениями закрепленных данным законом

¹ С учетом доминирующего в науке подхода к безналичным денежным средствам как имущественным правам обязательственного типа термины «собственность», «право собственности» в отношении таких объектов в дальнейшем изложении используется для обозначения субъективного права на такие объекты.

² Часть 9 статьи 55.16-1 ГрК РФ утратила силу с 30.12.2022. См.: Федеральный закон от 19.12.2022 № 542-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. - 2022. - 22 декабря.

требований к объектному составу компенсационного фонда еще в 2010 году¹, когда законодатель в целях преодоления злоупотреблений со стороны исполнительных органов СРО отказался от открытого перечня активов, могущих выступать объектами инвестиций за счет средств компенсационного фонда.

Во-вторых, законодательно определяются требования, обеспечивающие определенные минимальные размеры компенсационных фондов. В отличие от хозяйственных обществ, где минимальный размер уставного капитала устанавливается в виде конкретной стоимостной величины, не зависящей от количества участников, для СРО применен иной прием: минимальные размеры компенсационных фондов задаются законодательно определенными минимальными размерами взносов членов СРО, дифференцированных по критериям вида СРО и уровня ответственности ее члена. Объяснение заключается в том, что уставный капитал хозяйственных обществ гарантирует минимальный размер имущества субъекта для целей ответственности по его долгам, тогда как компенсационные фонды предназначены для гарантирования реальной ответственности членов СРО. Юридическое значение требований к минимальным размерам компенсационных фондов заключается в том, что их соблюдение является материально-правовым условием сохранения статуса СРО, хотя предпосылкой возникновения такого статуса является формирование только компенсационного фонда ВВ; компенсационный фонд ОДО может быть сформирован и позднее.

Во-третьих, нормативно ограничен круг субъектов, за счет средств которых формируются компенсационные фонды: такими субъектами могут выступать только члены СРО; предусмотренные частью 3 статьи 55.16 ГрК РФ исключения скорее подтверждают это правило, ибо в каждом из указанных здесь случаях (исключение СРО, в которую был внесен взнос, из реестра СРО;

¹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 240-ФЗ (ред. от 20.07.2012) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 31. - Ст. 4209.

«переход» предпринимателя или юридического лица в СРО по месту их регистрации) взнос лишь формально-юридически вносится иным лицом, тогда как источником его являются средства члена СРО, которые ранее были внесены им в другую СРО. Данная норма не означает, что обязанность по внесению взноса носит личный характер, предусматривая ее исполнение исключительно тем членом СРО, на которого она возложена: сформированная в судебно-арбитражной практике правовая позиция основана на буквальном толковании указанной нормы, а потому не исключает оплату взноса другим членом СРО¹. Вместе с тем, обоснованность указанного субъектного ограничения может быть поставлена под сомнение, если принять во внимание следующее. Назначением компенсационных фондов является обеспечение имущественных интересов кредиторов, с которыми члены СРО вступают в договорные отношения; эти интересы могут считаться обеспеченными при условии самого факта наличия таких фондов в определенных законом размерах, а потому для кредиторов иррелевантны источники их формирования. Внесение взноса в компенсационные фонды опосредуется денежным обязательством, в котором, принимая во внимание его объект, личность должника, по общему правилу, не имеет значения для кредитора, а потому нет никаких препятствий к исполнению такого обязательства третьим лицом, на которое оно было возложено должником – в силу пункта 1 статьи 313 ГК РФ кредитор обязан его принять. На наш взгляд, личный характер такого обязательства, который оправдал бы обратное, не может быть выведен из корпоративного характера членства в СРО, ибо назначением взноса не является подтверждение некоего финансового положения члена ассоциации, о чем могла бы свидетельствовать его (взноса) уплата лично; в противном случае и уплата такого взноса другим членом СРО была бы невозможна. Более того, даже в отношении личных обязательств из ГК РФ вытекает обязанность

¹ См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 305-ЭС19-13031 по делу № А40-230726/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

кредитора принять просроченное исполнение, предложенное третьим лицом, что подтверждает абзац третий пункта 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»¹ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 54). Предположение, что уплата взноса третьим лицом ослабит правовой титул СРО на внесенные в качестве взноса денежные средства в сравнении с тем, если бы они были внесены самим членом СРО, по причине неочевидности для последней основания возложения исполнения (можно предположить, что оно будет отсутствовать вовсе) исключается, ибо для СРО наличие или отсутствие такого основания иррелевантно. Взаимоотношения должника - члена СРО и третьего лица – исполнителя могут затронуть имущественную сферу СРО только в двух случаях: если должник исполнил это обязательство наряду с третьим лицом либо когда исполнение третьим лицом и переход к нему прав кредитора признаны судом несостоявшимися; в этих случаях, согласно абзацу четвертому пункта 20 приведенного выше постановления возможно возникновение кондикционного обязательства по возврату суммы взноса. Вместе с тем, очевидно, что ни в одном из таких случаев риск ослабления прочности титула СРО на внесенные в качестве взноса денежные средства не связан с его внесением третьим лицом: в первом случае СРО возвращает излишне полученное без уменьшения должного размера компенсационного фонда (титул на должное сохранен), а второй случай охватывает ситуации неисполнения (несостоявшегося исполнения), при котором титул у СРО попросту не возникает; злоупотребление третьим лицом своим правом, которое может повлечь признание перехода прав (пункт 5 статьи 313 ГК РФ) несостоявшимся не означает несостоявшегося исполнения.

Изложенное свидетельствует о том, что установленное частью 3 статьи 55.16 ГрК РФ ограничение круга субъектов исполнения обязанности по

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2017. - № 1.

внесению в компенсационные фонды вноса не обусловлено ни их гарантийной природой, ни объектным составом, ни характером опосредующего внесение взносов обязательства, а потому не имеет никаких – ни объективных, ни политико-правовых оснований. Поскольку внесение вноса является предпосылкой членства в СРО, выступающего условием расширения правоспособности субъекта, постольку указанное ограничение свидетельствует о необоснованном с точки зрения части 3 статьи 55 Конституции РФ ограничении субъективных прав, а потому должно быть исключено из текста части 3 статьи 55.16 ГрК РФ.

В-четвертых, императивный запрет на освобождение члена СРО от внесения вноса в компенсационный фонд. Поскольку компенсационный фонд, в отличие от уставного капитала хозяйственного общества, не есть определенная уставом величина, определяющая требование к минимальному размеру имущества последнего, а реальная имущественная масса, постольку данный запрет необходимо толковать как исключение любого способа внесения вноса, который не приводит к фактическому пополнению этой массы, соответствующему увеличению количества членов. Исключением может являться зачет требования о внесении вноса в счет такого требования к СРО, которое подлежит удовлетворению за счет средств компенсационного фонда, ибо в этом случае результатом зачета будет сохранение стоимостного выражения последнего, должного к уменьшению вследствие причитающейся кредитору выплаты: характер зачета как квазиисполнения будет означать его уменьшение и одновременное же увеличение на тождественную сумму. В связи с этим вряд ли можно согласиться с данным в 2017 году Минстроем России от 26.05.2017 № 18608-ХМ/02 мнением об абсолютной недопустимости такого зачета, мотивированным запретом освобождения члена СРО от обязанности внесения вноса в компенсационный фонд

возмещения вреда¹, ибо такого освобождения по изложенной причине не происходит, однако такой зачет должен быть ограничен рядом условий.

Необходимым условием такого зачета должна являться достаточность средств компенсационного фонда для удовлетворения всех заявленных к нему в момент проведения зачета требований кредиторов. Думается, что в противном случае не имеют никакого значения вытекающие из каких-либо оснований преимущества требований кредиторов к члену ССРО в рамках связывающего их деликтного или договорного обязательства, ибо в таком случае есть высокий риск нарушения правила *pari passu*, ибо никто из кредиторов конкретного члена ССРО не может влиять на обеспечение требований по обязательствам, в которых они не участвуют. Недостаточность средств размера компенсационного фонда должна для удовлетворения всех требований, подлежащих удовлетворению за счет этих средств, является единственным условием исключения зачета, ибо в этом случае он может привести к преимущественному удовлетворению требований одного кредитора перед требованиями других. Представляется, что здесь неприменима предусмотренная пунктом 4 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»² модель единогласного решения всех участников корпорации на зачет, ибо такое согласие, отражая лишь их интересы, не обеспечивает интересы кредиторов, для защиты которых указанное ограничение предназначено.

В-пятых, законодательно ограничены способы осуществления ССРО всех трех образующих содержание права собственности правомочий в отношении денежных средств, образующих компенсационные фонды. В отношении владения это выражается в том, что такие денежные средства могут находиться только на специальных банковских счетах, открытых в

¹ Письмо Минстроя России от 26.05.2017 № 18608-ХМ/02 // Нормирование, стандартизация и сертификация в строительстве. - 2007. - № 5.

² Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 7. - Ст. 785.

российских кредитных организациях, соответствующих требованиям, установленным Правительством Российской Федерации¹. Правовой режим такого банковского счета включает ограничения по перечислению размещенных на нем денежных средств, установленные частями 4 и 5 статьи 55.16 ГрК РФ, которые направлены на соблюдение их целевого характера. Если рассматривать эти ограничения с точки зрения правомочий пользования и распоряжения субъекта права², то нетрудно увидеть, что присущая собственнику полнота экономической власти сужается до возможности размещения средств компенсационного фонда ОДО в целях их сохранения и увеличения их размера; в отношении компенсационного фонда ВВ законодатель допускает еще и инвестирование³. Все остальные допускаемые указанными нормами случаи перечисления средств компенсационных фондов не связаны с осуществлением этих правомочий: в отношении ошибочно или излишне перечисленных на счет средств у СРО отсутствует правовой титул; уплата налога на прибыль и перечисление средств компенсационных фондов в счет исполнения охранительного обязательства, в котором СРО участвует как субъект солидарной (возмещение вреда) или субсидиарной (обязательства из договора) ответственности по долгам своих членов, перечисление средств в пользу НОСО, перечисление взноса лица, прекратившего членство в СРО в компенсационный фонд другой СРО, созданной по месту нахождения такого

¹ Эти требования установлены Постановлением Правительства РФ от 28.04.2021 № 662 (ред. от 24.03.2022) «Об утверждении требований к кредитным организациям, в которых допускается размещать средства компенсационного фонда возмещения вреда и компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства» // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 19. - Ст. 3219.

² Поскольку речь идет о денежных средствах, к которым с известными оговорками могут быть применены правила о родовых потребляемых вещах (в отношении наличных денег это не вызывает сомнений. См., напр.: Новоселова Л.А. Проблемы гражданско-правового регулирования расчетных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1997. - С. 22.), то четкое разграничение пользования и распоряжения этими объектами не всегда возможно, ибо извлечение полезных свойств и денег и денежных средств (пользование) обычно связано с изменением их юридической судьбы (распоряжение).

³ Связанные с инвестированием средств компенсационного фонда ВВ проблемы будут рассмотрены ниже, применительно к правомочию распоряжения.

лица, а также перечисление средств компенсационных фондов на специальный банковский счет в иной кредитной организации в случае части 8.1. статьи 55.16-1 ГрК РФ, происходит не волей и в интересах СРО, поскольку предписано законом.

Характерно, что с формально-юридической точки зрения указанные ограничения установлены не в качестве ограничений субъективного права СРО как собственника, а в качестве запретов, адресованных банку как стороне договора специального счета. Возложение на банк функции публичного контроля за расходованием владельцем счета денежных средств стало, к сожалению, обычным для современного правового регулирования явлением, совершенно выхолостив заложенный в пункте 3 статьи 845 ГК РФ запрет банкам контролировать направления использования денежных средств клиента; допускаемые этой нормой исключения, которые могут быть установлены законом, уже давно в своем количественном (возьмем на себя смелость утверждать, уже переросшем в новое качество) выражении превратились в общее правило. Использованный здесь прием юридической техники – ограничение права собственности владельца счета посредством установления запретов для банка в известной степени можно признать эффективным, ибо соблюдение ограничений здесь возлагается не на субъекта права, чей интерес может войти в конфликт с интересами членов корпорации, а на лицо, задействованное лишь в осуществлении права, а потому а priori не заинтересованное в получении выгод и преимуществ от такого нарушения.

Между тем, такой подход обнаруживает две проблемы.

Первая проблема лежит в плоскости юридической судьбы сделок, совершенных СРО как собственником денежных средств по распоряжению ими за пределами выводимых их смысла пунктов 4, 5 статьи 55.16 ГрК РФ ограничений. Из пункта 2 статьи 209 ГК РФ следует, что пределы права собственности, а, соответственно, входящего в его содержание правомочия распоряжения, определяются законом. Эта формула означает установление законом пределов субъективного права как юридически обозначенных

возможностей его субъекта. Распоряжение субъективным правом за пределами очерченных для его субъекта законом возможностей влечет очевидный результат в виде отсутствия транслятивного эффекта переноса правового титула на объект, а потому юридически невозможно. С этой точки зрения нет никаких сомнений в том, что сделка по распоряжению денежными средствами компенсационных фондов вне тех способов, что прямо допускаемы законом, является ничтожной в качестве *modus acquirendi*¹. Между тем, законом ограничения в отношении средств компенсационных фондов установлены для субъекта права на образующее их состав имущество, а для банка – субъекта обязательственно-правовой связи, противостоящему СРО в качестве должника. Как известно, правовой эффект обязательства ограничен, *mutatis mutandis* его сторонами, а потому для третьих лиц проявляется только в определенных законом случаях, обычно обуславливающим такое влияние их недобросовестностью. В результате очевидно выводимая из нарушения пределов субъективного права ничтожность трансформируется в оспоримость, что нетрудно обосновать через призму задачи обеспечения стабильности имущественного оборота. Воспринимая отчуждателя вещи в качестве собственника в силу внешних легитимационных знаков (в первом приближении таковыми являются владение для движимой вещи, запись в реестре для недвижимой вещи), добросовестный приобретатель вправе исходить из наличия у первого правомочия по распоряжению вещью, а потому для признания сделки недействительной нужно опровергнуть презюмируемую в силу пункта 5 статьи 10 ГК РФ добросовестность.

¹ Подобный подход, заключающийся в признании недействительности сделки в части ее вещно-правового эффекта, применяется в судебно-арбитражной практике. Так, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2020 № 305-ЭС19-3996(6) по делу № А40-109856/2017 указано на признание недействительности договора, имея в виду недействительность порожденного этим договором юридического эффекта в виде перехода права собственности.

Представленная в действующем законодательстве модель субъективного права собственности СРО на средства компенсационных фондов конструируется по принципу «все, что не разрешено, запрещено»: содержание этого права раскрывается через закрепленные в законе допустимые способы осуществления входящих в его содержание правомочий. Подобный подход применяется при регламентации прав на некоторые объекты в случаях, когда необходимо обеспечить их целевое использование, но здесь подобные ограничения выводятся из свойств (физических или юридических) самих объектов¹. В отношении же компенсационных фондов ситуация несколько иная – образующие их объекты (к примеру, денежные средства) не имеют целевого назначения вне компенсационного фонда, а потому для третьих лиц наличие соответствующих ограничений не является очевидным². С этой точки реституционный механизм для восстановления размера компенсационного фонда видится неэффективным, ибо преодоление презумпции добросовестности третьего лица-получателя денежных средств, перечисленных ему со счета СРО по сделке, совершенной за пределами разрешенных законом способов распоряжения средствами компенсационных фондов, представляется весьма непростой задачей с точки зрения практической (полагаем, что только доказанность сговора на вывод средств компенсационного фонда позволит ее решить). Кроме того, основными «бенефициарами» компенсационных фондов выступают потерпевшие в

¹ К примеру, это характерно для права собственности на земельные участки, в число юридических свойств которого включают целевое назначение и разрешенное использование. См., напр.: Мисник Н.Н. Целевое назначение и разрешенное использование - юридические признаки земельного участка // Юрист. - 2012. - № 15. - С. 23.

² Встречающаяся в судебно-арбитражной практике оценка средств компенсационного фонда как ограниченных в обороте представляется юридической ошибкой, основанной на неправильном толковании пункта 2 статьи 129 ГК РФ; объяснение этой ошибки видится в попытке преодоления недостатков правового режима имущества, образующие эти фонды. См., напр.: определение Верховного Суда РФ от 22.01.2020 № 307-ЭС19-26058 по делу № А21-14224/2018, постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.06.2020 № Ф05-9026/2020 по делу № А40-90653/2018, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2021 № 09АП-53794/2021 по делу № А40-101980/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

деликтных обязательствах и кредиторы в договорных обязательствах, однако само по себе признание за ними права на оспаривание сделок¹ по незаконному распоряжению средствами компенсационных фондов (такое права может быть объяснено посягательством таких сделок на их интересы) вряд ли будет достаточным, поскольку это право сможет эффективно «работать» только в связке с правом на информацию о делах корпорации, ибо осуществление права на оспаривание сделки практически возможно только осведомленным о сделке лицом, которым указанные субъекты, не являясь членами СРО, не обладают.

Вероятно, неэффективность контроля *ex post* за целевым назначением средств компенсационных фондов и послужила основной причиной того, что правовой механизм соблюдения целевого назначения этого имущества был сконструирован на основе включенного в обязательственно-правовой статус банка, в котором открыт специальный счет, запрета осуществлять перечисление средств с этого любым способом, который прямо не указан в законе.

Вместе с тем, действующее законодательство оставляет без ответа вопрос о специальных правовых средствах, обеспечивающих исполнение указанного запрета и в этом заключается вторая проблема. Поскольку этот запрет опосредуется встроенной в содержание обязательственно-правового отношения обязанностью пассивного (негативного) типа банка-контрагента, постольку здесь может использоваться общее средство – возмещение убытков, однако нормальной реализации охранительного обязательства по классической субъектной схеме (кредитор – должник) здесь может препятствовать то обстоятельство, что основания такого перечисления будут лежать недобросовестные действия самой СРО в лице ее исполнительного

¹ Понятие оспаривания сделки здесь используется в широком смысле, включающем как требование о признании недействительными оспоримых сделок, так и применение последствий их ничтожности. Допустимость такого использования понятия оспаривания сделки следует из примечания к пункту 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» // Вестник ВАС РФ. - 2009. - № 9.

органа¹. Нормами корпоративного права участники корпорации наделены правом требовать возмещения причиненных корпорации убытков, однако указание в абзаце пятом пункта 1 статьи 65.2 ГК РФ на статью 53.1 данного кодекса позволяет утверждать, что модель законного представительства участников корпорации по таким требованиям ограничена лишь ответственностью контролирующих корпорацию лиц (лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица; членов коллегиальных органов юридического лица; лиц, определяющих действия юридического лица) за нарушение фидуциарной обязанности действовать разумно и добросовестно в интересах организации, но не распространяется на убытки, причиненные корпорации ее договорными контрагентами. Вне всякого сомнения, действующее законодательство позволяет взыскать убытки вследствие незаконного распоряжения средствами компенсационных фондов с осуществившего такое распоряжение лица, выступавшего исполнительным органом СРО по иску последней в лице члена СРО; данным способом обеспечивается интерес членов ассоциации, который в данном случае носит иной характер, нежели интерес участников коммерческой корпорации, для которых сохранение стоимости активов корпорации означает сохранение стоимости принадлежащих их долей: интерес членов СРО заключается в сохранении у последней соответствующего статуса (который будет утрачен в случае, если размер компенсационных фондов станет ниже установленного законом минимального размера), наличие которого придает членству в ассоциации качество предпосылки права на осуществления строительной деятельности, непосредственно влияя на объем правоспособности члена СРО. Несмотря на то, что таким способом защищается интерес члена СРО,

¹ В случаях, когда такое волеизъявление отсутствует владелец счета вправе отыскать необоснованно списанную банком со счета сумму на основании общих норм ГК РФ об ответственности (глава 25), что прямо следует из пункта 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 19.04.1999 № 5 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета» // Вестник ВАС РФ. - 1999. - № 7.

связанный со специальным (некорпоративным) статусом последней, указанное корпоративно-правовое средство оказывается вполне пригодным для решения этой задачи.

Вместе с тем, ограничивая возможный арсенал правовых средств, устраняющих негативные последствия нецелевого использования средств компенсационных фондов только корпоративной ответственностью контролирующей ассоциацию лиц, мы не только снижаем уровень правовой защищенности членов СРО, но и вынуждены игнорировать интересы иных субъектов – потерпевших в деликтных обязательствах и кредиторов в договорных обязательствах с участием членов СРО, которые (потерпевшие и договорные кредиторы) с учетом назначения компенсационных фондов являются основными интересантами сохранения «объявленных» их размеров. Решение этой задачи видится в следующем.

Поскольку интерес членов СРО заключается в обеспечении наличия у последней компенсационных фондов в установленных законом размерах как условия сохранения статуса СРО, постольку за членами последней должно быть признано право от имени СРО требовать от банка, в котором открыт специальный счет, нарушившего вытекающие из правового режима последнего ограничения по перечислению средств компенсационных фондов, возмещения убытков в пределах сумм, необходимых для восстановления размеров компенсационных фондов до установленных законом минимальных размеров.

Интерес потерпевших в деликтных обязательствах и кредиторов в договорных обязательствах с участием членов СРО заключается в наличии у последней известной имущественной массы, за счет которой могут быть удовлетворены требования таких субъектов. С учетом того, что опосредующее удовлетворение таких требований охранительное обязательство является денежным, личность должника в нем иррелевантна для кредитора, а потому «встраивание» банка-нарушителя в соответствующее деликтное или договорное обязательство в качестве субсидиарного должника не

противоречит их правовой природе. Возможные возражения, которые могут проистекать из тезиса об относительности обязательства, которой традиционно обосновывается ответственность должника только перед кредитором¹, могут быть преодолены, если оценить назначение выраженной в установленных частях 4, 5 статьи 55.16 ГрК РФ запретах пассивной обязанности банка: она установлена в интересах, в том числе, потерпевших в деликтных обязательствах и кредиторов в договорных обязательствах с участием членов СРО, а потому дает основание рассматривать такой договор в части исполнения этой обязанности через призму конструкции договора в пользу третьего лица: исполнением, о котором говорится в статье 430 ГК РФ, может охватываться не только совершение определенных действий, но и воздержание от таковых, что определенно следует из легального определения обязательства. Рассмотрение указанных лиц в качестве субъектов права требования к банку позволяет обосновать наличие у них самостоятельного требования о применении санкций за неисполнение соответствующей обязанности, в том числе о возмещении убытков. Вместе с тем, данный подход вряд ли сможет обеспечить сбалансированность интересов кредиторов в случаях, когда в результате неправомерных действий банка создается ситуация недостаточности средств компенсационного фонда для удовлетворения требований нескольких кредиторов; предоставление каждому из них самостоятельного требования о привлечении банка к ответственности, общий размер которой ограничен суммой неправомерно перечисленных со специального счета средств компенсационного фонда, может привести к предоставлению преимуществ, не оправданных какими-либо объективными или политико-правовыми мотивами. Представляется, что применение к банку мер ответственности в виде взыскания убытков должно устранять негативные

¹ См., напр.: Белова А.В. Вопросы правового регулирования установления гражданско-правовой ответственности // Проблемы юридической науки в условиях современного социально-экономического развития России: Материалы межрегиональной научно-практической конференции студентов, молодых ученых, аспирантов, преподавателей. - Ростов н/Д, 2009. - С. 18 - 20.

имущественные последствия его противоправных действий, что выражается в восстановлении списанной в результате таких действий суммы денежных средств на специальном счете, что позволит в последующем обеспечить справедливое их распределение между всеми лицами, имеющими право на удовлетворение своих требований за счет соответствующего компенсационного фонда. Реализация такого подхода предполагает наделение обладающего правом требования к СРО как солидарному или субсидиарному должнику по деликтному или договорному обязательству члена СРО кредитора правом требования о взыскании убытков в пользу СРО; подобный механизм можно обнаружить в отношениях банкротства, где конкурсные кредиторы наделены требованием о применении субсидиарной ответственности к контролирующим должника лицам; при этом судебно-арбитражная практика рассматривает в качестве субъектов ответственности не только контролирующих лиц должника, но и иных лиц, недобросовестно участвовавших совместно с последними в выводе активов в ущерб интересам кредиторов¹. Этот механизм кредиторам компенсационных фондов ССРО недоступен, ибо это имущество не включается в конкурсную массу, однако подобное политико-правовое решение не должно приводить к ущемлению прав лиц, для обеспечения интересов которых эти фонды существуют.

ГрК РФ прямо предусматривает такой способ распоряжения средствами компенсационных фондов как их размещение; в отношении средств компенсационного фонда ВВ пункт 5.1 статьи 55.10 ГрК РФ упоминает о возможности инвестирования, однако исключение с 30.12.2022 из статьи 55.16-1 ГрК РФ части 9 привело к тому, что эта возможность была окончательно лишена правового механизма реализации. Логика жесткой регламентации правового режима образующих компенсационные фонды средств в полной мере проявляется в отношении их размещения.

¹ См., напр.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

Статья 55.16-1 ГК РФ допускает размещение средств компенсационного фондов ВВ в двух формах: на специальный счет и в банковский вклад (депозит); для компенсационного фонда ОДО доступна только первая форма. Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что значение последнего ограничения не столь значительно как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что размещение на специальном счете вряд ли может рассматриваться через призму правомочия распоряжения, ибо специальный счет есть единственная доступная СРО форма владения денежными средствами, образующими компенсационные фонды. Свобода выбора здесь заключается только в выборе банка, в котором будет открыт специальный счет, круг которых ограничен установленными Правительством РФ требованиями¹. Банковский вклад может быть открыт СРО в той же кредитной организации, где открыт специальный счет, т.е. формальное право на размещение средств на депозит не означает возможности выбора иного банка даже из тех, которые соответствуют установленным Правительством РФ требованиям. Правовая природа банковского счета и правовая природа банковского вклада не имеют существенных отличий, о чем наглядно свидетельствует норма пункта 3 статьи 834 ГК РФ, предусматривающая субсидиарное применение к отношениям банка и вкладчика по счету, на который внесен вклад, правил главы 45 ГК РФ. Принимая во внимание, что размещение во вклад должно обеспечивать не только сохранение, но и увеличение размера средств компенсационного фонда, можно предположить, что вклад имеет известные преимущества в части процентов, однако это преимущество обнаруживается только в одном

¹ Постановление Правительства РФ от 28.04.2021 № 662 (ред. от 24.03.2022) «Об утверждении требований к кредитным организациям, в которых допускается размещать средства компенсационного фонда возмещения вреда и компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 19. - Ст. 3219.

правовом параметре: из пункта 1 статьи 838 ГК РФ следует, что договором банковского вклада проценты на вклад не могут быть исключены, тогда как в отношении банковского счета статья 852 ГК РФ устанавливает лишь презумпцию процентов на остаток по счету. Принимая во внимание, что банковский вклад, в который размещены средства компенсационного фонда, не может быть никаким иным, кроме вклада до востребования (это вытекает из обеспечительной функции компенсационного фонда, обуславливающей право СРО в любое время забрать средства из вклада для их использования в исполнение соответствующей обязанности перед кредиторами членов СРО, что прямо закреплено в части 10 статьи 55.16-1 ГрК РФ), то «процентное» преимущество вклада перед счетом оказывается весьма незначительным.

Вместе с тем, действующее законодательство позволяет обнаружить весьма интересную особенность судьбы доходов, полученных от размещения средств компенсационного фонда ВВ, сформированного до 04.07.2016: доходы от размещения таких средств на специальном счете по заявлению члена СРО направляются в компенсационный фонд ОДО в качестве его взноса, размер которого определяется пропорционально размеру ранее внесенного им взноса в компенсационный фонд. Таким образом фактически был создан механизм распределения доходов СРО, что прямо противоречит закреплённому пунктом 1 статьи 50 ГК РФ признаку некоммерческих организаций: последние не вправе распределять полученную прибыль между участниками. Допуская, что появление этой нормы было оправдано стимулированием формирования СРО компенсационных фондов ОДО¹, полагаем, что эта задача не может решаться отрицанием основополагающих норм, регламентирующих институт юридического лица. Кроме того, нетрудно заметить, что такой механизм игнорировал равенство правовых статусов

¹ Этот вид компенсационных фондов появился в законодательстве с введением в действие Федерального закона от 03.07.2016 № 372-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 27 (часть II). - Ст. 4305.

членов СРО, ибо соответствующие денежные средства, будучи направлены в компенсационный фонд ОДО по заявлению члена СРО не поступали в компенсационный фонд ВВ, тем самым умаляя интересы как иных членов СРО, так и их кредиторов. Не случайно Ростехнадзором России было дано разъяснение о необходимости преодоления конфликта интересов посредством принятия решение о распределении дохода общим собранием членов саморегулируемой организации; правильное по существу, такое толкование все же является толкованием *contra legem*, ибо закон в качестве основания направления дохода от размещения компенсационного фонда ВВ закрепляет исключительно волеизъявление члена СРО.

Как нами ранее было указано, до 30 декабря 2022 года ГрК закреплял право СРО на инвестирование средств компенсационного фонда ВВ; по смыслу действовавшей ранее части 9 статьи 55.16-1 ГрК РФ такое инвестирование допускалось только посредством управляющей организации, имеющей, имеющей лицензию на осуществление деятельности по управлению ценными бумагами или лицензию на осуществление деятельности по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами. Случаи, порядок и условия такого инвестирования должны были определяться Правительством РФ, однако соответствующий нормативный акт так и не был принят. Показательно, что судебно-арбитражная практика оценивала это обстоятельство как исключаящее возможность осуществления СРО инвестирования средств компенсационного фонда ВВ¹, хотя и не расценивала это нарушение в качестве грубого, влекущего применение такой санкции как

¹ См.: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2019 № 09АП-48547/2019 по делу № А40-42889/2019; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.05.2018 № 09АП-12198/2018-ГК по делу № А40-151714/17 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

исключение из реестра СРО; подобный подход мотивирован был разумными ожиданиями от введения в действия статьи 55.16.1 ГрК РФ¹.

В 2020 году набор доступных для СРО в сфере строительства способов распоряжения средствами компенсационного фонда ОДО был обогащен возможностью предоставления указанных средств в заем членам СРО². Таким образом, наряду с гарантийной функцией этот фонд был наделен функцией финансовой поддержки субъектов строительной деятельности, востребованной для преодоления негативных экономических последствий в социально значимых сферах деятельности, вызванных спадом предпринимательской активности вследствие ограничительных мер, принятых в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19³; это вытекает, в частности, из нормативного закрепления целевого характера займа и допустимых целей предоставления таких займов, ориентированных на поддержку строителей, осуществляющих работы по государственным и муниципальным контрактам, договорам, заключенным по Закону № 223-ФЗ, договорам на капитальный ремонт общего имущества МКД, работы по жилищному строительству по договорам участия в долевом строительстве (Закон № 214-ФЗ), а также работы по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов здравоохранения, образования, культуры, спорта, иных объектов социального обслуживания населения на основании концессионных соглашений и (или) соглашений о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве; вне этих сфер заем может предоставляться на такие социально значимые цели как выплата заработной

¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2020 № 17АП-14432/2019-АК по делу № А60-44797/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

² Федеральный закон от 29.12.2004 N 191-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2005. -№ 1 (часть 1).- Ст. 17.

³ См.: Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 24. - Ст. 3740.

платы и связанные с ней налоговые и обязательные страховые выплаты, а также приобретение компьютеров и программного обеспечения, необходимого для ведения информационной модели объекта капитального строительства¹.

Круг заемщиков по таким займам ограничен кругом членов СРО, а потому есть основания согласиться с высказанной в литературе точкой зрения о корпоративном характере данного института², что объясняет особенности правового механизма его действия, в основе которого лежат корпоративные акты, определяющие порядок и условия предоставления займов, принятие которых отнесено к компетенции общего собрания членов СРО.

Таким образом, в настоящее время правовой режим компенсационного фонда ОДО обеспечивает реализацию двух функций – обеспечения исполнения обязательств в отношении кредиторов членов СРО и поддержки в отношении членов СРО. Допуская, что каждая из этих функций имеет немаловажное значение для нормального функционирования строительной отрасли в целом, все же на уровне непосредственной реализации они обнаруживают известное противоречие. Поддержка члена СРО путем выдачи ему займа неизбежно снижает гарантийный потенциал компенсационного фонда, за счет средств которого заем выдан, как вследствие риска невозврата займа, так и вследствие выдачи займов на льготных условиях³. При этом динамика изменений в законодательство не дает особых надежд на исчерпание

¹ Пункт 4 Положения об отдельных условиях предоставления займов членам саморегулируемых организаций и порядке осуществления контроля за использованием средств, предоставленных по таким займам, утв. Постановления Правительства РФ от 27.06.2020 № 938 (ред. от 20.03.2021) // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 27. - Ст. 4225.

² Лескова Ю.Г. Корпоративные права и обязанности членов саморегулируемых организаций: некоторые вопросы правоприменения // Гражданское право. - 2021. - № 1. - С. 25.

³ Пунктом 3 Положения об отдельных условиях предоставления займов членам саморегулируемых организаций и порядке осуществления контроля за использованием средств, предоставленных по таким займам предельный размер процентов по таким займам установлен в размере 1/2 ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации, действующей на день выдачи займа.

обозначенной проблемы «естественным» образом с течением времени: будучи изначально введена сроком действия до 01.01.2021 возможность выдачи ССРО займов за счет средств компенсационного фонда ОДО впоследствии была продлена до 01.01.2024¹, а ее обоснование связью с распространением коронавирусной инфекции из текста закона исключено². Сказанное свидетельствует о том, что новая функция компенсационного фонда ОДО может использоваться для поддержки строительной отрасли в условиях действия и иных негативных экономических факторов.

По состоянию на апрель 2022 года общая сумма займов, выданных СРО за счет средств компенсационного фонда ОДО своим членам, составила чуть более 6 млрд. рублей; при этом финансовую поддержку в этой форме получили 327 строительных организаций по всей России³, что составляет всего 0,3% от общего количества членов СРО (согласно данным НОСТРОЙ в апреле 2022 года оно составляло 97 656; в течение 2022 года оно незначительно увеличилось до 98 086⁴). Приведенные цифры наглядно свидетельствует о том, что такая форма поддержки вряд ли оказывает сколько-нибудь значительное влияние на состояние строительной отрасли в целом, а потому макроэкономическая эффективность «поддерживающей» функции компенсационного фонда ОДО может быть оценена как невысокая.

По состоянию на ноябрь 2022 года общая сумма компенсационных фондов, сформированных в СРО в сфере строительства, составляет 127,4 млрд.

¹ Статья 4 Федерального закона от 19.12.2022 № 519-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. - 2022. - 22 декабря.

² Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 11. - Ст. 1596.

³ Официальный сайт НОСТРОЙ: https://nostroy.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=22975&sphrase_id=4594730

⁴ Официальный сайт НОСТРОЙ: https://nostroy.ru/departments/monitoring-deyatelnosti-sro/2022-11-16_%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_1.pdf

рублей¹, из которых на компенсационный фонд ОДО приходится более 83 млрд. рублей².

Сохранение существующей тенденции выдачи займов членам ССРО с учетом того, что экспертами риск невозврата таких займов оценивается в 9,7%³, создает реальную угрозу умаления обеспечительной функции компенсационного фонда ОДО, правовые предпосылки к чему создает также нормативное разрешение использовать на выдачу займов сумму до 50% от размера этого компенсационного фонда.

Проблема усугубляется тем, что действующее законодательство не определяет правовой механизм восполнения компенсационного фонда ОДО в случае невозврата займа; исключать такую возможность нельзя несмотря на нормативно закрепленные требования обеспеченности такого займа. Как справедливо отмечается в литературе, пункт 8 статьи 55.16 ГрК РФ рассчитан только на случаи уменьшения компенсационного фонда ОДО в результате выплат в соответствии со статьей 60.1 данного кодекса⁴. Соглашаясь с мнением Ю.Г. Лесковой, Н.И. Капинуса о допустимости разрешения этой проблемы на уровне положения ССРО о компенсационном фонде⁵, все же полагаем необходимым ее законодательное решение, ибо наблюдаемый в практике вариант - закрепление соответствующего положения в методических рекомендациях НОСО⁶ - вряд ли обеспечит единообразие подходов во всех СРО.

¹ Официальный сайт НОСТРОЙ: <https://nostroy.ru/department/sektor-reestra/monitoring-deyatelnosti-sro/?ysclid=lbbzpqcp6h655663273> (дата обращения 10.12.2022)

² По данным Регстра СРО. Официальный сайт Ростехнадзора России: <http://sro.gosnadzor.ru/> (дата обращения 01.10.2022).

³ URL: <http://zanostroy.ru/news/2021/09/13/1200.html> (дата обращения 10.12.2022).

⁴ Лескова Ю.Г. Указ. соч. - С. 25.

⁵ Капинус Н.И., Лескова Ю.Г. Надзор за исполнением законодательства об отдельных условиях предоставления займов членам саморегулируемых организаций и порядке осуществления контроля за использованием средств, предоставленных по таким займам // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2020. - № 8. - С. 99.

⁶ См., напр.: пункт 2.7 Методических рекомендаций НОПРИЗ «О порядке предоставления займов членам саморегулируемой организации и порядке осуществления

Указанный дисбаланс обеспечительной функции и функции поддержки компенсационного фонда ОДО вызывает сомнения с точки зрения роли ССРО в системе организационно-правовых средств, предназначенных для стабильного функционирования строительной отрасли. При разрешении этой проблемы необходимо исходить из того, что осуществление ССРО права на предоставление займов своим членам не должно приводить к недопустимому снижению уровня гарантий для тех субъектов, ради обеспечения интересов которых был сформирован компенсационный фонд ОДО; в качестве такого уровня может рассматриваться тот минимальный размер этого фонда, который выводится из установленного ГрК РФ минимального размера взносов членов СРО.

Здесь во внимание необходимо принять следующее обстоятельство. Наличие в ССРО компенсационного фонда ОДО является условием участия ее членов в строительных работах по договорам, заключенным посредством конкурентных способов. Речь идет, в первую очередь, о государственных и муниципальных контрактах, ибо для них действующее законодательство о контрактной системе устанавливает такие способы заключения договоров в качестве приоритетных. В результате ослабление гарантийной функции компенсационного фонда ОДО создает угрозу снижения эффективности, в первую очередь, публичных закупок, что, принимая во внимание выполняемый по госконтрактам объем строительных работ в России¹, может иметь весьма негативные социально-экономические последствия.

В силу изложенного признание за ССРО права предоставления займов своим членам должно быть ограничено лишь той совокупной суммой, в части которой реально сформированный в СРО компенсационный фонд ОДО

контроля за использованием средств, предоставленных по таким займам». - URL: <http://nopriz.ru/> (дата обращения: 24.05.2022).

¹ В 2021 году общая сумма строительных работ по государственным контрактам составила около 2 трлн. руб., увеличившись на 17% в сравнении с 2021 годом // URL: <https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/134446/?ysclid=ldel1c7qz9837485892>

превышает тот его размер, который был бы сформирован при внесении членами СРО взносов в установленном ГрК РФ минимальном размере.

Изложенное позволяет утверждать, что правовые режимы имущества, образующего компенсационный фонд ВВ и компенсационный фонд ОДО, не имеют сущностных отличий; те же, что устанавливает действующее законодательство не обусловлены объективными причинами, ибо не определяются их функциональной дифференциацией, а потому могут быть без ущерба для таких функций устранены решением законодателя. Цели каждого из них определяется единой компенсационной функцией, реализация которой совершенно не зависит от вида гарантируемого права третьего лица: деликтного или договорного. Обоснованный же в § 1.2 главы III настоящего исследования подход к обязательству ССРО как самостоятельному обязательству перед третьим лицом, природа которого не зависит от вида охранительного обязательства с участием на пассивной стороне члена ССРО, окончательно нивелирует отличия в правовых режимах имущества обоих компенсационных фондов. Из этого следует отсутствие необходимости существования в ССРО двух компенсационных фондов как относительно обособленных имущественных комплексов, тождественных по всем элементам их правовых режимов. Формирование единого в ССРО компенсационного фонда позволит устранить проблему дифференциации правоспособности ее членов в части выполнения тех работ, право на выполнение которых порождается наличием в ССРО компенсационного фонда ОДО, способствуя тем самым формированию правовых условий для реализации гарантированной Конституцией РФ свободы экономической деятельности в строительной сфере и обеспечивая действие сформулированного Конституционным Судом РФ запрета различного обращения для лиц, находящихся в схожих условиях

3.2. Гражданско-правовая ответственность саморегулируемой организации в сфере строительства по своим обязательствам

Одним из ключевых принципов, на которых базируется конструкция юридического лица, является принцип разделения ответственности организации и ее участников, что является, в первую очередь, следствием их имущественного обособления. Собственно, само возникновение корпорации во многом обязано этому принципу: уменьшение за счет этого принципа риска имущественных потерь коммерсантов пределами того имущества, которое обособлено для осуществления коммерческих проектов посредством признания корпорации самостоятельным субъектом стало главной причиной востребованности этой правовой формы сначала в высокорисковых, а затем и во всех сферах имущественного оборота. Именно в ограничении ответственности заключается изначальный смысл конструкции юридического лица¹.

Выполняя функцию «корпоративного щита»², конструкция корпорации несет известную опасность для гражданского оборота, весьма требовательного к состоянию обеспеченности реального исполнения обязательств. Институциональный подход к корпорации означает нормативное конструирование таких организационно-правовых форм, которые способны сбалансировать не только интересы участников между собой и с корпорацией, но и согласовать их с интересами иных участников оборота и обеспечить стабильность имущественных отношений.

В контексте институционального подхода к юридическому лицу эта задача традиционно решается в русле одного из двух подходов: законодательным закреплением либо требований к минимальному размеру имущества корпорации, который при обычных условиях может

¹ См., напр.: Козырева А.Б. Корпорация как центральное понятие корпоративного права // Ленинградский юридический журнал. - 2015. - № 3. - С. 104.

² Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. - М.: Статут, 2014. - С. 10 - 15.

презюмироваться достаточным для удовлетворения требований кредиторов, либо субсидиарной ответственности членов корпорации. Для различных организационно-правовых форм коммерческих корпораций применение одного из этих подходов определяется степенью личного участия членов в деятельности корпорации: чем выше эта степень, тем более наличествуют основания для применения солидарной ответственности. Для некоммерческих корпораций этот подход выражен менее наглядно, что, возможно, объясняется тем, что такие субъекты, преследуя отличные от систематического извлечения прибыли цели деятельности, не рассматриваются в качестве перманентных участников имущественного оборота. Вместе с тем, принимая во внимание право некоммерческих организаций в известных пределах осуществлять приносящую доход деятельность (пункт 4 статьи 50 ГК РФ), законодатель требует от таких организаций, которые в силу устава вправе осуществлять «доходную» деятельность, наличия активов рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, установленного для обществ с ограниченной ответственностью; этот размер в настоящее время составляет десять тысяч рублей¹. Незначительность этой суммы, явно не способной служить серьезной гарантией интересов кредиторов юридического лица, свидетельствует о том, что заложенная в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации доктрина «твердого» капитала не получила последовательного легального признания², однако отдельные ее элементы были легализованы в результате реформы гражданского законодательства второй половины 10-х годов XIX в. Так, несмотря на то, что действующее законодательство не устанавливает общих для всех

¹ Пункт 1 статьи 14 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 7. - Ст. 785.

² В литературе это объясняется, в первую очередь, политико-правовыми причинами, воспрепятствовавшими законодательному увеличению размеров минимальных требований к уставным капиталам хозяйственных обществ с точки зрения тезиса о недопустимости повышения «административных барьеров вхождения в бизнес». См., напр.: Павлюк А.В. Проблемы административно-правового регулирования деятельности акционерных обществ // Административное и муниципальное право. - 2014. - № 6. - С. 580 - 591.

юридических лиц правил о видах имущества, за счет которого может формироваться их имущество, для хозяйственных товариществ и обществ такие требования установлены в статье 66.1 ГК РФ, которой вклады участника в имущество этих видов корпораций ограничены денежными средствами, вещами, долями (акциями) в уставных (складочных) капиталах других хозяйственных товариществ и обществ, государственными и муниципальными облигациями, подлежащими денежной оценке исключительными и иные интеллектуальными правами и правами по лицензионным договорам. С учетом гарантийной природы минимального размера имущества некоммерческих организаций, вытекающей из пункта 5 статьи 50 ГК РФ, эти требования должны по аналогии применяться к указанным субъектам.

С точки зрения закрепленного частью 1 статьи 14 Закона о СРО запрета СРО осуществлять предпринимательскую деятельность эта проблема может показаться не значимой для ССРО, однако это не так. Указанный запрет не только не исключает возможность осуществления ССРО деятельности, приносящей доход (далеко не всякая «доходная» деятельность является предпринимательской, и здесь мы склонны согласиться с высказанным в литературе мнением об ошибочности их фактического отождествления в пункте 21 Постановления Пленума ВС РФ № 25¹), но, прежде всего, он никак не связан с вытекающей из статуса субъекта гражданского права возможностью участия в имущественном обороте в принципе. Последний же представлен преимущественно возмездными договорами, в которых ССРО может выступать не только в качестве приобретающей товары, работы или услуги стороны-кредитора, но и в качестве должника в обязательстве, опосредующем встречное имущественное предоставление. Совершенно не обязательно такие договоры могут быть связаны с извлечением ССРО дохода:

¹ См.: Лескова Ю.Г. К вопросу об особенностях правового статуса саморегулируемых организаций в сфере капитального строительства, проектирования и инженерных изысканий // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2018. - № 1. - С. 45 - 51.

последняя в них может выступать в качестве consumer, однако это не элиминирует задачу обеспечения прав другой стороны в обязательстве. Вряд ли можно исключать и вероятность причинения ССРО вреда иным лицам, при этом участие в деликтных обязательствах в качестве делинквента никак не связано с пределами договорной составляющей гражданской правоспособности.

Универсальным средством защиты субъективных гражданских прав является гражданско-правовая ответственность.

Эффективность правового средства защиты определяется конечным результатом, выражающимся в восстановлении (натуральном или стоимостном) нарушенного субъективного права; никакое средство не способно дать такой результат вне взаимодействия с иными элементами правозащитного механизма. Меры гражданско-правовой ответственности заключаются в лишении неисправного должника субъективного права либо возложении на него дополнительной обязанности в пользу кредитора, чем и обеспечивается восстановление имущественной сферы потерпевшего, а потому принятие таких мер способно дать правозащитный эффект только при наличии у неисправного должника или имущества, за счет которого может быть обеспечено такое восстановление.

Для ассоциаций, организационно-правовая форма которых лежит в основе ССРО, действующее законодательство позволяет обосновать лишь минимальный размер имущества в сумме 10 000 руб. в случаях, когда уставом ССРО предусмотрено осуществление приносящей доход деятельности, однако такой тезис в настоящее время носит исключительно умозрительный характер, ибо ни в одном уставе действующих ССРО такого положения нет и в условиях отождествления этой деятельности с предпринимательской быть не может.

Как было указано выше, вторым способом решения задачи гарантированности интересов кредиторов юридического лица является субсидиарная ответственность его участников. Пункт 3 статьи 123.8 ГК РФ конструирует организационно-правовую форму ассоциации без включения в

нее такого элемента, однако допускает возможность его установления законом в качестве *lex specialis* либо в качестве положения устава¹.

Ни Закон о СРО, ни ГК РФ, традиционно рассматриваемые в качестве специальных законов по отношению ГК РФ в части регламентации правового статуса ССРО, такую ответственность членов не устанавливают.

Нормативное основание для такой ответственности обнаруживается в пункте 4 статьи 11 Закона об НКО: указание на субсидиарную ответственность членов ассоциации в размере и в порядке, предусмотренными ее учредительными документами, дает повод рассматривать эти положения устава как существенные, а субсидиарную ответственность – как обязательный элемент данной организационно-правовой формы (учредители ассоциации определяют эти размер и порядок, но не сам вопрос ее наличия), однако действие этой нормы было фактически прекращено в 2014 году с введением в действие новой редакции статьи 123.8 ГК РФ в силу правила *lex posterior derogat priori*. Как отмечает Е.А. Суханов, субсидиарная ответственность членов ассоциации по ее долгам теперь носит лишь факультативный (возможный), а не обязательный (конститутивный) характер².

Справедливость этого высказывания подтверждается эмпирически: исследование 20 уставов существующих ССРО, отобранных методом случайной выборки, показало, что в подавляющем их большинстве (19³)

¹ Строго говоря, последнее положение находится в некотором противоречии со статьей 56 ГК РФ, которая допускает отступления от правила о раздельной имущественной ответственности участников и юридического лица только на уровне ГК РФ или иных законов.

² См.: Суханов Е.А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. - 2022. - № 1. - С. 151.

³ См.: Устав саморегулируемой организации Ассоциация строительных организаций «ЭнергоСтройАльянс» - https://enstal.ru/files/Ustav_versiya_10.0_15.12.2020.pdf?ysclid=lc63w5n1yz713457067; Устав Ассоциации Саморегулируемая организация «Центр развития строительства» // https://www.srocrs.ru/pages/crs_ustav; Устав саморегулируемой организации «Объединение строительного комплекса и ЖКХ «Большая Волга» // https://srobov.ru/files/dokumenti/folder_1/folder/2022/ustav_ot_18_10_2022.pdf?ysclid=lc63zqku28881741948; Устав Ассоциации Саморегулируемой организации «Объединенные

положения о субсидиарной ответственности членов по долгам ассоциации отсутствуют, и только в одном уставе предусмотрена такая ответственность, причем ограниченная размерами уплаченных членских взносов¹.

строители» // <https://asoos.ru/Docs/UDocs/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2.pdf?ysclid=lc65ihvirc43638301>; Устав Ассоциации в области строительства Саморегулируемая организация «Альянс строителей» // <https://www.as-sro.ru/storage/documents/OBkyW1Psymphn6HEtABLh0VnVXX6wVPETH1XPZ17.pdf>; Устав Саморегулируемой организации Ассоциации «Альянс строителей Оренбуржья» // <https://aso56.ru/wp-content/uploads/2022/06/Ustav-SRO-A-ASO-ot-26.04.2022-g.pdf?ysclid=lc64490kk4641504854>; Устав Саморегулируемой организации Ассоциация «Объединение Специализированных Организаций Профессиональные Строители» // <http://sro-osops.ru/documentation/dokumentyi-sro-np-osops/ustav-sro-np-osops-novaya-redakciya.html>; Устав Ассоциации «Саморегулируемая организация «Объединенные производители строительных работ» (новая редакция) // <https://sroopsr.ru/wp-content/uploads/2018/09/proekt-ustava-sro-opsr-2018.pdf?ysclid=lc6485daln921252605>; Устав Союза «Строители Кабардино-Балкарской Республики» // <https://oskbr.ru/documents/001?ysclid=lc64b3jhva346844235>; Устав Саморегулируемой ассоциации «Красноярские строители» // https://sro-krasstroy.ru/documents/UD/20190529_ustav.pdf; Устав Ассоциации Саморегулируемая организация «Объединение смоленских строителей» // <https://smolensk-sro.ru/wp-content/uploads/2019/10/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2-2019.pdf?ysclid=lc64db66ul456148897>; Устав Саморегулируемой организации «Союз строителей Югры» // <https://us86.ru/ob-organizacii/ustav/?ysclid=lc65hk1v74202177702>; Устав Союза содействия в развитии строительства саморегулируемой организации «Объединение профессиональных строителей» // https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fsro-ops.ru%2Ffiles%2Fustav_1555057080.doc&wdOrigin=BROWSELINK; Устав Ассоциации строителей «Саморегулируемая организация Санкт-Петербурга «Строительство. Инженерные системы» // <http://sro-ism.ru/ob-assotsiatsii/ustav/?ysclid=lc64oc5k55606888761>; Устав Ассоциации «Саморегулируемая организация «Региональное объединение профессиональных строителей» // <http://odinsrostroy.ru/userfiles/2021/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%202021%20%D0%A0%D0%9E%D0%9F%D0%A1.pdf>; Устав Ассоциации саморегулируемой организации «Объединение строителей Кировской области» // file:///C:/Users/honor/Downloads/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%90%D1%81%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%A1%D0%A0%D0%9E_%D0%9E%D0%A1%D0%9A%D0%9E_.pdf; Устав Ассоциации Саморегулируемая организация «Объединение смоленских строителей» // <https://smolensk-sro.ru/wp-content/uploads/2019/10/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2-2019.pdf>; Устав Ассоциации регионального отраслевого объединения работодателей «Саморегулируемая организация «Алтайские строители» // https://www.npas.ru/pic/file/ustav_assotiation-2022.pdf; Устав Ассоциации «Саморегулируемая организация «Объединение строителей Подмосковья» // <https://www.ospnp.ru/dokumenty/ustavnye-i-registratsionnye-dokumenty> (дата обращения 01.12.2019 - 01.12.2022).

¹ Пункт 2.8 Устава Ассоциации «Саморегулируемая организация «Союз стройиндустрии Свердловской области» // http://spsi-sro.ru/storage/docs/ustav_sro.pdf?ysclid=lc64j1kvp6330215546 (дата обращения 01.12.2022).

Экстраполируя этот результат на общую ситуацию, можно с уверенностью утверждать, что субсидиарная ответственность не имеет сколько-нибудь значительного применения, и даже там, где она предусмотрена уставом – ограничение предела размерами членских взносов превращает ее в фикцию, ибо нормативно размеры членских взносов в ССРО не регламентированы, а согласно статистическим данным, средний размер членских взносов составляет около 5 тыс. руб.¹

Таким образом, закрепленная в действующем законодательстве организационно-правовая форма ассоциации не позволяет в полной мере гарантировать интересы кредиторов. В качестве возражения можно было бы привести довод о том, что участие ССРО в таком обороте не носит массового характера, будучи ограничено преимущественно сделками по удовлетворению собственных потребностей организации (вопросы распоряжения средствами компенсационных фондов с учетом особенностей их правового режима, естественно, здесь не затрагиваются), а потому не представляет серьезной угрозы стабильности имущественного оборота, однако вряд ли этим можно оправдать снижение уровня защищенности кредиторов, а кроме того во внимание должен быть принят еще один фактор. Основная деятельность ССРО связана с регулированием предпринимательской деятельности с участием ее членов, в процессе которого осуществляется воздействие на их права и обязанности, в том числе на уровне их правоспособности. С этой точки зрения такая публично значимая деятельность представляет собой своеобразный источник повышенной социальной опасности, что актуализирует вопрос об эффективных средствах защиты интересов членов ССРО как субъектов предпринимательской деятельности от допущенных в процессе саморегулирования нарушений. Гражданское право способно предоставить такую защиту посредством института возмещения убытков, причиненных вследствие незаконного акта ССРО. В судебной практике

¹ <https://curpp.ru/articles/skolko-stoit-sro?ysclid=lc65vcafc483688997> (дата обращения 01.12.2022).

имеются примеры удовлетворения таких требований вследствие незаконного исключения члена СРО¹, при этом взысканные суммы нередко весьма значительны², превышая размер собственных средств ССРО³.

Возможность использования института банкротства в случае недостаточности имущества ССРО для погашения долгов не позволяет разрешить проблему защиты кредиторов, ибо этот институт, хотя и реализует компенсационную функцию, все же предназначен для иной задачи (справедливое распределение имущества между всеми кредиторами); удельный вес удовлетворенных в рамках банкротных дел требований кредиторов свидетельствует о том, что компенсационную функцию конкурсный механизм фактически не обеспечивает: согласно данным Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности из 1 339 595 806 849 руб. требований, включенных в реестр требований кредиторов по завершенным во II квартале 2021 года делам о банкротстве, реально было удовлетворено всего 43 251 141 396 руб.⁴, что составляет всего 3,2%.

Кроме того, с учетом пункта 2 статьи 6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О несостоятельности

¹ Определение Верховного Суда РФ от 12.11.2020 № 307-ЭС20-17589 по делу № А56-104420/2019; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.08.2020 № Ф07-7674/2020 по делу № А56-104420/2019; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.02.2021 № 13АП-34114/2020 по делу № А56-54726/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

² Так, вступившим в законную силу решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 24.12.2019 по делу № А56-90144/2019 с Ассоциации «Центр объединения строителей «Сфера-А» в пользу ООО «Энерго Строй» по указанному основанию были взысканы убытки в размере понесенных истцом расходов на уплату взносов в компенсационные фонды в другую ССРО в размере 6 200 000 руб. // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

³ <http://sferasro.ru/dokumenty/godovaya-bukhgalterskaya-otchetnost-assotsiatsii-tsos-sfera-a.php> (дата обращения 01.12.2022).

⁴ <https://fedresurs.ru/news/fee5d7bd-f9de-4dee-b761-d848c5b4e0c2?attempt=1> (дата обращения 01.12.2022).

(банкротстве)»¹ (далее – Закон о несостоятельности) применение механизма банкротства в отношении ССРО возможно только при превышении общего размера неисполненных требований суммой в триста тысяч рублей; таким образом, при недостижении этого минимума кредиторам ССРО не будет доступен даже этот, пускай и весьма неэффективный в части компенсационной функции, механизм, но в силу складывающихся в современной судебно-арбитражной практике подходов хотя бы стимулирующий контролирующих должника лиц к исполнению обязательств последнего угрозой субсидиарной ответственности. Налицо явный конфликт с гарантированным каждому Конституцией РФ правом на судебную защиту, ибо в этом случае отраслевыми средствами это право никак не обеспечивается.

Проблема применения банкротства к ССРО усугубляется, на наш взгляд, еще и тем, что в отсутствие ощутимых результатов погашения требований кредиторов, ее (ССРО) ликвидация приводит к негативным последствиям для весьма значительного круга субъектов предпринимательской деятельности в сфере строительства, вынужденным для сохранения своего объема правоспособности приобретать членство в другой ССРО; особенно остро такая проблема может возникнуть, если в существующей в данном субъекте РФ другой ССРО не сформирован компенсационный фонд ОДО, ибо в этом случае членство в такой ССРО не дает право на осуществление строительной деятельности в рамках государственных и муниципальных заказов.

Как уже говорилось ранее, существует два способа обеспечения интересов кредиторов юридического лица (в рамках институционального подхода к последнему), которыми балансируется его качество «корпоративного щита»: субсидиарная ответственность участников по долгам организации или минимальный размер ее имущества.

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 21.11.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

Субсидиарная ответственность обычно применяется в таких юридических лицах, для которых характерен высокий уровень личностного элемента в отношениях между участниками: совместно управляя корпорацией, они принимают на себя негативные имущественные последствия своих решений не только в пределах стоимости своих вкладов, но и отвечая своим собственным имуществом. По этой причине субсидиарная ответственность характерна для полных товариществ, полных товарищей в командитных товариществах.

Очевидно, что в существующих ССРО обнаружить личные связи между ее членами невозможно; возьмем на себя смелость утверждать, что союзная компонента здесь представлена в минимальной степени, ибо существование таких корпораций вызвано не столько естественной потребностью предпринимателей к самоорганизации, сколько политико-правовыми факторами, обусловившими созданный в настоящее время правовой механизм саморегулирования как своеобразного «продолжения» государственного регулирования отношений в строительной сфере. Обращение к предметной компетенции общего собрания членов ССРО наглядно свидетельствует, что вопросы обычной хозяйственной деятельности ассоциации они не решают, равно как и не принимают решения, связанные с членством в ССРО (вытекающее из пункта 10 части 3 статьи 16 Закона о СРО полномочие общего собрания по рассмотрению жалобы на решения постоянно действующего коллегиального органа управления ССРО об исключении лица из ее членов это вывод не опровергает, поскольку не является элементом юридического основания прекращения корпоративного статуса исключенного члена). С этой точки зрения оправдать субсидиарную ответственность членов ССРО по ее долгам проявлением их воли в умаливших субъективное право третьего лица действиях корпорации вряд ли возможно; упрекнуть членов корпорации можно, пожалуй, лишь в том, что на основе их волеизъявления были сформированы соответствующие органы (управления, исполнительный), однако принимая во внимание реальную роль каждого из членов ССРО в

формировании таких органов, для оправдания их субсидиарной ответственности этого недостаточно.

Обнаружить предпосылки для такой ответственности членов ССРО можно с точки зрения теории интереса, ибо, как указывалось выше, неисполнение обязательств ССРО может привести к ликвидации последней в результате банкротства, что противоречит интересам ее членов. Внешне этот тезис выглядит вполне логично: принимая на себя субсидиарную ответственность по долгам ССРО, ее члены обеспечивают свой собственный интерес в ее сохранении. Однако здесь возникает проблема другого свойства, связанная с множественностью ее лиц: такая ответственность может быть солидарной или субсидиарной. Для существующих корпораций, организационно-правовые формы которых предусматривают субсидиарную ответственность участников, законодательство предусматривает солидарный ее вид (полные товарищества, к примеру), причина чего кроется в характере отношений членов корпорации. Отношениям членов ССРО, как уже говорилось, личностный элемент не присущ совершенно, а потому использование солидарной ответственности, допускающей ответственность перед кредиторами корпорации по формуле «один за всех», здесь не имеет никаких объективных оснований.

Долевая ответственность обнаруживает свою непригодность, прежде всего, с точки зрения интересов кредиторов, поскольку предполагает дробление обязательства на доли соответственно количеству должников. Субъектный состав членов ССРО не является величиной постоянной; но главная проблема даже не в том, что для каждого случая субсидиарной ответственности надо каждый раз определять круг должников – в условиях публичности реестров членов ССРО это не вызовет особых проблем, а в том, что количество этих членов весьма велико – среднеарифметическое значение на одну ССРО составляет 434 (согласно размещенным на официальном сайте

НОСТРОЙ сведениям реестров¹ на декабрь 2022 года количество ССРО составляло 225, количество членов ССРО – 97 715). Взыскание долга, раздробленного между таким количеством должников, для кредитора существенно повышает размер необходимых издержек – и временных, и финансовых, и при небольших суммах требований может быть просто не оправдано экономически. Кроме того, долевая ответственность предполагает определение доли каждого из содолжников в денежном выражении, которое с учетом традиционно используемой для юридических лиц формулы «при недостаточности имущества» предполагает выявление этого имущества и установление размера его недостаточности, что на практике нередко вызывает проблемы, которые будут усилены в ситуациях наличия нескольких кредиторов, чьи требования рассматриваются в разных судебных делах. Подобное усложнение правоприменительного механизма реализации субсидиарной ответственности – и в материально-правовом, и в процессуальном аспектах – ставит под сомнение эффективность реализации компенсационной функции ответственности. В силу изложенного оправданный характером корпоративных отношений между членами ССРО вид ответственности с пассивной множественностью – долевой – оказывается непригодным с точки зрения обеспеченности интересов кредиторов корпорации.

В этих условиях единственно возможным эффективным способом обеспечения интересов кредиторов ССРО видится нормативное закрепление требования к минимальному размеру ее имущества, на которое последние будут иметь возможность обратить взыскание. Такое имущество *de facto* будет выполнять гарантийную функцию уставного капитала в хозяйственных обществах, однако потребность в этой конструкции в ее полном функционале для ССРО отсутствует, ибо объем корпоративных прав ее членов является одинаковым для всех. Поэтому использование здесь понятия уставного

¹ <https://reestr.nostroy.ru/> (дата обращения 01.09.2022).

капитала некорректно; правильнее говорить о минимальном размере чистых активов ССРО. На такое имущество вполне могут быть экстраполированы те правила об уставном капитале хозяйственных обществ, которые направлены на реализацию гарантийной функции: ограничение видов объектов, за счет которых может формироваться такое имущество, порядок его внесения, требования к минимальному размеру и последствия его несоблюдения.

В отношении видов имущества, которое может учитываться при определении наличия минимума чистых активов, вполне применимы положения пункта 1 статьи 66.1 ГК РФ; вряд ли оправданно предъявление к ССРО более жестких требований нежели чем к коммерческим корпорациям.

В качестве последствий несоблюдения такого требования может применяться мера в виде лишения статуса ССРО – исключение из реестра в судебном порядке; ее применению должно предшествовать предоставление ССРО возможности восполнить недостающий размер имущества за счет членских взносов либо иных источников. Внесение дополнительных взносов членами обеспечивает и их собственный интерес в сохранении ССРО. С учетом того, что при превышении общего размера неисполненных требований суммой в триста тысяч рублей к ССРО возможно применение механизма банкротства, установление минимального размера чистых активов в указанной сумме позволит, с одной стороны, устранить пробел в правовом механизме защиты прав кредиторов, а с другой, принимая во внимание установленное пунктом 1 части 3 статьи 55.4 ГрК РФ минимальное количество членов ССРО, не создаст существенных имущественных обременений для субъектов строительной деятельности.

3.3. Гражданско-правовая ответственность саморегулируемой организации в сфере строительства по обязательствам своих членов

Действующее законодательство возлагает на СРО компенсационную функцию, которая реализуется посредством включения в ее правовой статус ответственности по обязательствам своих членов. Объяснение такой функции для СРО традиционно выводится из сущности саморегулирования: принимая субъекта в состав своих членов и поддерживая с ним отношения членства, СРО объявляет перед третьими лицами о его соответствии тем квалификационным требованиям, которые установлены в качестве обязательных в исходящих от государства нормативно-правовых актах и в актах саморегулирования, а потому допущенные таким субъектом нарушения могут и должны влечь неблагоприятные последствия для СРО.

Принципиальное значение имеет ответ на вопрос о правовой природе обязанности ССРО по возмещению вреда или договорных убытков в пользу управомоченного лица: является ли такая обязанность ответственностью или нет. Обратим внимание на следующий момент. Так, в отношении правовой природы обязанности по возмещению вреда субъектов, определяемых статьей 60 ГрК РФ по критериям вещно-правового или иного правового статуса, в литературе высказаны обоснованные сомнения в том, насколько она является ответственностью: в поведении таких лиц далеко не всегда можно обнаружить состав правонарушения, а наделение их правом регресса к иным лицам (включая собственно делинквента и ССРО, членом которой он является) означает, что они не претерпевают негативных имущественных последствий¹.

Нетрудно заметить, что сказанное справедливо и в отношении ССРО. В основании возникновения ее обязанности по возмещению внедоговорного вреда или договорных убытков отсутствует состав совершенного ею

¹ См.: Дедиков С.В. Правовые проблемы страхования ответственности в сфере саморегулирования строительной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2016. - № 5. - С. 91.

правонарушения, ибо вред причинен действиями иного лица. Выше звучала мысль о том, что выполнение ССРО компенсационной функции обусловлено ее ролью в механизме саморегулирования, однако для обязанности по возмещению вреда irrelevantна правомерность или противоправность ССРО при включении субъекта в свои члены, осуществления контроля за ним, выдаче допуска на определенные работы: ССРО возмещает вред в силу своего специального правового статуса. Поскольку для возникновения такой обязанности ССРО не имеет значения противоправность ее поведения, постольку не имеет значение вина, ибо в отсутствие первой не может быть второй. Как справедливо отмечал О.А. Красавчиков, там, где нет вины, там нет и ответственности, а обязанность по возмещению вреда представляет собой способ, форму восстановления имущественных прав потерпевших¹.

Как известно, гражданско-правовая ответственность заключается в возложении на ее субъекта негативных имущественных последствий своего противоправного поведения путем лишения его субъективного права либо возложения дополнительной имущественной обязанности². О данном признаке ответственности для ССРО, привлекаемой к возмещению причиненного ее членом вреда или договорных убытков, можно говорить только если абстрагироваться от реального правового механизма реализации компенсационной функции ССРО. Источником исполнения указанных обязанностей ССРО является соответствующий компенсационный фонд, целевой режим которого исключает удовлетворение за счет входящего в него имущества каких-либо собственных интересов ССРО, а потому уменьшение такого имущества в результате соответствующей выплаты не связано с претерпеванием последней каких-либо лишений или ограничений.

¹ См., например: Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. - М., 2005. - С. 404.

² См.: Иоффе О.С. Обязательственное право. - М., 1975. - С. 97; Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. - М.: Статут, 2000. - С. 309 - 313; Ойгензихт В.А. Имущественная ответственность в хозяйственных договорах: Учебное пособие. - Душанбе, 1980. - С. 9 и др.

Восполнение компенсационного фонда осуществляется за счет средств членов ССРО, что следует из частей 7, 8 статьи 55.16 ГрК РФ.

Д.А. Петров предлагает рассматривать ответственность СРО за счет средств компенсационного фонда в качестве субститутивной ответственности, рассматривая ее через сформированную в англо-американском правовой доктрине опосредованную ответственность корпораций (vicarious liability)¹. Вместе с тем, в числе прочих признаков такой ответственности называют действия агента в интересах корпорации². Вряд ли можно спорить с тем, что при осуществлении строительной деятельности член ССРО действует в своих собственных интересах, а потому есть все основания согласиться с В.В. Кваниной о непригодности заимствованной уголовно-правовой теории субститутивной ответственности для объяснения правовой природы обязанности ССРО по возмещению причиненных ее членом вреда или договорных убытков³.

Изложенное свидетельствует о справедливости высказанного в литературе тезиса о том, что исследуемая обязанность ССРО не является ответственностью в юридическом смысле этого понятия, а представляет собой правовое средство защиты прав потерпевших⁴. Известное влияние правовое регулирование ответственности (деликтной или договорной) проявляется лишь на уровне отдельных ее элементов (размера, условия возникновения),

¹ См.: Петров Д.А. Правовой режим обеспечения имущественной ответственности членов саморегулируемой организации перед потребителями произведенных ими товаров (работ, услуг) и иными лицами // Юрист. - 2013. - № 18. С. 30 - 34; Чупрова Е.В. Ответственность за преступное поведение юридических лиц в современной Европе // Системность в уголовном праве: Материалы II Российского конгресса уголовного права. 31 мая - 1 июня 2007 г. - М., 2007. - С. 493.

² См.: Кубанцев С.П. Основные виды наказания в уголовном праве США // Журнал российского права. - 2004. - № 9. С. 120 - 131; Дворецкий М.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц: проблемы теории и практики применения // Вестник Тамбовского университета. - 2013. - Вып. 6 (122). - С. 221.

³ Кванина В.В. Механизм саморегулирования в строительстве и меры гражданско-правовой ответственности: вопросы соотношения // Журнал российского права. - 2019. - № 12. - С. 99.

⁴ Кванина В.В. Указ. соч. С. 99.

что объясняется тем, что правоотношение с участием члена ССРО является правоотношением ответственности.

Аргумент contra такого подхода может быть высказан в контексте установленной ГрК РФ солидарности обязанности ССРО и причинившего вред ее члена, ибо классической подход заключается в восприятии солидарной обязательства как единого правоотношения, лишь осложненного субъектной множественностью. Не погружаясь в существующую в настоящее время в правовой доктрине дискуссию по этому вопросу, заметим лишь, что такой подход – известная дань традиции, берущей начало в советских гражданских кодексах, которая продолжена в действующем ГК РФ. Между тем, в немецкой цивилистике различают солидарное обязательство, в рамках которого существует несколько самостоятельных обязательств, и корреальное обязательство, которое содержит в себе несколько личных отношений кредитора с каждым должником¹. Однако даже соглашаясь с позицией о том, что пассивное солидарное обязательство надо рассматривать как совокупность отдельных обязательств, исходя из числа должников², мы не сможем объяснить отличие правовой природы обязанности ССРО от деликтной обязанности ее члена-делинквента.

Вместе с тем, на указанную проблему можно взглянуть с другой стороны. С 2017 года законодательство дифференцирует правовой режим деликтной и договорной обязанностей ССРО по возмещению внедоговорного вреда или договорных убытков соответственно. По модели солидарного обязательства конструируется первая, для второй применяется субсидиарная

¹ См., подр.: Тололаева Н.В. Модель пассивных солидарных обязательств // Вестник гражданского права. - 2016. - № 2. - С. 13.

² Павлов А.А. Перевод долга // Очерки по торговому праву: Сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 2007. Вып. 14. С. 52; Дорохов А.И. Соотношение кумулятивного принятия долга и поручительства. В кн.: Опыты цивилистического исследования: сборник статей / А.Е. Агеенко, И.И. Акимова, В.А. Волгина и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. - М.: Статут, 2018. Вып. 2. - С. 113.

модель¹. Объяснение такой дифференциации традиционно базируется на ранжировании социальной значимости защищаемых ценностей: по мнению О.А. Васючковой, применение солидаритета обусловлено охраной прав и свобод всего населения, возмещением причинения вреда здоровью, жизни и деятельности человека, гражданина, окружающей среде². Принять такое объяснение мешает ряд следующих соображений. Жизнь и здоровье человека как высшей ценности обладают безусловным приоритетом, однако за их исключением и в случае с солидарным механизмом, и в случае с субсидиарным объектами защиты оказываются однопорядковые явления, лежащие в области имущественной. Разрушение или повреждение объекта недвижимости нарушает субъективное право собственности на него, однако при несвоевременном или некачественном выполнении строительных работ оно также нарушается; тот факт, что во втором случае это нарушение внешне проявляется в нарушении соответствующего обязательственного права, входящего в содержание договорного обязательства, существа нарушения не изменяет, ибо такие нарушения очевидно ограничивают возможности субъекта в пользовании, владении и распоряжении своим имуществом. Вместе с тем, в первом случае законодатель предусматривает солидарную обязанность ССРО по возмещению вреда, а во втором – субсидиарную.

Логика указанного выше подхода в объяснении дифференциации режимов обязанности на солидарный и субсидиарный предполагает, что первый из них обеспечивает более эффективную (полную, оперативную) защиту в сравнении с вторым. Это не совсем так и убедиться можно, обратившись к закрепленным ГК РФ условиям возникновения указанных видов обязанности. Из статьи 323 ГК РФ следует, что пассивная (дебиторская)

¹ См.: Серая Н.А. К вопросу о видах гражданско-правовой ответственности саморегулируемых организаций в сфере строительства: проблемы теории и практики // Юридический Вестник Самарского Университета. - 2018. - № 4. - С 127.

² См.: Васючкова О.А. К вопросу о функциях и видах компенсационных фондов саморегулируемых организаций в сфере строительства // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 8. - С. 54.

солидарность предоставляет кредитору возможность требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга; каждый из солидарных должников связан обязательством до тех пор, пока оно не будет исполнено в полном объеме. По справедливому замечанию В.А. Белова, «солидарность долга позволяет кредитору видеть перед собой, несмотря на множество содолжников, одну единую сторону – точно такую же, как если бы она была представлена одним лицом»¹. Таким образом, сущность пассивного солидаритета заключается в предоставлении кредитору возможности выбора субъекта исполнения из числа должников по своему усмотрению без риска освобождения остальных от обязанности. В этом значении солидарная обязанность противопоставляется долевым. Субсидиарная обязанность предполагает разделение должников на основного и дополнительного, при этом условием «включения» в исполнение последнего согласно пункту 1 статьи 399 ГК РФ являются обстоятельства, никак не связанные с недостаточностью имущества основного должника: достаточно, обратившись с соответствующим требованием к последнему, не получить от него исполнения, после чего кредитор получает возможность требовать такое исполнение от субсидиарного должника в полном объеме. Изложенные отличия представляются не столь существенными, чтобы утверждать о повышенном уровне защиты для кредитора, которому противостоят основной и субсидиарный должники в сравнении с должниками солидарными, а потому такая дифференциация не имеет особого значения для компенсационной функции ССРО. Задача повышения защищенности жизни и здоровья как ценностей высшего порядка на самом деле решается иным способом: выплатой компенсации сверх возмещения вреда (пункты 1 – 3 части 1 статьи 60 ГрК РФ).

¹ Белов В.А. Солидарность обязательств (общее учение и отдельные осложняющие моменты – альтернативность, обеспечение, перемена лиц, прекращение) // Практика применения общих положений об обязательствах: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. - М.: Статут, 2011. - С. 52.

Есть все основания предположить, что смысл использования конструкций как солидарного, так и субсидиарного обязательств объясняется единственной причиной – расширение круга субъектов, на которых возлагается возмещение внедоговорного вреда/договорных убытков, причиненных действиями профессиональных строителей. При этом на ССРО обязанность по устранению негативных имущественных последствий противоправных действий ее члена при выполнении строительных работ должна быть возложена в отсутствие противоправного поведения самой ССРО; в противном случае нет никаких причин изобретать такой механизм – он был бы основан на классическом деликте. На наш взгляд, решение этой задачи совершенно не требует «инкорпорации» ССРО в субъектный элемент опосредующего ответственность охранительного обязательства на стороне должника, возникшего между членом ССРО и иным лицом (потерпевшим/кредитором); для этого вполне достаточно регулятивного обязательства между последним и ССРО по модели, которая применяется в таких правовых институтах как независимая гарантия и страхование. Сущность имущественного страхования выражается в возмещении причиненного субъекту вреда, однако никто не рассматривает страховщика в качестве субъекта ответственности – выплата страхового возмещения опосредуется регулятивным обязательством между ним и страхователем (бенефициаром). Это позволяет действительно повысить уровень правовой защищенности субъектов, ибо связывает возникновение обязанности по выплате страхового возмещения с самим фактом наличия негативных имущественных последствий того или иного действия или события, определенного в качестве страхового случая. Естественным, для страхования ответственности – деликтной или договорной – имеет значение противоправность поведения лица, чья ответственность застрахована, но это не дает основания полагать обязанность страховщика перед выгодоприобретателем правовой формой ответственности; речь идет о

договорном по своей природе обязательстве, возникающем между указанными субъектами.

Сходство механизма страхования ответственности и механизма возмещения внедоговорного вреда/договорных убытков ССРО усиливает источник, за счет которого реализуется компенсационная функция в обоих случаях: обособленные имущества, формируемые за счет средств заинтересованных лиц – страховые фонды в первом случае, компенсационные фонды во втором. В обоих случаях субъект, аккумулирующий такие фонды, является собственником во многом лишь номинально, ибо присущей настоящему собственнику свободы владеть, пользоваться и распоряжаться таким имуществом нет ни у страховой организации, ни у ССРО. Не случайно Закон о СРО рассматривает коллективное страхование в качестве альтернативы компенсационным фондам: экономическая сущность этих явлений тождественна.

Такой подход делает излишним включение ССРО в субъектный состав опосредующего деликтную или договорную ответственность его члена обязательства на стороне должника, ибо между ССРО и потерпевшим/кредитором возникает самостоятельное обязательство, содержание которого образует обязанность первой по возмещению второму внедоговорного вреда/договорных убытков, причиненных действиями члена ССРО при осуществлении строительной деятельности. Данное обязательство представляет собой классический пример обязательства в пользу третьего лица и в классическом варианте СРО оно могло бы возникать из договора между ней и ее членом, однако действующее законодательство порождает такое обязательство автоматически с приобретением последним корпоративного статуса: такое основание оказывается вшитым в содержание корпоративного правоотношения, однако существует здесь в качестве относительно самостоятельного элемента (умозрительное исключение его не приведет к утрате таким правоотношением качества корпоративного).

В результате отпадает потребность как в солидарном, так и в субсидиарном механизме субъектного усложнения обязательства по возмещению вреда/договорных убытков между членах ССРО и третьим лицом. Последнее при этом вправе предъявить свои требования как члену ССРО как делинквенту, так и к ССРО как субъекту самостоятельной обязанности перед таким лицом, при этом, принимая во внимание компенсационный характер последней, размер обязанности последней должен определяться исходя из размера не возмещенных посредством деликтного обязательства (или иных, к примеру, страхового) вреда/убытков и установленного законом предельного размера, определяемого с учетом размера соответствующего компенсационного фонда.

Предложенный механизм позволяет определить основные подходы к решению проблемы последствий исполнения ССРО обязанности по возмещению третьим лицам внедоговорного вреда/договорных убытков, причиненных членом ССРО. В литературе этот вопрос традиционно рассматривается через призму допустимости/недопустимости регрессного требования ССРО к члену, действия которого стали основанием для соответствующей выплаты¹. Несмотря на то, что в Концепции совершенствования механизмов саморегулирования² был заложен ориентир применение института регресса, это положение не было реализовано в процессе законодательного реформирования саморегулирования в сфере строительства: указание в частях 6, 7 статьи 55.16 ГрК РФ на члена, «по вине» которого возникла необходимость восполнения соответствующего компенсационного фонда, с добавлением слов «а также иные члены» без

¹ См., напр.: См.: Егорова М.А. Концепция совершенствования механизмов саморегулирования: pro et contra: монография. - М., 2017. - С. 51 - 52; Лескова Ю.Г. Ключевые изменения института саморегулирования строительной деятельности: некоторые вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 7. - С. 54 - 63.

² Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2015 № 2776-р «О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 2 (часть II). - Ст. 458.

дифференциации механизма их участия в таком восполнении свидетельствует о том, что такой механизм видится законодателю единым, а потому не может быть иным нежели корпоративный – через внесение дополнительных взносов, размер которых в силу прямого указания этой нормы дифференцируется по уровням ответственности члена, то есть критериям, никак не связанным с «особой» ролью члена-правонарушителя (делинквента или нарушителя договора). Это единство (с вытекающим из него отсутствием регресса), вероятно, может быть объяснено сущностью саморегулирования¹, однако, с одной стороны, оно умаляет все иные функции гражданско-правовой ответственности делинквента кроме компенсационной, а с другой, - окончательно нивелирует отличие между солидарностью и субсидиарностью участия ССРО в возмещении внедоговорного вреда и договорных убытков, что еще раз подтверждая отсутствие объективных оснований их применения в принципе.

Обращение к ГК РФ позволяет обосновать иное последствие для субсидиарности – пункт 3 статьи 299 ГК РФ прямо подтверждает возможность регрессного требования субсидиарного должника, исполнившего обязательство основного, к последнему. Для солидарной обязанности аналогичный прием дает иной результат, который оказывается совершенно непригодным для взаимоотношений ССРО и ее члена, ибо объяснить причину, по которой причиненный последним вред должен быть в равной мере распределен между ними (пункт 2 статьи 325 ГК РФ) невозможно, и может приводить к парадоксальным последствиям в случаях, когда делинквент-член ССРО, возместивший причиненный третьему лицу вред, впоследствии получит в возмещение половину от этой суммы за счет компенсационного фонда ВВ.

¹ Лескова Ю.Г. Ключевые изменения института саморегулирования строительной деятельности: некоторые вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 7. - С. 62.

На наш взгляд, решение этой проблемы должно базироваться на учете, с одной стороны, компенсационной функции ССРО, а с другой – функций гражданско-правовой ответственности. Первая обеспечивает интересы кредиторов, а потому компенсационный фонд, уменьшенный в результате выплаты по нему, должен быть восстановлен в кратчайшие сроки, механизм регресса не вполне пригоден; кроме того, последний не сможет привести к необходимому результату в случаях, когда делинквент-причинитель вреда не обладает достаточным для исполнения регрессного требования имуществом. Эту задача может быть эффективно решена за счет корпоративного механизма, основанного на внесении всеми членами ССРО дополнительных взносов, который фактически в настоящее время и закреплён в ГрК РФ. Для реализации всех функций гражданско-правовой ответственности, включая наказание и превенцию, необходимо доведение негативных имущественных последствий до правонарушителя (делинквента или нарушителя договора); как указано выше, в литературе этот вопрос обсуждается в ключе допустимости/недопустимости регресса. Между тем, обоснованный нами вариант правовой природы обязанности ССРО по возмещению внедоговорного вреда/договорных убытков как самостоятельного обязательства исключает применение регресса, поскольку исполнением такого обязательства не прекращает существующее между членами ССРО и потерпевшим/договорным кредитором охранительное обязательство, в результате чего возникновение регрессного обязательства первого перед ССРО приведет к удвоению обязанности члена ССРО. Выход видится в применении суброгации, которая, в отличие от регресса, порождающего самостоятельное обязательство между лицом, исполнившим долг за другое лицо, опосредует переход права требования кредитора от неисправного должника к предоставившему исполнение субъекту.

Механизм, характерный для суброгации обнаруживается не только в главе 48 ГК РФ, но и в иных институтах обязательственного права, в том числе

на уровне его общей части¹. Принципиальное отличие от цессии, в силу абстрактности юридически безразличной к своим основаниям, суброгация представляет собой реституционное средство, обладая явно выраженным правовосстановительным характером². Как отмечал Е. Годэмэ, цель суброгации в том, чтобы гарантировать защиту интересов лица, совершившего платеж... Следовательно, он вступает в права кредитора только в той сумме, в какой произвел платеж»³. Отсюда следует основное отличие цессии и суброгации, которое находится в плоскости характера интереса вступающего в обязательство лица: при цессии цессионарий стремится приобрести право, принадлежащее cedentu, а при суброгации – вывести должников из обязательства, при этом приобретение права представляет собой способ, к которому прибег его приобретатель⁴.

Это означает, что для суброгации характерно не только указанное в литературе одновременное наличие двух признаков: платеж кредитору и переход прав кредитора лицу, совершившему платеж (при цессии имеет место лишь второе действие)⁵, но и характер правопреемства: к суброгату переходит не собственно право требования, которое суброгант-кредитор имел к должнику, а его «стоимостная ипостась», выраженная требованием денежного эквивалента исполнения, осуществлением которого достигается восстановительная цель суброгации. Естественно, это возможно только в тех

¹ В юридической литературе можно обнаружить попытки обоснования включения в категориальный аппарат обязательственного права понятия суброгации как особого вида сингулярного правопреемства, отличного от цессии. См.: Мусин В.А. Суброгация в советском гражданском праве // Сов. гос-во и право. - 1976. - № 7. - С. 129. См., также: Ломидзе О.Г. Суброгация в гражданском праве России // Хозяйство и право. - 2001. - № 10. - С. 14.

² Michael Ian Jackson. (LL.M. 1998) UBC Law Theses and Dissertation Abstracts // <http://www.library.ubc.ca/law/abstracts/Jackson.htm> (дата обращения 23.04.2021).

³ Годэмэ Е. Общая теория обязательств / Пер. с французского. - М., 1948. - С. 481.

⁴ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. - М.: Издательство «Статут», 1997. - С. 479.

⁵ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3-х т. Т. 1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой. (постатейный). Издание третье, переработанное и дополненное / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. - М.: Юрайт-Издат, 2007. - С. 343.

случаях, когда в силу условий обязательства между должником и кредитором или волеизъявления кредитора допускается исполнение этого обязательства уплатой денежной суммы; в противном случае выплата денежной суммы не приведет к суброгации в силу отсутствия исполнения.

Указанная трансформация суброгированного права в денежное требование, на наш взгляд, вполне объяснима с точки зрения «фиктивной» теории суброгации Р. Саватье; суть юридической фикции заключается в следующем: при совершении платежа право требования к должнику «умирает» на стороне кредитора и тут же «возрождается» у суброгата¹. При этом сохраняется тот же должник, тот же объем права требования, то же обеспечение, однако возрожденное в результате суброгации право требования в любом случае, вне зависимости от предмета суброгированного права, будет денежным. В отечественной цивилистике следует отметить предложенное В.А. Мусиным объяснение: при суброгации в распоряжении кредитора сосредоточиваются два права, направленных на исполнение одного и того же долга, – одно по отношению к должнику, другое по отношению к будущему суброгату (в нашем случае – ССРО); при осуществлении кредитором права требования по отношению к последнему, право требования к должнику не прекращается, а переходит к суброгату².

Таким образом, обладая наряду с регрессом компенсационной природой, суброгация, в отличие от первого, не порождает нового права на стороне ССРО, а переносит на него то право требования соответствующего произведенному платежу стоимостного эквивалента исполнения, которое потерпевший/кредитор имел по отношению к члену ССРО. Последняя, таким

¹ См.: Саватье Р. Теория обязательств. - М., 1972. С. 381 - 382. Аналогичный подход можно встретить и у отечественных правоведов. См., напр.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. - М., 2003. - С. 219; Дедиков С. Регресс и суброгация: опыт сравнительного анализа // Хозяйство и право. - 2005. - № 4. - С. 67.

² Мусин В.А. Суброгация в советском праве // Советское государство и право. 1976. - № 7. - С. 129 - 130. Несмотря на оригинальность данной точки зрения, поддержки в науке она не нашла. На наш взгляд, причина кроется ее уязвимости для критики с точки зрения позитивного права в отношении поручительства, для которого она была предложена. В отношении же исследуемого объекта она вполне жизнеспособна.

образом, приобретает право требования в отношении должника в результате сингулярного правопреемства, специфика которого состоит в одновременной трансформации права требования в денежное.

Денежное возмещение внедоговорного вреда/договорных убытков ССРО не совпадает с надлежащим исполнением основного обязательства должником-членом ССРО. При реализации своего права требования к ССРО третье лицо получает денежное возмещение, а не исполнение в натуре – то, что мог бы получить при возмещении вреда в натуре или надлежащем исполнении договорного обязательства. Между тем, допуская приобретение ССРО посредством суброгации права требования к своему члену в том виде, в котором оно существовало у потерпевшего/кредитора, мы получаем неразрешимое противоречие только в случае отождествления суброгации и цессии по содержанию правопреемства. Последнее, как показано выше, игнорирует вытекающую из компенсационной природы данного института его «трансформационную» функцию.

Таким образом, при суброгационном подходе между ССРО и ее членом продолжает существовать основное обязательство, трансформированное по предмету и размеру требований третьего лица (потерпевшего/кредитора), место которого в обязательстве заняло ССРО как суброгат. Поскольку ССРО при предлагаемом подходе несет перед указанным лицом не ответственность (солидарную или субсидиарную) за своего члена, а исполняет свое собственное денежное обязательство, содержанием требования ССРО к члену будет денежное право требования в сумме произведенного ССРО платежа в пользу третьего лица. Таким образом, механизм суброгации переносит на ССРО опосредованное охранительным обязательством право требовать возмещения от своего члена, которое по объему тождественно размеру возмещения, уплаченного ССРО в пользу третьего лица.

Будучи исполненным, такое суброгационное требование позволяет обеспечить претерпевание «неисправным» членом ССРО негативных имущественных последствий своего противоправного поведения, тем самым

обеспечивая реализацию всей совокупности функций гражданско-правовой ответственности.

Это исполнение «засчитывается» в соответствующий компенсационный фонд, который, между тем, уже был восстановлен в результате взносов членов ССРО, которые таким образом фактически приняли на себя ответственность нарушителя. Это можно было бы оправдать корпоративным характером отношений «межчленских» отношений, если бы существующие ССРО были бы результатом естественной эволюции институциональных форм саморегулирования предпринимательской деятельности в строительной сфере. Существующее же положение дел исключает, на наш взгляд, безусловное действие принципа «все за одного», а потому в условиях восполнения соответствующего компенсационного фонда членскими взносами исполнение суброгационного обязательства должно приводить к перераспределению по принципу *pari passu* этого исполнения между теми членами ССРО, которыми внесены такие взносы. Обеспечение реального механизма такого перераспределения предполагает наделение каждого члена ССРО корпоративным правом требования исполнения суброгационного обязательства от имени последней по модели законного представительства.

Предлагаемый подход означает унификацию правовых режимов возложения на ССРО исполнения обязательств ее членов вне зависимости от их видов: внедоговорные или договорные, тем самым снимая проблему их разграничения для целей применения. В обоих случаях речь идет об ответственности, однако дифференцированной по правовым режимам на ответственность за нарушение договора (гл. 25 ГК РФ) и ответственность за причинение вреда (гл. 59 РФ), разграничению которой в строительной сфере препятствует наличие договора практически во всех случаях, при этом судебная практика нередко «встраивает» в договор не предусмотренные прямо законом или соглашением сторон обязанности, которые вытекают из сущности правового регулирования или обусловлены протекционистскими

соображениями; П. Журдэн в качестве таковой называет обязанность по обеспечению безопасности¹. Однако эта обязанность вполне может выводиться из права собственности, не являющегося элементом содержания договорного обязательства, а потому ее нарушение может с одинаковым успехом квалифицироваться как нарушение абсолютного права, являющегося основанием внедоговорной ответственности. Унификация правового режима обязательства ССРО по денежному возмещению внедоговорного вреда/договорных убытков в рамках самостоятельного обязательства перед третьим лицом позволит абстрагироваться от вида охранительного обязательства члена ССРО перед третьим лицом, как критерия не имеющего никакого значения для целей реализации компенсационной функции.

Действующее законодательство обнаруживает еще одну проблему возмещения внедоговорного вреда, причиненного членом ССРО. ГрК РФ выстраивает обязательство по возмещению такого вреда по отличной от предусмотренной ГК РФ в качестве общей субъектной схеме, определяя в качестве основного субъекта такой ответственности собственника такого объекта либо концессионера (частного партнера) при выполнении строительных работ по договорам концессии (соглашения о государственно-частном или муниципально-частном партнерстве, если им не предусмотрено иное) либо застройщика (в значении, определенном пунктом 16 статьи 1 ГрК РФ); таким образом, возмещение вреда изначально возлагается не на делинквента, а на лицо, формализуемое определенным вещно-правовым титулом (право собственности) или иным правовым статусом (концессионер, частный партнер, застройщик, технический заказчик); допустимость такого нормативного решения закреплена абзацем вторым пункта 1 статьи 1064 ГК РФ.

Ответственность же непосредственного причинителя вреда при таком подходе определяется законом как регрессная (часть 5 статьи 60 ГрК РФ), хотя

¹ Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права. - 2021. - № 4. - С. 238.

очевидна возможность и ответственности прямой – в случаях, когда потерпевшим выступает сам собственник разрушенного или поврежденного объекта.

Как известно, размер деликтного обязательства определяется размером причиненного вреда, который по общему правилу, закрепленному в пункте 1 статьи 1064 ГК РФ подлежит возмещению в полном объеме. Вместе с тем, в случаях смерти гражданина или причинения вреда его здоровью в обязанность основного должника, определенного вещно-правовым титулом или иным правовым статусом, законодатель включает наряду с возмещением вреда также выплату компенсации в определенных частью 1 статьи 60 ГрК РФ размерах. Указанные компенсации в порядке регресса «доводятся» до делинквента и ССРО как солидарных должников, однако ГрК РФ формально оставляет открытым вопрос об обязанности этих субъектов по выплате компенсации в случаях прямой деликтной ответственности (к примеру, собственником разрушенного здания выступает гражданин, здоровью которого причинен вред). На наш взгляд, ответ на этот вопрос может быть только одним: выплата компенсации обусловлена статусом не должника в деликтном обязательстве, а статусом кредитора как субъекта умаленного нематериального блага, что исключает допустимость какой-либо дифференциации правового положения последних в деликтном обязательстве по критерию вида другой стороны. Любое иное толкование будет противоречить сформулированному Конституционным Судом РФ запрету различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях, а потому гражданин должен иметь право на компенсацию во всех случаях вне зависимости от вида противостоящего ему в обязательстве по возмещению вреда (восстановительном или деликтном) должника. Решение этой проблемы будет обеспечивать обоснованный выше подход к правовой природе обязанности ССРО по возмещению внедоговорного вреда как самостоятельного обязательства путем нормативного включения в него

обязанности по выплате определенных ГрК РФ сумм компенсаций сверх суммы возмещения вреда.

Предельный размер обязательств ССРО по возмещению внедоговорного вреда / договорных убытков каждого из членов действующим законодательством определяется с учетом размеров соответствующих компенсационных фондов (для возмещения вреда – размера фонда ВВ (пункт 2 части 5 статьи 60 ГрК РФ), для договорных обязательств – одной четвертой размера фонда ОДО (часть 3 статьи 60.1 ГрК РФ). Вместе с тем, действующее законодательство оставляет без ответа вопрос о размерах возмещения в случаях, когда средств соответствующего фонда (соответствующей его части) недостаточно для исполнения всех обязательств перед третьим лицами. Очевидно, что основанный на логике обязательственных правоотношений подход *prior tempore potior iure* (в его основе лежит тезис о том, что каждый кредитор действует на свой риск и по своей инициативе¹) в такой ситуации не приводит к справедливому результату, а потому должен заменяться на характерные для банкротства принципы *pari passu* (на равных началах) и *pro rata* (пропорционально). Действующее законодательство не предусматривает применение этих принципов в отношении имущества компенсационных фондов, поскольку оно «забронировано» от включения в конкурсную массу, в связи с чем кредиторы по требованиям к ССРО, подлежащим удовлетворению за счет компенсационного фонда, не являются конкурсными кредиторами в деле о банкротстве ССРО², а исключение ССРО из реестра приводит к переходу права собственности на это имущество к НОСТРОЙ с одновременной цессией соответствующих требований, правовая природа которых по очевидной причине не изменяется в результате такого

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. - Москва: М-Логос, 2022. - С. 607.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2021 № 305-ЭС20-16629 по делу № А40-101980/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

правопреемства. Полноценное решение задачи справедливого распределения между кредиторами имущества компенсационных фондов исключенной из реестра ССРО при его недостаточности для удовлетворения всех требований требует внедрения в действующее банкротное законодательство института сепаратного конкурса¹ обособленной имущественной массы в качестве специальной процедуры.

¹ В правовой доктрине, в том числе зарубежной, эта проблематика обсуждается преимущественно в отношении наследственной массы и общего имущества супругов. См., напр.: Breuer W. Das neue Insolvenzrecht. Verlag C.H. Beck, - Munchen, 2011. - S. 275; Шишмарева Т.П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ // Семейное и жилищное право. - 2021. - № 2. - С. 34 - 37.

Заключение

Вопросы правового статуса ССРО как субъекта частно-правовых отношений, рассмотренные в настоящей диссертации, разумеется, не исчерпывают всей проблематики данного направления. Решение такой задачи невозможно в рамках одного исследования. Вместе с тем, представляется, что ряд нижеперечисленных выводов и положений способен определить основные подходы к решению проблем повышения эффективности правового регулирования и правоприменительной практики в данной сфере.

1. Дифференциация субъектов обязательного или необязательного участия в ССРО по критериям отсутствия / наличия публичного собственника и договорной стоимости работ, приводящая к отличиям в правоспособности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, противоречит вытекающему из конституционного принципа правового равенства запрету таких различий в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания, ибо критерии иррелевантны с точки зрения тех целей, которые обуславливают необходимость применения механизмов саморегулирования, опосредуемых правовой формой СРО и могут служить основанием вытекающей из абзаца второго пункта 3 статьи 49 ГК РФ допустимости ограничения объема гражданской правоспособности. Публично-правовой недостаток такого решения выражает в отсутствии механизма предварительного контроля профессиональной пригодности субъекта к безопасному и качественному выполнению строительных работ в отношении лиц, на которые в силу указанных критериев не распространяется требование членства в саморегулируемой организации.

Решение обозначенной проблемы видится в распространении требования членства в саморегулируемых организациях на всех субъектов,

профессионально осуществляющих строительную деятельность независимо от их организационно-правовой формы, состава участников и договорной стоимости работ. Условия такого членства должны быть дифференцированы в зависимости от тех критериев, которыми определяется потребность осуществления контроля за строительной деятельностью, в числе которых могут быть названы степень технической сложности работ, а также степень вовлеченности в строительство граждан: в первом случае требуется установление специальных квалификационных требований к персоналу и оборудованию, во втором случае – специальные требования к финансовому обеспечению обязательств перед заказчиками (повышенные размеры взносов в компенсационные фонды).

2. Обоснована необходимость нормативной регламентации на уровне закона порядка принятия НОСТРОЙ стандартов и иных корпоративных актов, затрагивающих права и обязанности ССРО и их членов, включающего их публичное обсуждение и экспертную оценку регулирующего воздействия, с целью снижения рисков нарушения прав субъектов предпринимательской деятельности в сфере строительной деятельности, и обеспечения условий реализации государственной политики дерегулирования и «регуляторной гильотины», направленной на создание полноценных условий реализации конституционного права каждого на свободу предпринимательской и иной экономической деятельности и устранение необоснованных административных барьеров в этой сфере.

3. Поскольку саморегулирование есть форма децентрализованного правового регулирования общественных отношений, сущностной основой которой является воля частно-правовых субъектов, постольку в рамках такого регулирования субъекты могут быть ограничены в правах лишь в той мере, в которой это возможно на основе их свободного волеизъявления. В отношении ССРО, основанных на обязательном членстве, сфера автономии воли субъектов строительной деятельности сужается, а потому сужаются пределы,

в рамках которых в правовой статус ССРО могут быть включены такие правоограничительные полномочия в отношении своих членов, которые могли бы рассматриваться как допустимые в условиях их свободного волеизъявления. Государство не вправе подменять своей волей волю частных субъектов, а потому включение в правовой статус ССРО скрытых корпоративно-правовой формой мер публично-правового воздействия, правовой эффект которых проявляется во влиянии на общий правовой статус члена ССРО, недопустимо. Обосновано, что в отношении таких мер ССРО может быть наделена только правом инициировать их применение уполномоченным государственным органом (правом на обращение).

Так, в число мер корпоративного воздействия, правом применения которых ССРО наделяется в целях обеспечения соблюдения актов саморегулирования, входит приостановление деятельности члена ССРО или исключение его из ССРО. Применение таких мер оказывает влияние на общий правовой статус субъекта, проявляя правовой эффект на уровне его правоспособности. Данные меры носят явно выраженный правоограничительный характер, а потому применение ее субъектом частного права не может быть признано допустимым ни с точки зрения общих принципов публично-правовой ответственности, ни с точки зрения эффективности данной санкции. Обосновано, что в отношении таких мер ССРО может быть наделена только правом инициировать их применение уполномоченным государственным органом (правом на обращение).

4. Доктрина защиты разумных ожиданий позволяет обосновать необходимость сохранения такого размера компенсационного фонда, который был сформирован на момент возникновения оснований применения солидарной или субсидиарной ответственности ССРО по обязательствам исключенного члена и должен быть сохранен в течение времени, когда это обязательство может быть принудительно исполнено. Временные рамки такого исполнения заданы двумя видами сроков. Прежде всего, это сроки, в течение которых могут быть выявлены обстоятельства, которые являются

основанием ответственности субъекта строительной деятельности: для деликтного обязательства такие сроки определяются, по общему правилу, сроком службы (с оговорками, определенными статьей 1097 ГК РФ); для договорной ответственности – гарантийным сроком (договорная гарантия или установленный законом срок обнаружения недостатков согласно статьям 724, 756 ГК РФ). Кроме того, ГК РФ ограничивает срок защиты права по иску лица, право которого нарушено, сроком исковой давности. Для деликтных обязательств этот срок определяется тремя годами с момента причинения третьим лицам вреда субъектом, обладающим статусом ССРО, выявленного в пределах срока службы, а потому по истечении совокупности этих сроков отпадает основание удержания взноса исключенного члена СРО в компенсационный фонд возмещения вреда при условии, что в этот период из него не произведены выплаты по обязательствам такого субъекта. Исключением будут случаи, при которых деликтная ответственность строителя не ограничена во времени (пункт 2 статьи 1097 ГК РФ), однако каждый из этих случаев связан с допущенными последним нарушениями, а потому отсутствие возможности возратить сумму взноса можно рассматривать как санкцию за противоправное поведение. Для договорных обязательств этот срок определяется тремя годами со дня истечения гарантийного срока по договорам, заключенным с членом СРО, при условии, что в этот период из него не произведены выплаты по обязательствам такого субъекта. Таким образом, если исключенным из членов СРО субъектом были допущены нарушения действующего законодательства, послужившие основанием его исключения, которые однако не привели к нарушению субъективных прав лиц, в чьих интересах сформирован соответствующий компенсационный фонд, исключенный субъект должен сохранять право на возврат ему взноса в такой фонд. Полагаем, что такой подход позволит обеспечить, с одной стороны, интересы лиц, в которых существуют компенсационные фонды, а, с другой – реализовать принцип соразмерности

наказания за совершенное членом ССРО правонарушение, ставшее основанием лишения его соответствующего корпоративно-правового статуса.

Значительность сроков, истечение которых является условием «созревания» права исключенного члена ССРО на возврат взноса, позволяет поставить вопрос об альтернативном механизме обеспечения прав субъектов, для обеспечения чьих прав предназначены компенсационные фонды. Такой механизм предполагает замену обеспечения на такой способ, которым, с одной стороны, права таких субъектов, были бы обеспечены, по крайней мере, не в меньшей степени, а с другой – были бы менее обременительны для субъекта строительной деятельности. Таким способом видится страхование ответственности за причинение вреда (статья 931 ГК РФ) и ответственности по договору (статья 932 ГК РФ). Незнание лиц, которым может быть причинен вред, на момент заключения договора страхования деликтной ответственности не препятствует применению этой формы обеспечения, что следует из пункта 3 статьи 931 ГК РФ. Пункт 2 часть 1 статьи 55.5 ГрК РФ вполне может рассматриваться как формально-юридическое основание применения страхования ответственности по договору. Заключение исключенным членом ССРО соответствующих договоров страхования и представление их в последнюю (на нее должна быть возложена обязанность по публичному оглашению этих фактов путем размещения сведений в реестре членов) будут выполнять роль альтернативных истечению указанных выше сроков условий «созревания» права исключенного члена ССРО на возврат взносов в компенсационные фонды.

5. Запрет на наличие у ССРО филиалов и представительств не может быть оправдан региональным принципом создания ССРО, ибо никак не препятствует его реализации, а иные, вытекающие из части 3 статьи 55 Конституции РФ основания для данного запрета отсутствуют. Функции СРО не ограничены саморегулированием; наряду с ним СРО как ассоциация осуществляет защиту интересов своих членов в отношениях с государством, обеспечивает их (членов) деликтную и договорную ответственность перед

третьими лицами. Эти задачи определяют, во-первых, необходимость организационного обеспечения их решения (создание специализированных подразделений), а, во-вторых, потребность осуществления определенных действий на территории иных субъектов РФ. Запрет наличия в структуре ССРО филиалов и представительств является чрезмерным с точки зрения правового механизма реализации регионального принципа организации ССРО и ведет к ограничению возможностей последней в осуществлении своей уставной деятельности. В силу изложенного указанный запрет должен быть исключен из правового регулирования как порядка создания ССРО, так и правового режима ее деятельности, для чего требуется внесение изменений в действующее законодательство путем исключения пункта 2 из части 3 статьи 55.4 ГрК РФ.

6. Вытекающее из действующей редакции части 10 статьи 55.13 ГрК РФ ограничение процессуальной правоспособности ССРО как субъекта защиты прав и законных интересов своих членов только правом на иск по спорам о неисполнении или ненадлежащем исполнении договоров подряда исключает возможность полноценной реализации легально закрепленной функции защиты своих членов в судебной форме. Преодоление этой проблемы заключается в расширении процессуальной правоспособности ССРО путем включения в нее права на иск в защиту прав и охраняемых законом интересов своих членов как субъектов любых правоотношений, возникающих в связи с осуществлением строительной деятельности.

7. Обосновано, что включенные в реестр ССРО сведения обладают свойством публичной достоверности, в силу чего любое лицо, добросовестно полагавшееся при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей на запись в реестре о правовом статусе ССРО, не должно испытывать негативных юридических последствий от последующего признания этой записи недействительной.

8. Действующее законодательство дифференцирует порядок прекращения статуса ССРО в зависимости от наличия заключения НОСО о

возможности исключения организации из реестра ССРО (административный порядок) или отсутствия такого заключения (судебный порядок). Между тем, единственное достоинство административного порядка, выражающееся в его оперативности (решение об исключении из реестра СРО принимается в течение тридцати дней после получения Ростехнадзором заключения НОСО) не может служить оправданием риска нарушения прав не только незаконно исключенной из реестра ССРО, но и всех ее членов, осуществляющих строительную деятельность по договорам. Возможность судебного оспаривания решения органа и взыскания убытков не обеспечивает эффективную защиту прав, которые могут быть нарушены незаконным исключением ССРО из реестра. В силу изложенного действующее законодательство должно предусматривать судебный порядок исключения организации из реестра ССРО, что позволит обеспечить необходимый уровень гарантий как самой ССРО, так и ее членов.

9. Поскольку исключение ассоциации из реестра ССРО исключает возможность осуществления ею деятельности по достижению уставных целей, постольку это означает необходимость конструирования материально-правового основания последнего по модели основания принудительной ликвидации юридического лица. Статья 61 ГК РФ конкретизирует такое основание определенным набором противоправных действий, допущенных как при создании юридического лица, так и при осуществлении им деятельности, однако сущность такой санкции как принудительная ликвидация исключает допустимость ее формального применения: данная мера подлежит применению в качестве исключительной, в случаях когда прекращение противоправной деятельности возможно лишь посредством ликвидации организации. Применительно к исключению ассоциации из реестра ССРО этот подход означает включение в материально-правовое основание применения этой санкции установления существенных нарушений законодательства. Оценочный характер существенности означает необходимость в применении юрисдикционной процедуры, посредством

которой может быть дана всесторонняя и объективная оценка поведения ССРО, одновременно обеспечивающей каждому из заинтересованных лиц в полной мере участвовать в установлении юридически значимых обстоятельств, основанной на принципе «*audiat et altera pars*». В наиболее полной мере этим требованиям отвечает судебная процессуальная форма, из чего следует, что исключение ССРО из реестра допустимо только в судебном порядке, при этом правом предъявления соответствующего требования может быть признано не только за НОСТРОЙ и Ростехнадзором, но и за иными государственными органами, реализующими полномочия в сфере строительства (например, антимонопольному органу, если допущенные ССРО нарушения непосредственно связаны с нарушением антимонопольного законодательства).

10. Обосновано, что правовые режимы имущества, образующего компенсационный фонд ВВ и компенсационный фонд ОДО, не имеют сущностных отличий; те же из них, что установлены действующим законодательством, не обусловлены объективными причинами, ибо не определяются их функциональной дифференциацией, а потому могут быть без ущерба для таких функций устранены решением законодателя. Цели каждого из них определяется единой компенсационной функцией, реализация которой совершенно не зависит от вида гарантируемого права третьего лица (из деликта или из договора). Подход к обязательству ССРО как самостоятельному обязательству перед третьим лицом, природа которого не зависит от вида охранительного обязательства с участием на пассивной стороне члена ССРО, окончательно нивелирует отличия в правовых режимах имущества обоих компенсационных фондов. Из этого следует отсутствие необходимости существования в ССРО двух компенсационных фондов как относительно обособленных имущественных комплексов, тождественных по всем элементам их правовых режимов. Формирование единого в ССРО компенсационного фонда позволит устранить проблему дифференциации правоспособности ее членов в части выполнения тех работ, право на

выполнение которых порождается наличием в ССРО компенсационного фонда ОДО, способствуя тем самым формированию правовых условий для реализации гарантированной Конституцией РФ свободы экономической деятельности в строительной сфере и обеспечивая действие сформулированного Конституционным Судом РФ запрета различного обращения для лиц, находящихся в схожих условиях.

11. Обоснована допустимость зачета требования о внесении взноса в счет такого требования к ССРО, которое подлежит удовлетворению за счет средств компенсационного фонда, ибо в этом случае результатом зачета будет сохранение стоимостного выражения последнего, должного к уменьшению вследствие причитающейся кредитору выплаты: характер зачета как квазиисполнения будет означать его уменьшение и одновременное же увеличение на тождественную сумму. Такой зачет должен быть ограничен условием достаточности средств компенсационного фонда для удовлетворения всех заявленных к нему в момент проведения зачета требований кредиторов.

12. Обосновано, что установленное частью 3 статьи 55.16 ГрК РФ ограничение круга субъектов исполнения обязанности по внесению в компенсационные фонды взноса не обусловлено ни их гарантийной природой, ни объектным составом, ни характером опосредующего внесение взносов обязательства, а потому не имеет ни объективных, ни политико-правовых оснований. Поскольку внесение взноса является предпосылкой членства в ССРО, выступающего условием расширения правоспособности субъекта, постольку указанное ограничение свидетельствует о необоснованном с точки зрения части 3 статьи 55 Конституции РФ ограничении субъективных прав, а потому должно быть исключено из текста части 3 статьи 55.16 ГрК РФ.

13. Ограничение круга правовых средств, устраняющих негативные последствия нецелевого использования средств компенсационных фондов недействительностью сделок по распоряжению входящим в них имуществом и корпоративной ответственностью контролирующих ассоциацию лиц,

снижает уровень правовой защищенности членов ССРО, а также игнорирует интересы иных субъектов – потерпевших в деликтных обязательствах и кредиторов в договорных обязательствах с участием членов ССРО, которые (потерпевшие и договорные кредиторы) с учетом назначения компенсационных фондов являются основными интересантами сохранения «объявленных» их размеров. Решение этой задачи видится в следующем.

Поскольку интерес членов ССРО заключается в обеспечении наличия у последней компенсационных фондов в установленных законом размерах как условия сохранения статуса ССРО, постольку за членами последней должно быть признано право от имени ССРО требовать от банка, в котором открыт специальный счет, нарушившего вытекающие из правового режима последнего ограничения по перечислению средств компенсационных фондов, возмещения убытков в пределах сумм, необходимых для восстановления размеров компенсационных фондов до установленных законом минимальных размеров.

Интерес потерпевших в деликтных обязательствах и кредиторов в договорных обязательствах с участием членов ССРО заключается в наличии у последней известной имущественной массы, за счет которой могут быть удовлетворены требования таких субъектов. Применение к банку как неисправному должнику в опосредуемом договором специального счета обязательстве мер ответственности в виде взыскания убытков должно устранять негативные имущественные последствия его противоправных действий, что выражается в восстановлении списанной в результате таких действий суммы денежных средств на специальном счете, что позволит в последующем обеспечить справедливое их распределение между всеми лицами, имеющими право на удовлетворение своих требований за счет соответствующего компенсационного фонда. Реализация такого подхода предполагает наделение обладающего правом требования к ССРО как солидарному или субсидиарному должнику по деликтному или договорному

обязательству члена ССРО кредитора правом требования о взыскании убытков в пользу СРО.

14. Преодоление возникшего в связи с нормативным закреплением права ССРО на выдачу займов за счет средств компенсационного фонда ОДО противоречия между его обеспечительной функцией и функцией поддержки членов ССРО требует закрепления правила о том, что осуществление ССРО права на предоставление займов своим членам не должно приводить к недопустимому снижению уровня гарантий для тех субъектов, ради обеспечения интересов которых был сформирован компенсационный фонд ОДО; в качестве такого уровня может рассматриваться тот минимальный размер этого фонда, который выводится из установленного ГрК РФ минимального размера взносов членов ССРО. В силу изложенного признание за ССРО права предоставления займов своим членам должно быть ограничено лишь той совокупной суммой, в части которой реально сформированный в ССРО компенсационный фонд ОДО превышает тот его размер, который был бы сформирован при внесении членами ССРО взносов в установленном ГрК РФ минимальном размере.

15. Из части 3 статьи 55.5 ГрК РФ вытекает приоритет устава перед стандартами и правилами ССРО, ибо последние, как следует, из частей 1, 5 этой статьи, отнесены к числу внутренних документов. Высшая юридическая сила устава по отношению к внутренним документам, которые принимаются коллегиальным органом управления ССРО, обусловлена статусом принимающего устав общего собрания членов ССРО как высшего органа корпорации; вместе с тем, принятие ряда внутренних документов – их перечень установлен частью 1 статьи 55.10 ГрК РФ – входит в исключительную компетенцию общего собрания, а потому обосновать приоритет устава над этими документами можно только с точки зрения классического представления об уставе как обладающем высшей силой акте внутрикорпоративного регулирования, в основе которой лежит прямое указание ГК РФ. Такое положение не способно обеспечить «подчиненность»

внутренних документов уставу – его приоритет оказывается фикцией, поскольку соответствие внутренних документов уставу оказывается несложно обеспечить путем изменения положений последнего соответственно желаемому содержанию внутренних документов тем же решением общего собрания. Полагаем, что действительный приоритет не может базироваться только на предписании правовой нормы, пускай и императивной, но не имеющей при ближайшем рассмотрении механизма реализации; отталкиваясь от тезиса о том, что в основе юридической силы любой корпоративной нормы лежит волеизъявление участников ССРО, можно обосновать дифференциацию корпоративных актов по «силе» корпоративного волеизъявления. Это очевидно для актов, которые принимаются органами корпорации разных уровней; в тех же случаях, когда принятие корпоративных актов входит в компетенцию одного органа их (актов) дифференциация может базироваться исключительно на критерии вида требуемого для принятия акта большинства: волеизъявление квалифицированного большинства в большей степени отражает совокупную волю гражданского сообщества нежели большинства простого. В силу изложенного полагаем, что обеспечить подлинную, а не декларативную иерархическую связь устава ССРО и принимаемых ею внутренних документов можно только путем нормативного закрепления принятия изменений в устав квалифицированным большинством членов ССРО, а для внутренних документов (в том числе, их изменений) – простого большинства.

16. Обосновано, что эффективным способом обеспечения интересов кредиторов ССРО является нормативное закрепление требования к минимальному размеру ее имущества, на которое последние будут иметь возможность обратить взыскание. Такое имущество будет выполнять гарантийную функцию уставного капитала в хозяйственных обществах, однако потребность в этой конструкции в ее полном функционале для ССРО отсутствует, ибо объем корпоративных прав ее членов является одинаковым для всех. Поэтому использование здесь понятия уставного капитала

некорректно; правильнее говорить о минимальном размере чистых активов ССРО. На такое имущество могут быть экстраполированы те правила об уставном капитале хозяйственных обществ, которые направлены на реализацию гарантийной функции: ограничение видов объектов, за счет которых может формироваться такое имущество, порядок его внесения, требования к минимальному размеру и последствия его несоблюдения.

С учетом того, что при превышении общего размера неисполненных требований суммой в триста тысяч рублей к ССРО возможно применение судебных процедур банкротства, установление минимального размера чистых активов в указанной сумме позволит устранить пробел в правовом механизме защиты прав кредиторов.

В качестве последствий несоблюдения такого требования может применяться мера в виде лишения статуса ССРО – исключение из реестра в судебном порядке; ее применению должно предшествовать предоставление ССРО возможности восполнить недостающий размер имущества за счет членских взносов либо иных источников. Внесение дополнительных взносов членами обеспечивает и их собственный интерес в сохранении ССРО.

17. Обоснован правовой механизм реализации компенсационной функции ССРО, основанный не на солидарном или субсидиарном усложнении субъектного состава обязательства члена ССРО по возмещению внедоговорного вреда/договорных убытков на пассивной стороне, а на самостоятельном денежном обязательстве между ССРО и потерпевшим/кредитором члена ССРО, который вправе по своему выбору предъявить требование в рамках данного обязательства к ССРО либо к члену ССРО в рамках существующего с последним деликтного или договорного обязательства. Восстановление компенсационного фонда, за счет средств которого исполнена обязанность ССРО, с учетом необходимости реализации, с одной стороны, компенсационной функции ССРО, а с другой – функций гражданско-правовой ответственности, должно включать два способа: корпоративный, основанный на внесении всеми членами ССРО

дополнительных взносов (оперативное восстановление компенсационного фонда), и суброгации, в результате которой ССРО как суброгат приобретает право требования к члену, противоправные действия которого послужили основанием соответствующей выплаты (реализации функций гражданско-правовой ответственности). Внесение членских взносов не засчитывается в счет исполнения суброгационного обязательства, а потому в условиях восполнения компенсационного фонда членскими взносами исполнение суброгационного обязательства должно приводить к пропорциональному распределению этого исполнения между теми членами ССРО, которыми внесены такие взносы; последние должны быть наделены корпоративным правом требования исполнения суброгационного обязательства от имени ССРО по модели законного представительства.

18. В условиях недостаточности средств компенсационного фонда для исполнения всех обязательств перед третьим лицами справедливый результат может быть достигнут применением характерных для банкротства принципов *pari passu* (на равных началах) и *pro rata* (пропорционально). Действующее законодательство не предусматривает применение этих принципов в отношении имущества компенсационных фондов, поскольку оно «забронировано» от включения в конкурсную массу, в связи с чем кредиторы по требованиям к ССРО, подлежащим удовлетворению за счет компенсационного фонда, не являются конкурсными кредиторами в деле о банкротстве ССРО, а исключение ССРО из реестра приводит к переходу права собственности на это имущество к НОСТРОЙ с одновременной цессией соответствующих требований. Поскольку указанные принципы должны определять режим обязанности ССРО по возмещению внедоговорного вреда /договорных убытков, постольку они должны сохранять свое действие и в условиях такого правопреемства. Полноценное решение задачи справедливого распределения между кредиторами имущества компенсационных фондов исключенной из реестра ССРО при его недостаточности для удовлетворения всех требований требует внедрения в действующее банкротное

законодательство института сепаратного конкурса обособленной
имущественной массы в качестве специальной процедуры.

Библиография

I. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (в ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 10. - Ст. 1391.

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 16.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

9. Федеральный закон от 19.12.2022 № 542-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. - № 290. - 22.12.2022.

10. Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 11. - Ст. 1596.

11. Федеральный закон от 08.06.2020 № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 24. - Ст. 3740.

12. Федеральный закон от 03.07.2016 № 372-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 27 (часть II). - Ст. 4305.

13. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 14. - Ст. 1652.

14. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства РФ. - 2007. - № 49. - Ст. 6076.

15. Федеральный закон от 29.12.2004 № 191-ФЗ (в ред. от 01.05.2022) «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 17.

16. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

17. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 7. - Ст. 785.

18. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 21.11.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

19. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (в ред. от 05.12.2022) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 3. - Ст. 145.

20. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 8. - Ст. 801.

21. Постановление Правительства РФ от 25.05.2022 № 945 «Об утверждении состава сведений, содержащихся в едином реестре о членах саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства и их обязательствах, и Правил формирования и ведения единого реестра о членах саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства и их обязательствах, в том числе включения в указанный реестр сведений» // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 23. - Ст. 3776.

22. Постановление Правительства РФ от 28.04.2021 № 662 (ред. от 24.03.2022) «Об утверждении требований к кредитным организациям, в которых допускается размещать средства компенсационного фонда возмещения вреда и компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства,

реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 19. - Ст. 3219.

23. Постановление Правительства РФ от 28.04.2021 № 662 (в ред. от 24.03.2022) «Об утверждении требований к кредитным организациям, в которых допускается размещать средства компенсационного фонда возмещения вреда и компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства» // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 19. - Ст. 3219.

24. Положение об отдельных условиях предоставления займов членам саморегулируемых организаций и порядке осуществления контроля за использованием средств, предоставленных по таким займам, утв. Постановления Правительства РФ от 27.06.2020 № 938 (ред. от 20.03.2021) // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 27. - Ст. 4225.

25. Постановление Правительства РФ от 11.05.2017 № 559 «Об утверждении минимальных требований к членам саморегулируемой организации, выполняющим инженерные изыскания, осуществляющим подготовку проектной документации, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт особо опасных, технически сложных и уникальных объектов» // Собрание законодательства РФ. - 2017. - № 21. - Ст. 3011.

26. Постановление Правительства РФ от 19.11.2008 № 864 (в ред. от 26.03.2014) «О мерах по реализации Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 48. - Ст. 5612.

27. Положение о лицензировании деятельности по строительству зданий и сооружений I и II уровней ответственности в соответствии с государственным стандартом, утв. Постановлением Правительства РФ от

21.03.2002 № 174 (утратило силу) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 12. - Ст. 1149.

28. Положение о порядке и способе ведения государственного реестра саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства. Утв. Приказом Ростехнадзора от 16.11.2016 № 478 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14.12.2016.

29. Административный регламент Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору по предоставлению государственной услуги по внесению сведений в государственный реестр саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства. Утв. Приказом Ростехнадзора от 31.03.2016 № 132 (в ред. от 28.06.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 17.06.2016.

II. Диссертации, авторефераты диссертаций

30. Даутия Т.В. Гражданско-правовые аспекты членства в саморегулируемой организации в сфере строительства: дис... канд. юрид. наук. - М., 2018. - 212 с.

31. Лозовская С.О. Правосубъектность в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2001. - 220 с.

32. Новоселова Л.А. Проблемы гражданско-правового регулирования расчетных отношений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 1997. - 46 с.

33. Оськин И.Н. Правовые ограничения в предпринимательской деятельности гражданина (физического лица), действующего без образования юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2003. - 175 с.

34. Петров Д.А. Правовой статус саморегулируемой организации в сфере предпринимательства: дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2016. - 433 с.
35. Потапов В.А. Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - 227 с.
36. Романов Ю.А. Правовое положение саморегулируемых организаций в строительной сфере по законодательству Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2012. - 26 с.
37. Рясенцев В.А. Представительство в советском гражданском праве: в 2-х томах: дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1948. - 602 с.
38. Степанов П.В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1999. - 190 с.
39. Цирульников В.Н. Признак «организационное единство» и его влияние на правоспособность коммерческих организаций (теоретические и правовые аспекты): дис... канд. юрид. наук. - Волгоград, 1998. - 185 с.

III. Монографии, комментарии, учебные пособия

40. Breuer W. Das neue Insolvenzrecht. Verlag C.H. Beck, - Munchen, 2011.
41. Ferri G.B. Il negozio giuridico. 2a ed. - Padova: Cedam, 2004.
42. Gierke O. v. Deutsches Privatrecht. Bd. 1. - Leipzig: Duncker & Humblot, 1895.
43. Tommasini R. Nullita (Diritto privato) // Enciclopedia del Diritto. - Т. XXVIII. S. 1. (ma Milano:) Giuffre, 1978.
44. Административная реформа в России: Научно-практическое пособие / Е.К. Волчинская, Н.А. Игнатьюк, Н.М. Казанцев и др.; под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. - М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2006. - 341 с.
45. Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ж. Марку. - М.: Статут, 2011. - 320 с.

46. Алексеев С.С. Государство и право: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Проспект, 2007. - 148 с.
47. Алексеев С.С. Теория права. - М. : Бек, 1995. - 311 с.
48. Арзуманова Л.Л., Лаптева А.В., Шнигер Д.О., Беляев М.А., Слесарев С.А. Комментарий к Федеральному закону от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2021.
49. Белов В.А. Гражданское право. В 2 томах. Т. 1. Общая часть: учебник для вузов/ В. А. Белов. - Москва: Издательство Юрайт, 2023. - 451 с.
50. Белов В.А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / С.А. Бабкин, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов и др.; под общ. ред. В.А. Белова. - М.: Юрайт, 2009. - 678 с.
51. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. - 224 с.
52. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований: в 5 т. - М.: Статут, 2006. Т. 1. - 736 с.
53. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. - М.: Издательство «Статут», 1997. - 682 с.
54. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. - 368 с.
55. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. Ученые труды: Понятие, виды, государственные юридические лица. Вып. 12. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. - 364 с.
56. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском и гражданском семейном праве. - Рига, 1976. - 231 с.
57. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. - Л., 1948. - 840 с.
58. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. - М.: Статут, 2011. - 1104 с.

59. Годэмэ Е. Общая теория обязательств / Пер. с французского. - М., 1948. - 511 с.
60. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. - 414 с.
61. Гуляев А.М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения: Пособие к лекциям. - Киев, 1907. - 438 с.
62. Егорова М.А. Концепция совершенствования механизмов саморегулирования: pro et contra: монография. - М., 2017. - 180 с.
63. Емельянова М.Б. Стандарты и качество продукции (правовой аспект проблемы). - Москва : Изд-во стандартов, 1971. - 220 с.
64. Ефимова Л.Г. Банковское право. - М.: Статут, 2010. Т. 1. - 404 с.
65. Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): монография. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: РАП, Волтерс Клувер, 2010. - 144 с.
66. Иоффе О.С. Обязательственное право. - М., 1975. - 880 с.
67. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Общая часть. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. 494 с.
68. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. - М.: Госюриздат, 1961. - 381 с.
69. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. - Москва: М-Логос, 2022. - 1496 с.
70. Кавелина Н.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2021.
71. Кашанина Т.В. Корпоративное право: Учебник. - М.: Юрайт, 2010. - 898 с.

72. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. - М.: Статут, 2005. - 476 с.

73. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3-х т. Т. 1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой. (постатейный). Издание третье, переработанное и дополненное / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. - М.: Юрайт-Издат, 2007. - 1038 с.

74. Комментарий к Федеральному закону от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (постатейный) (Лескова Ю.Г., Серова О.А., Диденко А.А., Алгазина А.Ф., Байтенова А.А., Васючкова О.А.) [Электронный источник] // СПС «Консультант Плюс», 2022.

75. Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. - М.: Проспект, 2015. Т. 2. - 528 с.

76. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. - М.: Статут, 2017. Т. 1. - 976 с.

77. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. - М., 2005. - 494 с.

78. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. - М.: Проспект, 2019. - 384 с.

79. Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. - М.: Статут, 2013. - 382 с.

80. Лукьянова В.Ю. Технический регламент в системе российского законодательства: монография. 2-е изд., доп. и перераб. - М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2017. - 208 с.

81. Лукьянова Е.А. Закон как источник советского государственного права. - М., 1988. - 150 с.

82. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. А.К. Кравцов. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. - 350 с.

83. Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. - М., 1981. - 215 с.
84. Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. - М., 1968. - 143 с.
85. Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. - М., 1967. - 175 с.
86. Мицкевич А.В. Избранное / сост. и авт. предисл. Е.А. Юртаева. - М.: ИЗиСП, 2010. - 303 с.
87. Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами. Правовой аспект. - М.: Дело, 2001. - 375 с.
88. Морандьер Л.-Ж. Гражданское право Франции: перевод с фр. - М.: Иностранная литература, 1958. - 742 с.
89. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. - М.: Госюриздат, 1954. - 248 с.
90. Ойгензихт В.А. Имущественная ответственность в хозяйственных договорах: Учебное пособие. - Душанбе, 1980. - 111 с.
91. Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. - Екб.: Налоги и финансовое право, 2005. - 336 с.
92. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. - М., 2003. - 622 с.
93. Предпринимательское (хозяйственное) право / Под ред. О.М. Олейник. - М.: Юристъ, 1999. Т. 1. - 725 с.
94. Саватье Р. Теория обязательств. - М., 1972. - 440 с.
95. Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства в строительной сфере: монография / отв. ред. Ю. Г. Лескова. - М.: Проспект, 2020. - 200 с.
96. Синайский В.И. Русское гражданское право. - М.: Статут, 2002. - 638 с.
97. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. - М.: Статут, 2010. - 893 с.

98. Судебная практика как источник права : [Сб. ст.] / [Б.Н. Топорнин, Э. Серверэн и др.]. - М.: Юристъ, 2000. - 158 с.
99. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. - М.: Статут, 2014. - 456 с.
100. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. - М.: Статут, 2000. - 666 с.
101. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. - М., 1996. - 475 с.
102. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - М., 2001. - 756 с.
103. Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. - М.: Формула права, 2007. - 484 с.
104. Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты. - М., 1995. - 158 с.
105. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. - Ленинград, 1959. - 87 с.
106. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. - М.: Статут, 2007. - 602 с.
107. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. - М.: Юрид. лит., 1974. - 351 с.
108. Хропанюк В.Н. Теория государства и права / Под ред. В.Г. Стрекозова. - М., 2015. - 323 с.
109. Черепяхин Б.Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Труды по гражданскому праву. - М.: Статут, 2001. - 479 с.
110. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. - Томск, 1967. - 310 с.
111. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. - М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 1: Общие положения о юридических лицах. - 384 с.

112. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габов, К.Д. Гасников, В.П. Емельянцев и др.; отв. ред. А.В. Габов. - М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц. - 280 с.

IV. Научные статьи

113. Michael Ian Jackson. (LL.M. 1998) UBC Law Theses and Dissertation Abstracts // <http://www.library.ubc.ca/law/abstracts/Jackson.htm>.

114. Talbot L.E. Critical Corporate Governance and the Demise of the Ultra Vires Doctrine // Common Law World Review. 2009. - Vol. 38. Iss. 2. - P. 189 - 195.

115. Агарков М.М. Правоотношение (гл. XII макета учебника по теории государства и права 1948 г.) // Вестник гражданского права. - 2022. - № 3. - С. 145 - 181.

116. Байтенова А.А. Реорганизация и ликвидация саморегулируемой организации: вопросы практики // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 6. - С. 74 - 79.

117. Белая О.В. Отдельные аспекты осуществления контрольной деятельности СРО в области строительства в отношении своих членов // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 11. - С. 81 - 86.

118. Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2015. - № 11. - С. 53 - 90.

119. Белов В.А. Солидарность обязательств (общее учение и отдельные осложняющие моменты – альтернативность, обеспечение, перемена лиц, прекращение) // Практика применения общих положений об обязательствах: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. - М.: Статут, 2011. - С. 52 - 89.

120. Белова А.В. Вопросы правового регулирования установления гражданско-правовой ответственности // Проблемы юридической науки в условиях современного социально-экономического развития России: Материалы межрегиональной научно-практической конференции студентов, молодых ученых, аспирантов, преподавателей. - Ростов н/Д, 2009. - С. 18 - 20.

121. Белькова Е.Г. Понятие и сущность правоспособности // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2006. - № 5(50). - С. 54 - 59.

122. Васильева С.В. Саморегулирование как правовой способ децентрализации в России // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2013. - № 4. - С. 191 - 202.

123. Васючкова О.А. К вопросу о функциях и видах компенсационных фондов саморегулируемых организаций в сфере строительства // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 8. - С. 54 - 58.

124. Венедиктов А.В. О субъектах социалистических отношений // Советское государство и право. - 1955. - № 6. - С. 17 - 28.

125. Габбасов А.Б. Позитивная административная процедура: поиск новой парадигмы отношений между человеком и чиновником // Журнал российского права. - 2011. - № 8. - С. 65 - 72.

126. Герасимов А.А. Зарубежный опыт регулирования деятельности саморегулируемых организаций // Адвокат. - 2010. - № 6. - С. 46 - 55.

127. Герасимов О.А. Межотраслевые связи норм предпринимательского права в реальном секторе экономики // Власть Закона. - 2018. - № 3. - С. 135 - 146.

128. Григоренко С.М. Проблемы гражданско-правового статуса индивидуального предпринимателя // Хозяйство и право. - 1999. - № 5. - С. 18 - 20.

129. Григорьев А.М. Проблемы реализации функций общественного контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Известия вузов. - 2016. - № 12. - С. 41 - 42.

130. Гурылева К.И. Злоупотребление правом как основание для оспаривания сделок несостоятельного должника // Вестник арбитражной практики. - 2021. - № 6. - С. 34 - 48.

131. Дворецкий М.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц: проблемы теории и практики применения // Вестник Тамбовского университета. - 2013. - Вып. 6 (122).

132. Дедиков С. Регресс и суброгация: опыт сравнительного анализа // Хозяйство и право. - 2005. - № 4. - С. 64 - 70.

133. Дедиков С.В. Правовые проблемы страхования ответственности в сфере саморегулирования строительной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2016. - № 5. - С. 88 - 96.

134. Долинская В.В. Органы саморегулируемых организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 4. - С. 15 - 19.

135. Долинская В.В. Основные положения о юридических лицах: новеллы гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 6. - С. 3 - 11.

136. Домченко А.С. Юридическая сила правового акта: свойство официального документа или элемент дискурсивной координации? // Российский юридический журнал. - 2021. - № 2. - С. 152 - 163.

137. Домченко А.С. Юридическая сила правового акта: свойство официального документа или элемент дискурсивной координации? // Российский юридический журнал. - 2021. - № 2. - С. 152 - 163.

138. Дорохов А.И. Соотношение кумулятивного принятия долга и поручительства. В кн.: Опыты цивилистического исследования: сборник статей / А.Е. Агеенко, И.И. Акимова, В.А. Волгина и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. - М.: Статут, 2018. Вып. 2. - 368 с.

139. Емельянов В. Пределы полномочий органа юридического лица // Российская юстиция. - 2003. - № 1. - С. 21 - 23.

140. Ершова И.В. Общие и специальные нормы в правовом обеспечении саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 4. - С. 3-9.

141. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». - 2014. - № 3. - С. 2 - 15.

142. Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права. - 2021. - № 4. - С. 212 - 241.

143. Жученко С.П. Объем правоспособности коллективных образований // Корпорации и учреждения: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. - М., 2007. - С. 127 - 167.

144. Забелин А.В. Современные тенденции развития законодательства о саморегулируемых организациях в сфере строительства // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2016. - № 7. - С. 90 - 94.

145. Заикин Д.П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частного-полезного фонда // Вестник гражданского права. - 2021. - № 5. - С. 7 - 85.

146. Зайцев И.М., Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: понятие, содержание и значение // Государство и право. - 1995. - № 6. - С. 47 - 52.

147. Казаченок С.Ю., Долинская Л.М. Проблемы обеспеченности недвижимым имуществом социально ориентированных некоммерческих организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2020. - № 5. - С. 25 - 30.

148. Капинус Н.И., Лескова Ю.Г. Надзор за исполнением законодательства об отдельных условиях предоставления займов членам саморегулируемых организаций и порядке осуществления контроля за использованием средств, предоставленных по таким займам // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2020. - № 8. - С. 99 - 105.

149. Кванина В.В. Механизм саморегулирования в строительстве и меры гражданско-правовой ответственности: вопросы соотношения // Журнал российского права. - 2019. - № 12. - С. 90 - 101.

150. Козырева А.Б. Корпорация как центральное понятие корпоративного права // Ленинградский юридический журнал. - 2015. - № 3. С. 104 - 113.

151. Кубанцев С.П. Основные виды наказания в уголовном праве США // Журнал российского права. - 2004. - № 9. - С. 120 - 131.

152. Кудрявцева Т.Ю. Ограничения права собственности на землю в России // Правоведение. - 1997. - № 3. - С. 58 - 59.

153. Курбатов А.Я. Разрешение коллизий с участием норм Гражданского кодекса Российской Федерации: старые и новые проблемы // Журнал российского права. - 2018. - № 10. - С. 36 - 44.

154. Кучинский В.А. Правовой статус и субъективные гражданские права граждан // Правоведение. - 1965. - № 4. - С. 43 - 55.

155. Лескова Ю.Г. Влияние регионального принципа образования саморегулируемых организаций на состояние конкуренции в строительной отрасли // Конкурентное право. 2017. - № 4. - С. 36 - 39.

156. Лескова Ю.Г. К вопросу об особенностях правового статуса саморегулируемых организаций в сфере капитального строительства, проектирования и инженерных изысканий // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2018. - № 1. - С. 45 - 51.

157. Лескова Ю.Г. Ключевые изменения института саморегулирования строительной деятельности: некоторые вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 7. - С. 54 - 63.

158. Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений // Журнал российского права. - 2011. - № 5 (173). - С.48 - 56.

159. Лескова Ю.Г. Корпоративные права и обязанности членов саморегулируемых организаций: некоторые вопросы правоприменения // Гражданское право. - 2021. - № 1. - С. 22 - 26.

160. Лескова Ю.Г. О роли и значении СРО в сфере строительства в реализации и соблюдении принципа стабильности гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2019. - № 6. - С. 13 - 17.

161. Лескова Ю.Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования // Гражданское право. - 2018. - № 5. - С. 9 - 11.

162. Лескова Ю.Г. Стандарты и правила саморегулируемых организаций и их объединений в строительной сфере: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 8. - С. 44 - 47.

163. Лескова Ю.Г., Диденко А.А. Источники корпоративного права // Власть Закона. - 2015. - № 3. - С. 49 - 65.

164. Ломидзе О.Г. Суброгация в гражданском праве России // Хозяйство и право. - 2001. - № 10. - С. 14 - 24.

165. Лукьянова В.Ю. Юридические презумпции в законодательстве о техническом регулировании // Законодательство и экономика. - 2006. - № 10. - С. 29 - 34.

166. Лукьянова Е.А. Закон о законах // Законодательство. - 1999. - № 11. - С. 79 - 87.

167. Любимов Ю., Новак Д., Цыганков Д., Нестеренко А., Варварин А., Ибрагимов Р., Жаркова О., Москвитин О., Маслова Н., Верле Е. «Регуляторная гильотина» // Закон. - 2019. - № 2. - С. 20 - 36.

168. Макарова О.А. Позиция Верховного Суда РФ по рассмотрению некоторых корпоративных споров (в свете Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах) // Журнал предпринимательского и корпоративного права. - 2020. - № 3. - С. 43 - 48.

169. Мамагеишвили В.З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2021. - № 3. - С. 36 - 73.

170. Марьина Е.В. Особенности природы принципа состязательности в российском правосудии // Юридический вестник Самарского университета. - 2019. - Т. 5. - № 4. - С. 132 - 136.

171. Мелехин А.В. Некоторые проблемы обеспечения стабильности административных и других правоотношений // Административное право и процесс. - 2020. - № 1. - С. 8 - 13.

172. Минин В.В. Анализ новой системы правового регулирования контрольно-надзорной деятельности // Административное право и процесс. - 2021. - № 10. - С. 68 - 72.

173. Мисник Н.Н. Целевое назначение и разрешенное использование - юридические признаки земельного участка // Юрист. - 2012. - № 15. - С. 20 - 23.

174. Муранов А.И. Общая и специальная правоспособность индивидуального предпринимателя // Законодательство. - 2003. - № 6, 7.

175. Мусин В.А. Суброгация в советском праве // Советское государство и право. 1976. - № 7. - С. 126 - 130.

176. Оборов А.С. Предпринимательская деятельность и корпоративный контроль в коммерческой корпорации // Предпринимательское право. - 2022. - № 1. - С. 68 - 74.

177. Павлов А.А. Перевод долга // Очерки по торговому праву: Сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 2007. Вып. 14.

178. Павлюк А.В. Проблемы административно-правового регулирования деятельности акционерных обществ // Административное и муниципальное право. - 2014. - № 6 (78). - С. 580 - 591.

179. Петров Д.А. Квazисаморегулируемые организации в сфере предпринимательства // Государственная власть и местное самоуправление. - 2015. - № 4. - С. 54 - 59.

180. Петров Д.А. Правовой режим обеспечения имущественной ответственности членов саморегулируемой организации перед потребителями произведенных ими товаров (работ, услуг) и иными лицами // Юрист. - 2013. - № 18. - С. 30 - 34.

181. Петров Д.А. Принцип гласности ведения дел и принцип публичной достоверности реестра в саморегулировании // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2014. - № 3. - С. 89 - 97.

182. Полежай П.Т., Шелестов В.С. О соотношении юридических и технических норм в социалистическом обществе // Советское государство и право. - 1960. - № 10 - С. 13 - 21.

183. Ровный В.В. Эвикция: проблемы конкуренции исков и права собственности // Правоведение. - 2000. - № 5. - С. 127 - 140.

184. Рыбалов А.О. Тезисы к системе обременений права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2021. - № 12. - С. 157 - 163.

185. Серая Н.А. К вопросу о социальных функциях саморегулируемых организаций в строительной сфере // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность: сборник научно-практических статей III Международной научно-практической конференции (симпозиума) молодых ученых. - Краснодар, 2018. - С. 263 - 267.

186. Серая Н.А. О роли специализированных органов в реализации правосубъектности СРО в сфере капитального строительства, проектирования и инженерных изысканий // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России. Коллективная монография. В 4 т. Т.2 /. Отв. редактор С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, С.А. Карелина, В.Д. Рузанова, О.В. Шмалий, О.А. Золотова, О.В. Сушкова. - М.: Проспект, 2020. - С.680 - 690.

187. Серая Н.А. К вопросу о видах гражданско-правовой ответственности саморегулируемых организаций в сфере строительства: проблемы теории и практики // Юридический вестник Самарского университета. - 2018. - № 4. - С. 127 - 134.

188. Серова О.А., Белая О.В. Проблемы организационно-правового взаимодействия между СРО и ее членами // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 8. - С. 39 - 43.

189. Смирнова А.А. Об усмотрении в административном правотворческом процессе // Журнал российского права. - 2017. - № 8. - С. 92 - 102.

190. Страшун Б.А. Суверенитет государства в современном национальном, международном и наднациональном праве // Lex russica. - 2016. - № 7. - С. 167 - 176.

191. Суров А.Ф. Прекращение статуса «саморегулируемая организация» как правовая мера обеспечения соблюдения публичных интересов // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 12. - С. 89 - 95.

192. Суханов Е.А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. - 2022. - № 1. - С. 136 - 166.

193. Тарасенко О.А. Тенденции правоприменительной практики в сфере саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в России // Предпринимательское право. - 2018. - № 4. - С. 29 - 41.

194. Тихомиров Ю.А. «Закон о законах» – координатор законопроектной деятельности в государстве // Юстиция. - 2005. - № 1. - С. 25 - 32.

195. Тололаева Н.В. Модель пассивных солидарных обязательств // Вестник гражданского права. - 2016. - № 2 - С. 7 - 36.

196. Тотьев К.Ю. Легитимация субъектов предпринимательской деятельности // Законность. - 2002. - № 12. - С. 10 - 15.

197. Черепяхин Б.Б. Органы и представители юридического лица // Ученые записки ВНИИСЗ. - М., 1968. Вып. 14. - С. 131 - 139.

198. Чупрова Е.В. Ответственность за преступное поведение юридических лиц в современной Европе // Системность в уголовном праве: Материалы II Российского конгресса уголовного права. 31 мая - 1 июня 2007 г. - М., 2007.

199. Чупрунов И.С. Влияние одобрения акционеров на ответственность директора перед корпорацией. Развернутый комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.09.2019 N 305-ЭС19-8975 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2020. - № 7. - С. 112 - 167.

200. Чухвичев Д.В. Основные методики кодификации. Германская школа // Вестник Московского университета МВД России. - 2008. - № 9. - С. 157 - 160.

201. Шишмарева Т.П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ // Семейное и жилищное право. - 2021. - № 2. - С. 34 - 37.

202. Шубников Ю.Б., Андреянова И.В. Публично-правовая и частноправовая (гражданско-правовая) ответственность: родовые и видовые признаки // Ленинградский юридический журнал. - 2015. - № 4. - С. 129 - 138.

203. Щербатова С. Коснется ли «регуляторная гильотина» саморегулируемых организаций, выдающих компаниям допуски к производству работ в области строительства? // Административное право. - 2019. - № 3. - С. 57 - 62.

V. Судебная практика

204. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 49. - Ст. 8028.

205. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2017. - № 5.

206. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 52 (Часть V). - Ст. 7729.

207. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2006 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (в редакции статьи 12 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации») в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой граждан М.Ш. Орлова, Х.Ф. Орлова и З.Х. Орловой» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2006. - № 4.

208. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2006. - № 1.

209. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2004. - № 4.

210. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Интеблишмент» и

запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 9. - Ст. 830.

211. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 29. - Ст. 3059.

212. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 № 12-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 1999. - № 30. - Ст. 3989.

213. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.1995 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» в связи с жалобой гражданина В.М. Минакова» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 1995. - № 2-3.

214. Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 134-О «По запросу Суда Чукотского автономного округа о проверке конституционности положений статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и по жалобе гражданина Соковца Владимира Платоновича на нарушение этими положениями его конституционных прав» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2002. - № 1.

215. Определение Конституционного Суда РФ от 05.10.2000 № 199-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-на А.М. Кушнарева на нарушение его конституционных прав положениями части первой ст. 40.1

КЗоТ РФ и п. 1 ст. 12 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2001. - № 1.

216. Определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 № 22-О «По запросу Питкярантского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2000. - № 3.

217. Определение Конституционного Суда РФ от 01.07.1998 N 84-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности подпункта 1 пункта 2 и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

218. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 2.

219. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2017. - № 1.

220. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (в ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2016. - № 11.

221. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2015. - № 8.

222. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики

рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» // Вестник ВАС РФ. - 2009. - № 9.

223. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19.04.1999 № 5 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета» // Вестник ВАС РФ. - 1999. - № 7.

224. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. - 1996. - № 9. - С. 10.

225. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2020. - № 5.

226. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.01.2021 № 305-ЭС20-16629 по делу № А40-101980/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

227. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.11.2020 № 307-ЭС20-17589 по делу № А56-104420/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

228. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.08.2020 № 305-ЭС19-3996(6) по делу № А40-109856/2017 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

229. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.03.2020 № 305-ЭС20-2387 по делу № А40-299689/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

230. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.01.2020 № 307-ЭС19-26058 по делу № А21-14224/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

231. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

232. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 305-ЭС19-13031 по делу № А40-230726/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

233. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.01.2019 № 307-ЭС18-23943 по делу № А56-14482/2017 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

234. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.12.2016 № 308-ЭС16-16738 по делу № А53-1210/2016 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

235. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.08.2020 № Ф07-7674/2020 по делу № А56-104420/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

236. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.06.2020 № Ф05-9026/2020 по делу № А40-90653/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

237. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.06.2020 № Ф09-9308/19 по делу № А60-44797/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

238. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.10.2018 № Ф02-4533/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

239. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.09.2018 № Ф09-5564/18 по делу № А07-32054/2017 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

240. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.03.2018 № Ф05-1395/2018 по делу № А40-71885/2017 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

241. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.09.2017 № Ф05-13152/2017 по делу № А40-255568/16 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

242. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2021 № 09АП-53794/2021 по делу № А40-101980/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

243. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.02.2021 № 13АП-34114/2020 по делу № А56-54726/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

244. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2020 № 17АП-14432/2019-АК по делу № А60-44797/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

245. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 13.12.2019 № 04АП-5599/2019 по делу № А19-23113/2017 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

246. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.10.2019 № 18АП-15039/2019 по делу № А07-6539/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

247. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2019 № 09АП-48547/2019 по делу № А40-42889/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

248. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2019 № 09АП-51153/2019-ГК по делу № А40-287952/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

249. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2019 № 15АП-15701/2019 по делу № А53-2233/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

250. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.04.2019 № 17АП-2242/2019 по делу № А50-29050/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

251. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2018 № 09АП-43306/2018 по делу № А40-67731/2018 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

252. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19.07.2018 по делу № А33-30718/2017 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

253. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.05.2018 № 09АП-12198/2018-ГК по делу № А40-151714/17 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

254. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2017 № 06АП-2371/2017 по делу № А37-2124/2016 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

255. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2016 № 09-АП-19457/2016 по делу № А40-244514/15 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

256. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2012 № 15АП-2546/2012 по делу № А53-17256/2011 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

257. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 24.12.2019 по делу № А56-90144/2019 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

258. Решение Арбитражного суда Курганской области от 27.10.2015 по делу № А34-3621/2015 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

VI. Иные документы

259. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2015 № 2776-р «О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 2 (часть II). - Ст. 458.

260. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по

кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

261. Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект) // Вестник гражданского права. - 2009. - № 2.

262. Письмо Минстроя России от 26.05.2017 № 18608-ХМ/02 // Нормирование, стандартизация и сертификация в строительстве. - 2007. - № 5.

263. Методические рекомендации НОПРИЗ «О порядке предоставления займов членам саморегулируемой организации и порядке осуществления контроля за использованием средств, предоставленных по таким займам». - URL: <http://nopriz.ru/>

VII. Интернет-ресурсы

264. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. - URL: <https://fedresurs.ru/>

265. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. - URL: <https://minjust.gov.ru/>

266. Официальный сайт Ростехнадзора России. - URL: <http://sro.gosnadzor.ru/>

267. Официальный сайт Росстата России. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>

268. Официальный сайт Национального объединения строителей (НОСТРОЙ). - URL: <https://nostroy.ru/>

269. Информационно-консультационный портал саморегулируемых организаций. - URL: <https://www.reestr-sro.ru/>

270. Официальные сайты саморегулируемых организаций в сфере строительства: URL: <https://enstal.ru/>; URL: <https://www.srocrs.ru/>; URL: <https://srobov.ru/>; URL: <https://asoos.ru/>; URL: <https://www.as-sro.ru/>; URL: <https://aso56.ru/>; URL: <http://sro-osops>; URL: <https://sroopsr.ru/>; URL: <https://oskbr.ru/>; URL: <https://sro-krasstroy.ru/> URL: <https://smolensk-sro.ru/>; URL:

<https://us86.ru/>; URL: <http://sro-ism.ru/>; URL: <http://odinsro-stroy.ru/>; URL:
<https://smolensk-sro.ru/>; URL: <https://www.npas.ru/>; URL: <https://www.ospnp.ru/>;
URL: <http://spsi-sro.ru/>